ст 72

Протоіерей А. СИНАЙСКІЙ.

О ПАДШИХЪ И ОТЛУЧЕННЫХЪ

ВЪ

ДРЕВНЕХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ

И

РУССКОЙ.

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Мисс. Обозр», №№ 4—9 за 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Колоколъ», Невскій пр, № 127.
1908.

Вх
539

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
305
59

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Затронутый нами вопросъ о падшихъ и отлученныхъ весьма важенъ какъ самъ по себѣ, такъ и особенно въ современной церковно-общественной жизни, подвергающейся большимъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ множества противоположныхъ теченій религіозныхъ, культурныхъ, общежитейскихъ и т. п. На предстоящемъ русскомъ церковномъ соборѣ вопросъ о падшихъ и отлученныхъ долженъ быть предметомъ обсужденія для примиренія и согласованія различныхъ взглядовъ на право церковной власти отлучать отъ общенія враговъ христіанства и открытыхъ невѣровъ. Путемъ историческимъ, посредствомъ примѣровъ отлученія съ древнихъ временъ до настоящаго времени, мы установили то положеніе, что практика отлученія вредныхъ членовъ Церкви составляла, на ряду съ другими, могучій факторъ, употреблявшійся Церковью для воздѣйствія своего благотворнаго вліянія, соотвѣтственно потребности, на христіанское общество.

Это нужно знать тѣмъ, кто, при сбивчивости понятій о правахъ и задачахъ Церкви, но болѣе всего въ цѣляхъ противодѣйствія вліянію ея на современные расшатанные умы, отрицаетъ умѣстность и полезность ея древнѣйшихъ и благотворныхъ учрежденій и ея право судить виновныхъ. Насколько религія и ея культъ составляютъ неотъемлемую принадлежность личности и общественнаго сознанія, настолько неоспоримо, съ догматической стороны, право Церкви изрекать свой судъ тамъ, гдѣ должно...

Авторъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:						*Нужно читать.*
28	стран.	снизу	19	строка	idem.	fidem
57	„	„	27	„	1861	1661
56	„	„	3	„	записи	земли.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Возникновеніе вопроса объ отпадшихъ отъ христіанской вѣры. Неодинаковое отношеніе къ падшимъ со стороны представителей Церкви и послѣдователей раскола новаціанъ при обращеніи къ вѣрѣ. Правильный и установившійся взглядъ св. Кипріана, епископа Карѳагенскаго, въ вопросѣ о принятіи ихъ въ общество . . . . . 3—21

II. Непринадлежность къ составу Церкви открытыхъ и упорныхъ сектантовъ, раскольниковъ и еретиковъ. Причины, сущность и цѣль отлученія вредныхъ членовъ Церкви. Власть Церкви отлучать явныхъ еретиковъ и тяжкихъ грѣшниковъ . . . . . 22—28

III. Осмотрительность при отлученіи виновныхъ. Мнѣніе блаж. Августина и св. Іоанна Златоуста по поводу поспѣшности отлученія въ нѣкоторыхъ случаяхъ. . 28—34

IV. Нѣкоторые выдающіеся случаи отлученія, совершенные епископомъ Амвросіемъ медіоланскимъ и Синезіемъ, епископомъ птолемаидскимъ и др. Анаѳематствованіе разныхъ еретиковъ на вселенскихъ соборахъ. . . 34—42

V. Неблагопріятныя послѣдствія и лишенія для отлученныхъ въ гражданскомъ и церковномъ отношеніи. Возможный выходъ отлученныхъ изъ тяжелаго своего положенія для примиренія съ Церковью. . . . . 42—48

VI. Особенныя условія русской церкви при разсмотрѣніи вопроса о падшихъ и отлученныхъ. Наличность отпадшихъ отъ православія, еретиковъ и раскольниковъ. 48—54

VII. Отличительный характеръ въ отношеніяхъ русской Церкви къ еретикамъ и послѣдователямъ раскола старообрядства. Отлученіе стригольниковъ и жидовствующихъ. . . . . 54—56

VIII. О клятвахъ московскаго церковнаго собора 1666—67 г. на послѣдователей раскола старообрядства. Значеніе клятвъ собора въ послѣдующее время въ отношеніи единовѣрцевъ въ прошломъ XIX вѣкѣ. . . . . 57—64

IX. Заботы и распоряженія императора Петра Великаго о строгомъ соблюденіи условій при наложеніи анаѳемы на раскольниковъ, еретиковъ и тяжкихъ преступни-

стр.

ковъ. Анаѳематствованіе Стефана Глѣбова, Пархомова съ Д. Колтовскою, лѣкаря Д. Тверитинова съ М. Косымъ. Случай интердикта въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. . . . . 64—72

X. Сектантство и еретичество русскихъ XIX в., какъ послѣдствіе отрицательнаго односторонняго направленія современнаго отечественнаго просвѣщенія. Дѣло объ еретичествѣ графа Л. Толстого. Отлученіе его отъ Церкви. Отвѣтъ гр. Толстого на посланіе св. Синода объ отлученіи его отъ Церкви. Отлученіе отъ Церкви бывшаго священника С. Уствольскаго. . . . 72—91

XI. Особенности богослуженія чина православія (въ прежнее и настоящее время), на которомъ совершается отлученіе виновныхъ въ формѣ «анаѳемы». . . . . 91—93

XII. Значеніе анаѳемы въ настоящее время, какъ церковно-вразумительной мѣры для членовъ христіанскаго общества—вѣрующихъ и отступниковъ Мнѣнія по сему предмету двухъ епископовъ—Никанора одесскаго и Амвросія харьковскаго. Связь вопроса о падшихъ и отлученныхъ съ современнымъ вопросомъ о свободѣ вѣроисповѣданія. Неодинаковое къ нему отношеніе при рѣшеніи съ высшей точки зрѣнія—справедливости и культуры. Законодательное рѣшеніе вопроса о свободѣ вѣроисповѣданія въ 1905 г. Неблагопріятныя практическія послѣдствія рѣшенія вопроса, въ принципѣ вѣрнаго (т. е. рѣшенія). . . . . 94—115

О падшихъ и отлученныхъ въ древнехристіанской церкви и русской.

(По поводу нестроеній въ современной церковной дисциплинѣ).

> Смотрите, братія, чтобы не было въ комъ изъ васъ сердца лукаваго и невѣрнаго, дабы вамъ не отступить отъ Бога; но наставляйте другъ друга каждый день, чтобы кто не ожесточился, обольстившись грѣхомъ.... Земля, пившая многократно сходящій на нее дождь и произростающая злаки, получаетъ благословеніе; а производящая терніи и волчцы— негодна и близка къ проклятію... (Евр. V, 12—13; VI, 7—8).

Въ жизни церкви, какъ живого организма, вмѣстѣ съ обычными, часто повторяющимися, явленіями, могутъ иногда обнаруживаться событія особенныя и исключительныя, нарушающія миръ и порядокъ членовъ христіанскаго общества. Сюда относятся: гоненія и притѣсненія христіанъ за ихъ убѣжденія, ереси и расколы среди членовъ церкви; соблазнительное поведеніе ихъ, оказывающее вредное вліяніе на неустойчивыхъ и неопытныхъ христіанъ и т. п. На церковной власти лежитъ обязанность принять надлежащія и своевременныя мѣры къ ослабленію и устраненію означенныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, во избѣжаніе вредныхъ послѣдствій для православнаго ученія и благочестія христіанъ. Такъ заботливо и цѣлесообразно поступала церковь въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни какъ въ древнее время, такъ поступаетъ и въ настоящее время, представляющее, вмѣсто прекратившихся гоненій, много внутреннихъ опасностей и враждебныхъ упорныхъ элементовъ и сторонъ. Въ духѣ и направленіи древне-христіанской церкви должна поступать и наша русская церковь при однородныхъ явленіяхъ и событіяхъ въ современной жизни по отношенію къ

своимъ членамъ, руководясь при этомъ данною ей властью, правилами и соображеніями

Въ настоящемъ очеркѣ имѣется въ виду коснуться и разсмотрѣть вопросъ о падшихъ и отлученныхъ съ церковно-исторической и канонической точки зрѣнія въ его соприкосновеніи съ современными потребностями. Означенный вопросъ имѣлъ большое значеніе и примѣненіе въ древне-христіанской церкви и отчасти въ русской.

Подъ падшими нужно исторически понимать тѣхъ изъ христіанъ, которые, не выдержавъ преслѣдованій и мученій во время гоненій со стороны язычниковъ (II—IV вв.), отступали отъ христіанской вѣры для сохраненія своей жизни, здоровья, имущества, службы, общественнаго положенія и т. п., а впослѣдствіи, подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти и по прекращеніи гоненій, снова вступали въ церковь, раскаиваясь и сожалѣя о своемъ малодушіи и паденіи. Эти христіане извѣстны въ древней церкви подъ именемъ падшихъ (lapsi). Хотя въ исторіи русской церкви не было гоненій на христіанскую вѣру и не могло быть поэтому падшихъ въ древнецерковномъ смыслѣ, однако случаи отпаденія отъ вѣры были и бываютъ, происходя отъ другихъ причинъ, культурныхъ и политическихъ. Къ отлученнымъ принадлежатъ тѣ изъ христіанъ древнихъ и новыхъ временъ, которые по суду церкви, основательному и рѣшительному, исключены изъ общества церковнаго, изъ состава его членовъ, за ереси, расколы, сектантство, за измѣну отечеству и вообще за открыто худое поведеніе, безусловно вредное для общества и церкви [1]).

---

[1]) Хотя источники и пособія, которыми пользовался авторъ, обозначены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, однако мы сочли не лишнимъ привести полный списокъ ихъ, дабы не повторять ихъ съ полнымъ заглавіемъ въ примѣчаніяхъ большею частію ограничивающихся инициалами сочиненій и ихъ авторовъ

1. Церковная исторія Евсевія Памфила, т. I.

2. Творенія св. Кипріана, епископа карѳагенскаго, изд. Кіев. д акад. т. I—II. 1891 г.

3. Св. отца нашего Іоанна Златоустаго слова и бесѣды на разные случаи. Спб. 1865 г. т. II.

4. Дѣянія св. вселенскихъ соборовъ, изд. Казанск. дух. акад. I—VII т

5 А. Молчановъ. Св. Кипріанъ Карѳагенскій и его ученіе о церкви. Казань, 1888 г.

6. Исторія христіанской церкви Робертсона, въ переводѣ проф. А. Лопухина т. I Спб.,

7. Проф. Д. Ѳ. Касицинъ. Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. Москва, 1890 г.

8. Суворовъ. О церковныхъ наказаніяхъ. Спб. 1846 г.

9. Кипарисовъ В. О свободѣ совѣсти. Москва. 1883 г.

I.

Появленіе падшихъ относится къ довольно раннему періоду исторіи христіанской церкви, къ такъ называемой эпохѣ гоненій на христіанъ. Если во время продолжительныхъ и тяжкихъ преслѣдованій христіанъ за исповѣданіе вѣры обнаружилось множество мучениковъ и исповѣдниковъ, пострадавшихъ за вѣру и ученіе Іисуса Христа, то встрѣчалось немало между христіанами и такихъ, которые, къ общему соблазну и огорченію, отказывались отъ своей вѣры подъ тяжестью принужденій и мученій. Уже Оригенъ въ началѣ III-го вѣка и еп. Карѳагенскій Кипріанъ въ половинѣ его свидѣтельствуютъ о массовыхъ отпаденіяхъ отъ вѣры среди христіанъ. По свидѣтельству обоихъ писателей, соединенному съ жалобами на неустойчивость современныхъ христіанъ, послѣдніе, будучи потребованы, въ силу указа императора, явиться и совершить жертвоприношеніе, устремились къ площади; нѣкоторые изъ опасенія конфискаціи имущества, нѣкоторые изъ желанія удержать за собою должности, иные изъ-за страха мученій, а иные изъ-за просьбъ друзей и родственниковъ: казалось, по словамъ св. Кипріана, какъ будто-бы они давно уже желали найти случай

---

10 Кипарисовъ В О церковной дисциплинѣ. Сергіевъ посадъ, 1897 г

11 Лебедевъ Л П., проф Эпоха гоненія на христіанъ. Москва, 1904 г

12 Николъскій К, протоіерей. Анаѳематствованіе (отлученіе отъ церкви), совершаемое въ первую недѣлю великаго поста. Спб. 1849 г.

13 Митр Макарій. Исторія русской церкви. Спб, 1883—1903 г. III—XII т

14 Дѣянія большого московскаго собора 1666—1667 г г. Спб., 1843 г.

15. Ив Нильскій, проф. О клятвахъ московскаго собора 1666—1667 г г.

16 Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія.

17. Описаніе документовъ и дѣлъ свят Синода въ царствованіе Петра Великаго. императр Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны.

18 Голубевъ М Объясненіе посланія св. ап. Павла къ Коринѳянамъ. Спб. 1863 г.

19 Русская старина. 1887 г. Окт.-декабрь

20. Собраніе мнѣній и отзывовъ митроп. московск. Филарета по вопросамъ административнымъ и учебнымъ.

21. Русскій архивъ. 1870 г.

22. М. Барсовъ. Сборникъ статей по истолковательному чтенію четвероевангелія т. II Спб 1893 г

23 Историческій вѣстникъ, 1905 г августъ.

24. Чтеніе въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. 1871 г. Окт 25 - 27 стр

25. Сборникъ статей по поводу отлученія гр Л. Толстого. Спб. 1904 г.

26. К. Арсеньевъ. Свобода совѣсти и вѣротерпимость. Спб. 1905 г.

27 Новый законъ 17 апрѣля объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости съ разъясненіями. Спб., 1905 г

для отреченія отъ своей вѣры (Твор св. Кипріана, т. II, 153—4 стр.). Кромѣ тѣхъ, которые дѣйствительно приносили жертву языческимъ богамъ, многіе за особую плату чиновникамъ получали удостовѣреніе въ томъ, что они исполнили повелѣніе императора, и многіе изъ нихъ, называвшіеся либеллятиками (отъ libma—свидѣтельство, билетъ), успокаивали себя тѣмъ соображеніемъ, что они не дѣлали ничего худого.

Во время гоненія при импер. Декіи (249—51 г г.) особенно много было отпадшихъ. По свидѣтельству Діонисія Александрійскаго и св. Кипріана, всѣ поражены были тогда страхомъ (послѣ объявленія указа). Многіе изъ людей знаменитыхъ спѣшили сами выслушать опредѣленіе въ судилищахъ; другіе, несшіе общественныя должности, были призываемы къ тому необходимостью; а нѣкоторыхъ вели туда друзья и домашніе. Приходившіе приступали къ нечестивымъ жертвамъ Одни блѣдные и трепещущіе, казалось, не съ намѣреніемъ принести жертву, а какъ будто бы сами должны были сдѣлаться жертвою идоловъ, такъ что въ окружавшей ихъ толпѣ возбуждали насмѣшки, показывая всѣмъ свое малодушіе и передъ лицемъ смерти и при видѣ жертвы; другіе подходили къ жертвеннику съ большой готовностью, стараясь доказать самою смѣлостью

---

28. М. Макарій. Правосл.-догматическ богословіе, 1850 г. I—III т. изд. 2 е. Спб.

29. Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь т. 1 и XXV.

30. Епископъ Амвросій. Слово о свободѣ совѣсти. Москва, 1886 г.

31. Фарраръ Ф. В. Жизнь и труды св. отцевъ и учителей церкви., т. I. въ переводѣ проф. А. Лопухина. Спб. 1902 г.

32. Филаретъ, архіепископъ Черниговскій Историческое ученіе объ отцахъ церкви, т. I. Спб., 1882 г.

33. М. Кояловичъ. Чтенія по исторіи западной Россіи. Спб. 1884 г., изд 4-е

34. Сергій. архимандр. Анаѳема. Смысл. богослуженія, совершаемаго въ соборныхъ церквахъ въ первое воскресенье в. поста. Спб, 1902 г.

35. «Церковн. Вѣдомости», изд. при св. Синод. Спб., 1905 г. №№ 30, 34.

36. Кіевская Старина, 1904 г. т. 87, декабря. Стр. 444—453.

37. Послѣдованіе въ недѣлю православія (чинъ, бываемый въ воскресенье на первой недѣлѣ великаго поста, съ анаѳематствованіемъ ересей)

38. Du Pin. De antiqua ekklesiae disciplina. Parisus. MDCCXCI.

39. Полное собраніе постановл. и распоряжен. по вѣдомству прав. исповѣд. 1905 г. т. IX, 1735—1737 г.г.

40. «Вѣра и Разумъ». 1893 г. №№ 8 и 11 Въ ст. «Къ вопросу о падшихъ въ римской и сѣверо-африканской церквахъ въ III-мъ в «обстоятельно изложена фактическая сторона дѣла.' Окончательный выводъ автора—тотъ, что вопросъ о падшихъ въ обѣихъ церквахъ, какъ вопросъ новый, рѣшался съ нѣкоторыми затрудненіями. Вопросъ, однако, быть рѣшенъ въ духѣ христіанской любви, по которому отлученіе грѣшника отъ Церкви не должно быть вѣчнымъ, такъ какъ нѣтъ грѣха котораго не могла бы покрыть любовь Іисуса Христа

го, что они и прежде не были христіанами Изъ прочихъ же одни слѣдовали за тѣми, другіе за другими; одни устояли до узъ темницы, а другіе хотя и находились въ заключеніи уже много дней, но потомъ, еще не дождавшись суда, отреклись; были и такіе, которые, вытерпѣвъ довольно пытокъ, на дальнѣйшія мученія не отваживались. Случаи отпаденія отъ вѣры были не въ одномъ мѣстѣ, а во многихъ,—тамъ, гдѣ происходили допросы и пытки въ силу общеимперскаго указа. По свидѣтельству св. Кипріана, тотчасъ, при первыхъ словахъ угрожающаго врага, большее число братьевъ продало свою вѣру и, еще не бывъ сломано бурею гоненія, само себя низвергло добровольнымъ паденіемъ Не устояли въ вѣрѣ въ это гоненіе не одни міряне, но поколебались (оказались въ числѣ падшихъ) и сами клирики, долженствовавшіе показывать собою образецъ твердости прочимъ вѣрующимъ. Впрочемъ, къ чести тогдашняго христіанскаго общества нужно сказать, что падшихъ много было съ начала гоненія, потомъ число ихъ значительно сократилось; многіе даже образумились; сначала было отреклись отъ вѣры, а потомъ сдѣлались исповѣдниками, т. е. открыто заявили о своей вѣрѣ.

Обстоятельную и полную картину паденія христіанъ во время гоненій въ царствованіе Декія представилъ св Кипріанъ, еп. Карѳагенскій, въ нарочито составленномъ имъ трактатѣ „о падшихъ“ [1]) Это твореніе св. отца, по объему небольшое, важно въ историческомъ и каноническомъ отношеніяхъ: съ одной стороны св. Кипріанъ не ограничивается поверхностнымъ описаніемъ случаевъ отпаденія христіанъ отъ вѣры, а уясняетъ и внутреннія причины ихъ, а съ другой—въ означенномъ сочиненіи св. отецъ указываетъ и то, какъ нужно относиться къ падшимъ для того, чтобы они исправились и снова вступили въ число членовъ церкви.

---

[1]) Св. Кипріанъ, родомъ изъ г. Карѳагена, сын. сенатора, въ язычествѣ извѣстенъ былъ какъ мудрый, учительный и благочестивый человѣкъ, занимая высшія гражданскія должности Въ 246 г. принялъ христіанство, въ 247 г. посвященъ во пресвитера, а въ слѣдующемъ году, противъ собственнаго желанія, избранъ былъ народомъ въ санъ епископа. Во время гоненія Декія на время скрылся для пользы паствы, но при импер. Валеріанѣ сначала подвергся изгнанію, а послѣ мученически пострадалъ за вѣру Христову, будучи обезглавленъ 14-го сентября 258 г. Кипріанъ оставилъ послѣ себя драгоцѣнныя сочиненія, уважаемыя во восточной и западной Церковію, между сочиненіями его есть особый трактатъ «О падшихъ» Не смотря на свою краткость, трактатъ «О падшихъ» имѣетъ оч. важное значеніе въ историческомъ и каноническомъ отношеніи, въ немъ онъ проводитъ и защищаетъ свой правильный взглядъ по отношенію къ падшимъ, т. е. къ отступникамъ отъ вѣры, возсоединявшимся съ Церковью.

На вопросъ о томъ, почему именно гоненіе, бывшее при импер. Декіи, сопровождалось множествомъ отпавшихъ, находимъ отвѣтъ въ характеристикѣ св Кипріана своего времени, изъ каковой характеристики достаточно видно, что современные автору христіане слишкомъ преданы были заботамъ о временномъ и мірскомъ, такъ что среди этихъ заботъ они сдѣлались равнодушными къ благамъ духовнымъ, которыя обѣщаны христіанамъ. Они слишкомъ осуетились, чтобы стойко держаться за вѣру, какъ это было въ предшествовавшія времена гоненій; духъ мірской возобладалъ въ нихъ надъ духомъ Евангелія, или, какъ говоритъ св. Кипріанъ, мы не радимъ о чистотѣ и вѣрѣ, отреклись отъ міра только на словахъ, а не на дѣлѣ, дѣлаемъ угодное только себѣ. Кипріанъ, тщательно отыскивая причины печальнаго явленія, говоритъ: Господь хотѣлъ испытать Свою семью и такъ какъ продолжительный миръ (до Декія около 40 лѣтъ не было большихъ народныхъ гоненій) повредилъ (?) ученіе, преданное намъ свыше, то Самъ Промыслъ возстановилъ лежащую и, если можно такъ выразиться, спящую вѣру. Вѣдь стали же всѣ заботиться, укоряетъ св. Кипріанъ, о пріумноженіи наслѣдственнаго своего достоянія, и забывъ о томъ, какъ поступали вѣрующіе при апостолахъ и какъ должны поступать всегда, съ ненасытнымъ желаніемъ устремились къ увеличенію своего имущества. Не слѣдуетъ забывать, разсуждаетъ онъ, о поводѣ и причинахъ нашего пораженія, не были готовы и не могли отступать передъ жертвою тѣ, которыхъ, подобно путамъ, связывало ихъ богатство. Это были узы, это были цѣпи, которыя задерживали ихъ доблесть, подавили вѣру, побѣдили ихъ умъ, оковали душу, и привязанные сдѣлались добычею и пищею змія, пожирающаго, по Божію приговору, землю. Весьма многіе епископы,—сѣтуетъ Кипріанъ,—которые должны бы увѣщевать другихъ и быть для нихъ примѣромъ, переставъ заботиться о божественномъ, стали заботиться о мірскомъ; оставивши каѳедру, покинувши народъ, они скитаются по чужимъ областямъ, стараясь не пропустить торговыхъ дней для корыстной прибыли, и когда братья въ церкви алчутъ, они, увлекаемые любостяженіемъ, коварно завладѣваютъ братскими доходами, и, давая чаще взаймы, увеличиваютъ свои барыши. Вмѣстѣ съ развитіемъ любостяжанія Кипріанъ укоряетъ современное общество и во многихъ другихъ порокахъ, не соотвѣтствующихъ христіанскому призванію и свидѣтельствующихъ о потерѣ тогдашнимъ обществомъ чистоты жизни христіанской. „Незамѣтно стало въ священникахъ,—говоритъ Кипріанъ,—

искренняго благочестія, въ нравахъ—благочинія", и о мірянахъ замѣчалъ: „прибѣгаютъ къ коварнымъ плутнямъ,—для уловленія сердецъ простыхъ людей; заключаютъ супружескіе союзы съ невѣрными,—члены Христовы предлагаютъ себя язычникамъ (замѣтенъ, значитъ, былъ такой индифферентизмъ); съ гордою надменностью презираютъ пастырей церкви, ядовитыми устами клевещутъ другъ на друга, упорною ненавистью производятъ взаимные раздоры".

При такомъ упадкѣ духа христіанскаго въ обществѣ вѣрующихъ отпаденіе отъ вѣры не представляетъ уже ничего особенно страннаго и непонятнаго,—духъ мірской слишкомъ обуялъ міръ христіанскій. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательны еще обличенія Кипріаномъ современнаго ему щегольства между христіанами; „мущины,—говоритъ онъ,—обезобразили свою бороду, женщины нарумянили лица, глаза—твореніе рукъ Божіихъ, искажены, волосы украшены ложью". Даже между самыми дѣвственницами, какія были въ карѳагенской церкви, по свидѣтельству Кипріана, распространилась страсть къ щегольству: „онѣ чернятъ брови,—жалуется на нихъ Кипріанъ,—на щеки наводятъ поддѣльный румянецъ, красятъ волосы въ несвойственный имъ цвѣтъ, искажаютъ подлинныя черты лица и головы". Указывая на такой духъ мірской, поработившій себѣ общество христіанское того времени, Кипріанъ ни на минуту не сомнѣвается этимъ именно духомъ объяснить печальное явленіе—множество падшихъ въ гоненіе Декіево.

Хотя количество отпадшихъ въ значительной степени вознаграждалось болѣе значительнымъ перевѣсомъ исповѣдниковъ и мучениковъ, какъ борцевъ за вѣру и побѣдителей, однако самый фактъ отступленія отъ христіанства не могъ не производить угнетающаго впечатлѣнія на всѣхъ христіанъ, служа большимъ соблазномъ и камнемъ преткновенія для слабыхъ въ вѣрѣ. Отрицательное и неблагопріятное впечатлѣніе оставалось при мысли о неискренности и вынужденности падшихъ, искавшихъ вступленія въ церковь по прекращеніи гоненія—вступленія, соединеннаго съ опасностями.

Но возникавшій вопросъ объ условіяхъ вступленія падшихъ въ число членовъ церкви рѣшался въ то время не такъ легко и скоро, какъ можно было ожидать и желать. Въ самомъ дѣлѣ: при неустановившейся тогда еще церковной дисциплинѣ не всѣ были согласны въ томъ, при какихъ условіяхъ надлежало принять и принимать христіанъ, отпадшихъ отъ вѣры и снова желавшихъ возвратиться въ единеніе съ церковью на преж-

нихъ правахъ равенства со всѣми членами церковнаго общества.

При разсмотрѣніи и рѣшеніи вопроса о падшихъ, волновавшаго тогдашнее общество христіанъ, обнаружились два взгляда на дѣло: по одному взгляду, отпадшихъ, но раскаявшихся— нужно принимать въ церковь не какъ христіанъ, но какъ язычниковъ, т. е. принимать ихъ послѣ совершенія надъ ними таинства св. крещенія; такого взгляда держалось меньшинство; по взгляду другихъ и большинства, возвращавшихся снова въ церковь, нужно принимать по испытаніи ихъ въ теченіе назначеннаго срока, послѣ принятія ими чистосердечнаго покаянія и исправленія. Существовалъ и третій взглядъ на способъ пріема падшихъ въ церковное общеніе, состоявшій въ принятіи падшихъ въ общеніе безъ всякаго со стороны послѣднихъ покаяннаго подвига, искупленія и нравственнаго наказанія; взглядъ этотъ раздѣлялся между многими изъ падшихъ и нѣкоторыми изъ лицъ духовной іерархіи. Въ одновременномъ существованіи, развитіи, поддержкѣ и защитѣ означенныхъ различныхъ взглядовъ на одинъ и тотъ же вопросъ замѣтны были и проявлялись наглядно истинные церковные твердые взгляды и личныя воззрѣнія, личный пристрастный элементъ вліялъ здѣсь на силу и продолжительность взаимныхъ препирательствъ Представителемъ и защитникомъ установившихся церковныхъ взглядовъ былъ св. Кипріанъ, выказавшій большую стойкость и успѣхъ въ борьбѣ съ упорными, но неосновательными противниками; противодѣйствуя св. Кипріану изъ личныхъ эгоистическихъ побужденій, они въ своихъ разсужденіяхъ дошли до противорѣчія, отвергая то, что сами первоначально защищали. Въ исторіи церкви это очень замѣтный моментъ, побуждающій насъ вникнуть въ нѣкоторыя подробности при рѣшеніи вопроса о падшихъ со стороны прикосновенныхъ заинтересованныхъ къ нему лицъ.

Говоря о падшихъ, желавшихъ присоединенія къ церкви, въ цѣляхъ утѣшенія и исправленія, св. Кипріанъ разсуждаетъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ, совершенно съ объективной точки зрѣнія.

— Что мнѣ дѣлать, мнѣ, обуреваемому разными помыслами? Слезы болѣе, чѣмъ слова, нужны для выраженія той боли, съ какою надлежитъ оплакивать язву нашего тѣла, многоразличную гибель народа, нѣкогда многочисленнаго. Да и кто былъ бы столько не чувствителенъ и жестокосердъ, столько чуждъ ѳратской любви, чтобы, видя многоразличныя развалины ближ-

нихъ своихъ, находясь среди плачевныхъ и крайне обезображенныхъ остатковъ ихъ, могъ сохранить очи свои сухими и, при вырывающемся невольно рыданіи, не обнаружилъ своего соболѣзнованія слезами прежде, чѣмъ голосомъ? Болѣзную, братья, болѣзную вмѣстѣ съ вами и къ смягченію моей болѣзни нисколько не служитъ ни собственная моя непорочность, ни честное здравіе; рана, наносимая стаду, преимущественно поражаетъ пастыря. Сердце мое соединено съ каждымъ изъ васъ, съ каждымъ я раздѣляю тяготу скорби и лишеній: съ плачущими плачу, съ рыдающими рыдаю. И мои члены, вмѣстѣ съ вашими, пронзены тѣми же стрѣлами неистоваго врага; тѣ же свирѣпствующіе мечи прошли и черезъ мою грудь. Духъ мой не могъ быть отстраненъ и свободенъ отъ напасти гоненія: въ поверженныхъ братьяхъ и меня повергла любовь

Однако же, надо быть правдивымъ; мрачная тьма непріязненнаго гоненія не должна была настолько ослѣпить умъ и чувство, чтобы вовсе не осталось свѣта, не осталось никакого свѣточа, при которомъ можно бы усмотрѣть божественныя судьбы. Если узнаемъ причину пораженія, то найдется и врачество для раны. Господь хотѣлъ испытать Свою семью и такъ какъ продолжительный миръ повредилъ ученіе, преданное намъ свыше, то самъ небесный Промыслъ возстановилъ лежащую и если такъ можно выразиться, почти спящую вѣру При этомъ, въ то время, какъ мы заслуживали на, большее, всемилостивый Господь расположилъ все такъ, чтобы случившееся казалось болѣе испытаніемъ, чѣмъ гоненіемъ

Но падшіе умоляли о помилованіи не слезами, а ранами,—не однимъ только плачевнымъ голосомъ, а язвами и болѣзнями тѣла: вмѣсто рыданій у нихъ текла кровь, изъ полусоженныхъ внутренностей источалась сукровица. Какія же раны могутъ теперь показать побѣжденные,—какія язвы зіяющихъ внутренностей,—какія поврежденія членовъ, когда не въ битвѣ пала вѣра, но битву предупредило вѣроломство? Тамъ не можетъ быть приведена въ извиненіе необходимость преступленія, гдѣ преступленіе было добровольно

Впрочемъ, я говорю это не съ тѣмъ, чтобы увеличить вины братьевъ, но чтобы болѣе побудить ихъ къ удовлетворительному моленію. Въ Писаніи сказано: блажащіи васъ льстятъ вы и стези ногъ вашихъ возмущаютъ (Ис 3 12). Кто согрѣшающаго нѣжитъ льстивыми ласками, тотъ только болѣе располагаетъ его ко грѣху и не подавляетъ преступленій, а питаетъ. Но кто строгими совѣтами изобличаетъ и вмѣстѣ наставляетъ

брата, тотъ содѣйствуетъ его спасенію. Ихъ же аще люблю, говоритъ Господь, обличаю и наказываю (Апок. 3. 19) Такъ надлежитъ и священнику Божію не обманывать льстивыми услугами, но промышлять о спасительныхъ лекарствахъ. Не искусенъ тотъ врачъ, который слегка только ощупываетъ напухающія извилины ранъ: сохраняя заключенный внутри, въ глубокихъ впадинахъ, ядъ, онъ только увеличиваетъ его силу. Надо открыть рану, разсѣчь и, очистивши отъ гноя, приложить къ ней сильнѣйшій пластырь Пусть больной вопіетъ, пусть кричитъ, пусть жалуется на нестерпимую боль; онъ будетъ благодарить потомъ, когда почувствуетъ себя здоровымъ. А то появился новый родъ пораженія и, какъ будто мало свирѣпствовала буря гоненія,—для восполненія ея возникло, подъ видомъ страданія, обольстительное зло и льстивая пагуба. Нѣкоторые, вопреки сущности евангелія, вопреки закону Господа и Бога, по безразсудству своему, допускаютъ неосмотрительныхъ къ общенію, даютъ имъ недѣйствительный, а ложный миръ, пагубный для дающихъ и нисколько не полезный для принимающихъ. Не ищутъ выздоровленія въ терпѣніи и истиннаго врачества въ удовлетвореніи. Покаяніе изгнано изъ сердецъ,—изглажено воспоминаніе о тягчайшемъ и крайнемъ беззаконіи. Закрываются раны умирающихъ и смертельная язва, глубоко внѣдрявшаяся внутри, прикрывается притворнымъ состраданіемъ. Возвращающіеся отъ жертвенниковъ дьявольскихъ, съ нечистыми и зараженными гарью руками, приступаютъ къ святынѣ Господней. Отрыгающіе идольскія яствы, устами, еще и теперь выдыхающими ихъ беззаконіе и пахнущими роковою заразою, принимаютъ тѣло Господне, несмотря на то, что Божественное писаніе воспрещаетъ это, взывая громогласно: не можете чашу Господню пити и чашу бѣсовскую; не можете трапезѣ Господней причащатися и трапезѣ бѣсовстѣй (I Кор. 10. 21). Оно же дѣлаетъ слѣдующую угрозу упрямымъ и непокорнымъ: иже аще ястъ хлѣбъ сей, или піетъ чашу Господню недостойнѣ, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни (I Кор. 11. 27). Ни во что вмѣнивши сіе и презрѣвши все это, прежде, чѣмъ загладить свои грѣхи, исповѣдать свое преступленіе, очистить совѣсть таинствомъ покаянія и возложеніемъ руки священнической умилостивить Господа, негодующаго и угрожающаго за нанесенное Ему оскорбленіе—насилуютъ Тѣло Его и Кровь и, такимъ образомъ, руками и устами грѣшатъ теперь противъ Господа болѣе, нежели тогда, когда отверглись Господа. Считаютъ миромъ то, что нѣкоторые въ лживыхъ сло-

вахъ предлагаютъ имъ, какъ миръ. Нѣтъ,—это не миръ, но брань. Для чего неправду называть благодѣяніемъ? Для чего нечестію придавать названіе благочестія? Для чего, воспрепятствовавъ покаянному рыданію, притворно вступать въ общеніе съ тѣми, кои постоянно должны рыдать и умолять своего Господа? Для падшихъ это тоже, что градъ для плодовъ, буря для деревъ, моровая язва для стадъ, ураганъ для кораблей. Отнимаютъ утѣху вѣчной награды, вырываютъ съ корнемъ дерево, гибельною рѣчью непримѣтно увлекаютъ къ смертельной заразѣ, направляютъ корабль на подводныя скалы, чтобы онъ не вошелъ въ пристань. Не приноситъ мира это потворство, но уничтожаетъ; не даетъ оно общенія, но служитъ препятствіемъ къ спасенію. Въ писаніи сказано: помяни, откуда спалъ еси, и покайся (Апок 2 5). Пусть никто себя не обманываетъ; пусть никто не обольщаетъ себя. Одинъ только Господь помиловать можетъ; Онъ только одинъ можетъ даровать отпущеніе грѣховъ, противъ Него сдѣланныхъ, такъ какъ Онъ и понесъ грѣхи наши. Человѣкъ не можетъ быть выше Бога и рабъ не можетъ отпустить, по своему снисхожденію, или даровать то, что, какъ тяжкій грѣхъ, сдѣлано противъ Господа. Пусть же къ преступленію падшаго не прибавляется еще и незнаніе сказаннаго въ Писаніи: проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка (Іер. 17. 5) Господа умолять должно: Господа надобно умилостивлять нашимъ покаяніемъ, Который сказалъ, что Онъ отвергаетъ отвергающагося, и Который одинъ принялъ весь судъ отъ Отца. Мы вѣруемъ, что весьма много могутъ у Судіи заслуги мучениковъ и дѣла праведниковъ, но это относится къ тому времени, когда, съ кончиною сего вѣка и міра, передъ судилищемъ Христовымъ предстанетъ народъ Его. Между тѣмъ, если кто думаетъ, что онъ—безразсудный неблаговременною своей поспѣшностью можетъ даровать каждому отпущеніе грѣховъ. или дерзаетъ отмѣнять заповѣди Господни, то онъ не только не помогаетъ, но и вредитъ падшимъ. Не подчиняться приговору,—думать, что не должно молить Бога о милосердіи и, презрѣвши Господа, понадѣяться на собственную свою силу, значитъ—призывать на себя гнѣвъ.

Вы же, питающіе въ себѣ страхъ Божій, которыхъ духъ хотя и палъ, однако помнитъ о своемъ бѣдствіи,—внимательно, съ покаяніемъ и сокрушеніемъ, разсмотрите грѣхи ваши, познайте всю тяжесть преступленія совѣсти, откройте сердечныя очи къ уразумѣнію вашего согрѣшенія, не отчаяваясь, впрочемъ, въ милосердіи Господа, но и не присвоивая уже себѣ прощенія.

Богъ всегда любвеобиленъ и благъ, какъ отецъ; но Онъ же и страшенъ своимъ величіемъ, какъ Судія. Сколь много мы согрѣшили, столь тяжко должны и плакать Глубокую рану надобно врачевать прилежно и долго. Покаяніе не должно быть менѣе преступленія. Думаешь ли ты, что скоро можно умилостивить Бога, Котораго ты отрекся вѣроломными словами, Которому предпочелъ наслѣдственное достояніе, Котораго храмъ осквернилъ святотатственною заразою? Думаешь ли ты, что легко тебѣ получить помилованіе отъ Того, Кого ты не призналъ своимъ? Надобно молиться усерднѣе и просить; надобно проводить день въ рыданіи, ночи—въ бдѣніи и слезахъ,—все время наполнить плачевнымъ сѣтованіемъ,—повергшись, приникнуть къ землѣ—валяться въ пеплѣ, во вретищи и въ грязи,—послѣ утраченной одежды Христовой не желать никакого убранства, послѣ пищи діавольской возлюбить постъ,—прилежать къ добрымъ дѣламъ, которыми очищаются грѣхи,—подавать часто милостыню, которою души освобождаются отъ смерти. То, что похитилъ врагъ, да пріиметъ Христосъ. Не должно же ни беречь, ни любить наслѣдства, которымъ кто-либо былъ обманутъ и побѣжденъ. Надобно удаляться отъ имущества, какъ отъ непріятеля, убѣгать отъ него, какъ отъ разбойника, бояться' какъ меча и яда для обладающихъ имъ. То, что осталось, да послужитъ къ тому только, чтобы искупить имъ преступленіе и вину Неукоснительно и щедро да употребится оно на добрыя дѣла; весь доходъ густь издержится на врачеваніе раны; все наше богатство и имущество пусть будетъ отдано, для приращенія, Господу, Который будетъ судить насъ. Такъ процвѣтала вѣра при апостолахъ! Такъ первые христіане исполняли велѣнія Христовы! Они съ готовностью и щедростью отдавали все апостоламъ для раздѣла и тѣмъ искупали не такіе грѣхи.

Если кто будетъ молиться отъ всего сердца, если будетъ выражать раскаяніе истиннымъ сѣтованіемъ и слезами, если праведными и непрестанными дѣлами преклонитъ Господа на отпущеніе своего грѣха, то таковаго можетъ помиловать Тотъ. Онъ можетъ даровать помилованіе, можетъ отклонить приговоръ свой Онъ можетъ милостиво простить кающемуся, добродѣлающему, молящемуся, можетъ зачислить за таковымъ то, о чемъ просили мученики и что сдѣлали священники А кто особенно подвигнетъ Его своимъ удовлетвореніемъ, кто гнѣвъ Его и оскорбленіе, сдѣлавшееся причиною его негодованія, умилостивитъ праведнымъ моленіемъ, тому Онъ снова даруетъ оружіе,

въ которомъ побѣжденный могъ бы облечься, возобновляетъ и укрѣпляетъ силы для ободренія возстановленной вѣры. Снова вступаетъ воинъ въ свое сраженіе, снова повторитъ брань, вызоветъ врага, но сдѣлавшись черезъ болѣзнь болѣе сильнымъ для борьбы. Кто такимъ образомъ удовлетворитъ Богу; кто, раскаявшись въ своемъ проступкѣ и устыдясь своего грѣха, черезъ самую болѣзнь паденія, пріобрѣтаетъ болѣе доблести и вѣры: тотъ, услышанный и вспомоществуемый Господомъ, Котораго огорчилъ недавно, обрадуетъ Церковь и заслужитъ отъ Бога не только прощеніе, но и вѣнецъ

Но эти вполнѣ благоразумныя и правильныя разсужденія и совѣты св. Кипріана сначала не сопровождались надлежащимъ успѣхомъ потому главнымъ образомъ, что встрѣчали противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ недоброжелателей карѳагенскаго епископа. Извѣстны были по именамъ и дѣйствіямъ пять пресвитеровъ, недовольныхъ св. Кипріаномъ и увлекшихъ многихъ другихъ противъ ни въ чемъ неповиннаго св. отца; это были: Донатъ, Фортунатъ, Новатъ. Гордій и Гай. Завидуя высокому положенію св. Кипріана, его несомнѣннымъ достоинствамъ, быстрому возвышенію и популярности на почвѣ особенно благотворительности, означенные священники изъ Карѳагенскаго клира старались оказывать противодѣйствіе св. Кипріану во всѣхъ его распоряженіяхъ и мѣропріятіяхъ, прикрываясь благородными, повидимому, побужденіями и цѣлями.

Такъ, въ виду отсутствія правилъ относительно падшихъ, св. Кипріанъ предлагалъ отложить разсмотрѣніе вопроса до собора: но пресвитеры, нерасположенные къ св. Кипріану, указывали на эту мѣру какъ на доказательство строгости и даже жестокости по отношенію къ падшимъ, возбуждали въ нихъ неудовольствіе на такую медленность въ рѣшеніи ихъ судьбы. Они легкомысленно внушали падшимъ, что нѣтъ нужды ожидать соборнаго опредѣленія ихъ участи и такимъ образомъ ослабляли и ниспровергали силу предлагавшихся мѣръ къ уврачеванію душевныхъ недуговъ падшихъ.

Для лучшаго достиженія своихъ цѣлей, враждебная св. Кипріану партія пресвитеровъ употребляла всѣ усилія, дабы привлечь на свою сторону исповѣдниковъ, т. е. тѣхъ, которые, во время пытокъ, въ періодъ гоненій, не отрекались отъ исповѣданія вѣры Мнѣніе исповѣдниковъ имѣло, несомнѣнно, высокій авторитетъ между всѣми христіанами, и въ церкви существовалъ даже обычай смягчать и сокращать, по усмотрѣнію епископа, наказанія для тѣхъ изъ падшихъ, которые представ-

ляли ходатайственныя записки отъ исповѣдниковъ. Этимъ обычаемъ воспользовались враги св. Кипріана во вредъ ему. Въ городѣ Карѳагенѣ появились ходатайственныя записки отъ исповѣдниковъ, сначала не нарушавшія порядка, но впослѣдствіи, когда стали появляться во множествѣ и безъ разбора, производили не мало затрудненій для св. Кипріана и для обсужденія дѣла о падшихъ Такъ, одинъ исповѣдникъ, Лукіанъ, роздалъ ихъ во множествѣ отъ имени мученика Павла по его завѣщанію. Много было даже такихъ записокъ, въ которыхъ не было означено, кому именно онѣ даны, а говорилось только: „да имѣетъ онъ общеніе вмѣстѣ со своими“. Злоупотребленія доходили до того, что ходатайственныя записки продавались. Несомнѣнно, всѣ эти дѣйствія, исключая продажи, происходили сначала отъ неумѣренной сниходительности исповѣдниковъ и недостаточнаго пониманія ими дѣла, по довѣрію отчасти противникамъ св. Кипріана По внушенію противниковъ св. отца, при выдачѣ записей исповѣдники давали понять то, чтобы падшіе не обращались къ епископамъ, потому что ихъ собственнаго авторитета было будто достаточно для примиренія падшихъ съ церковію и что епископы, предоставляя себѣ власть пересматривать и утверждать ходатайственныя записи исповѣдниковъ, тѣмъ самымъ уничтожаютъ честь мученичества и страданій за вѣру. Между тѣмъ указанные пять пресвитеровъ, безъ предварительнаго согласія епископовъ, на основаніи названныхъ записей, стали допускать падшихъ къ общенію съ церковію и къ т. св. евхаристіи безъ выполненія съ ихъ стороны надлежащаго покаянія и испытанія. Нужно думать, что къ тому же они побуждали и другихъ пресвитеровъ какъ собственнымъ примѣромъ, такъ и разными происками. По наущенію враговъ св. Кипріана, исповѣдникъ Лукіанъ прислалъ ему отъ имени всѣхъ исповѣдниковъ письмо, въ которомъ съ надменностью увѣдомилъ, что исповѣдники уже даровали миръ падшимъ, и поручалъ св. Кипріану извѣстить объ этомъ всѣхъ епископовъ. Въ такомъ же духѣ Лукіанъ писалъ и къ одному исповѣднику въ Римѣ, нѣкоему Целерину, который просилъ его взять у перваго, пострадавшаго за вѣру, ходатайственную записку для нѣкоторыхъ падшихъ въ Римѣ. Лукіанъ увѣрялъ съ своей стороны Целерина въ томъ, что нечего болѣе безпокоиться о римскихъ падшихъ, такъ какъ всѣмъ имъ исповѣдники даровали миръ съ Церковью. При такомъ самомнѣніи исповѣдниковъ произошло въ г. Карѳагенѣ и другихъ мѣстахъ то, что многіе падшіе открыто возстали противъ предстоятелей церкви

и уже не просили, а прямо требовали разрѣшенія своихъ грѣховъ и общенія съ Церковію.

Для установленія истинныхъ взглядовъ на дѣло, св. Кипріанъ въ своихъ письмахъ и посланіяхъ сильно обличаетъ тѣхъ изъ пресвитеровъ, которые вмѣсто учителей и блюстителей благочинія, оказались первыми его нарушителями. Строгій и прямой, св отецъ съ силою вооружался и противъ недостойнаго образа дѣйствій нѣкоторыхъ исповѣдниковъ, одинъ изъ которыхъ выдавалъ ходатайственныя записки падшимъ во имя мученика Павла (?), по его предсмертному завѣщанію. По этому поводу св. Кипріанъ писалъ: „Господь заповѣдалъ, чтобы всѣхъ крестить во имя Отца, и Сына, и св Духа и въ крещеніи отпускать всѣ прежніе грѣхи; а этотъ исповѣдникъ, не зная ни заповѣди, ни закона, возвѣщаетъ прощеніе грѣховъ во имя Павла, не разсудивъ, что не мученики создаютъ Евангеліе, но чрезъ Евангеліе дѣлаются мучениками. Пусть никто не вводитъ себя въ обманъ, говоритъ св. Кипріанъ; одинъ Господь можетъ помиловать“

Во время этихъ разсужденій и увѣщаній выяснился вполнѣ правильный взглядъ св Кипріана на вопросъ о падшихъ, имѣвшій быть предметомъ общецерковнаго соборнаго рѣшенія и утвержденія, между тѣмъ какъ противники св. отца ставили ему въ упрекъ излишнюю строгость въ наложеніи на падшихъ покаянія, несоразмѣрнаго съ ихъ виною. Но тѣ же враги св. отца допускали, въ противорѣчіе себѣ, но въ интересахъ личныхъ, мысли противоположныя. Такъ поступалъ Новаціанъ, когда стремился сдѣлаться епископомъ въ Римѣ вмѣсто Корнилія, котораго упрекалъ за снисходительное отношеніе къ падшимъ и принятіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Церковь. По ученію Новаціана, не должно приносившихъ языческія жертвы допускать до причащенія; ихъ должно только увѣщевать и предоставить Богу; Онъ одинъ имѣетъ власть отпускать грѣхи (церк. ист. Сократ. кн. гл. 28). Св. Церковь должна состоять изъ однихъ *святыхъ* въ смыслѣ нравственно чистыхъ; въ противномъ же случаѣ она сама перестаетъ быть святою. „Мысли эти о падшихъ и церкви принадлежали тому самому Новаціану, неудачнику и притязательному претенденту на епископство въ г. Римѣ, который былъ сторонникомъ раскола, названнаго и увѣковѣченнаго именемъ его единомышленника — пресвитера, Новата изъ Карѳагена. Тамъ Новатъ обвинялъ св. Кипріана за строгость къ падшимъ, а здѣсь (т. е. въ Римѣ) ему заблагоразсудилось обвинять Корнилія (сторонника Новаціана) какъ разъ

за противоложный образъ дѣйствія, за снисхожденіе къ нимъ. Можно допускать, что оба Новата, высказывая мысли о падшихъ, не чужды были существовавшаго тогда воззрѣнія монтанистовъ о церкви, какъ обществѣ духовныхъ, пневматиковъ, непосредственно озаренныхъ и руководимыхъ Духомъ Святымъ (Параклитомъ), изъ каковаго воззрѣнія вытекалъ дальнѣйшій пунктъ ученія монтанистовъ, что всѣ падшіе въ смертные грѣхи не могутъ быть членами церкви, хотя бы нѣкоторые изъ падшихъ и являли плоды, достойные покаянія; но сомнительно, чтобы означенныя два лица руководились возвышеннымъ, хотя и одностороннимъ ученіемъ монтанистовъ въ своихъ противорѣчивыхъ взглядахъ и враждебно-эгоистическихъ отношеніяхъ къ св. Кипріану и важнымъ современнымъ вопросамъ церковнымъ,—особенно, если принять во вниманіе недостойную и порочную во всѣхъ отношеніяхъ личность Новаціана.

Какъ бы то ни было, а св. Кипріану предстоялъ новый трудъ и подвигъ доказывать и установить истинное понятіе о церкви и отношеніи къ ней падшихъ вопреки двумъ крайнимъ взглядамъ, одинъ изъ которыхъ (снисходительность къ падшимъ) доходилъ до безразличія, а другой—до строгости и нетерпимости. Хотя и изъ приведенныхъ мыслей св. Кипріана ясно обозначается взглядъ на вопросъ во всемъ его объемѣ и значеніи, однако для полноты рѣчи его о Церкви и падшихъ будетъ умѣстно привести еще нѣкоторыя замѣчанія, имѣющія тѣсную связь и полное согласіе съ общимъ святоотческимъ ученіемъ о церкви, въ обличеніе заблужденій и раскола Новата.

Хотя по катехизическому и догматическому опредѣленію Церковь признается святою, т. е. свободною отъ грѣховъ и пороковъ, но эта идеальная сторона Церкви освѣщаетъ другую сторону, второй составной элементъ—человѣческій, вообще слабый и грѣховный, постоянно нуждающійся въ обновленіи и помощи. По общецерковному святоотеческому пониманію, святость Церкви зависитъ не отъ людей, а отъ высшей силы Св. Духа, дающаго Свои дары и содѣйствіе каждому по его силѣ и потребности. Вопреки новаціанамъ, считавшимъ себя чистыми и потому только свое общество признававшимъ церковію святою, свв. отцы и учители Церкви чаще и больше всего раскрывали и уясняли несовершенство святости человѣческой вообще. Кто похвалится чисто имѣти сердце, говорили свв. отцы и учители Церкви словами Свящ. Писанія, или кто дерзнетъ рещи чиста себѣ быти отъ грѣховъ (Притч. XX, 9 (?) Для устраненія довольства собою въ качествѣ какъ бы невиннаго, говоритъ св.

Кипріанъ, для избѣжанія опасности погибнуть черезъ высокомѣріе, намъ повелѣвается ежедневно молиться о грѣхахъ и тѣмъ дается напоминаніе и наставленіе, что мы и грѣшимъ ежедневно.

Послѣ приведенія множества свидѣтельствъ изъ Свящ. Писанія о грѣховности человѣка, св. Кипріанъ обращается къ новаціанамъ съ слѣдующимъ обличеніемъ, разоблачая мнимую чистоту ихъ: „вы оправдываете себя передъ людьми, но Богъ вѣсть сердце ваша; яко же есть въ человѣцѣхъ высоко, мерзость есть передъ Богомъ Новатъ всегда былъ здѣсь на дурномъ счету у епископовъ; священники общимъ голосомъ осудили его, какъ всегдашняго еретика и вѣроломца; ограбленныя имъ сироты, обманутыя вдовы и утаенныя церковныя деньги требуютъ для него тѣхъ наказаній, которыя усматриваемъ въ его неистовствѣ...

Онъ едва не убилъ своей беременной жены, сдѣлавшись виновникомъ преждевременныхъ родовъ. А Новаціанъ? „Пусть онъ себѣ хвалится, пусть надменно прославляетъ свою философію и краснорѣчіе; но кто не сохранилъ ни братской любви, ни церковнаго единенія, тотъ потерялъ и то, чѣмъ былъ прежде“. Таковы же и другіе предводители „вредоноснаго еретическаго скопища“. „Евареетъ, бывшій епископомъ, не остался даже и міряниномъ. Никостратъ, похитившій святотатственнымъ образомъ церковныя деньги и утаившій достояніе вдовы и сиротъ, лишенъ священнаго діаконскаго сана“ и проч. Это-ли чистое святое общество?... Когда же и послѣ этого новаціане не переставали называть себя чистыми и совершенными, то Кипріанъ писалъ, обращаясь къ нимъ: „вѣрю, вы праведны, благорасположенны (benevoli), воздержанны, всѣ члены ваши здравы, все тѣло цѣло. Врачъ вамъ не нуженъ... Intrate iam coelum“. Въ подобномъ же духѣ письмо и св. Кипріана къ Флоренцію Пупіану: „судя по твоему письму, чрезъ общеніе со мною, всѣ осквернились нечистыми нашими устами, и, принявъ заразу нашего общенія, потеряли надежду жизни вѣчной? Одинъ Пупіанъ непороченъ, чистъ, святъ, цѣломудренъ одинъ онъ,—не захотѣвшій съ нами сообщаться, будетъ обитать въ раю въ Царствіи небесномъ. На такомъ ли несовершенномъ, слабомъ основаніи, какъ святость человѣческая, основывать святость самой Церкви Христовой?!! Нѣтъ, не люди святятъ Церковь, а Церковь освящаетъ людей. „Она одна, по ученію св. Кипріана, хранитъ и обладаетъ всего властью своею Жениха и Господа“.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных наук
Академии Наук СССР

Указывая на потребность, возможность и необходимость принятія въ Церковь падшихъ, св Кипріанъ свои мысли сопровождаетъ нерѣдко подробностями изъ признанія отрекшихся отъ вѣры во время гоненій съ цѣлью возбужденія участія и состраданія къ падшимъ со стороны всѣхъ христіанъ и особенно упорныхъ и жестокихъ новаціанъ Св. Кипріанъ въ такомъ видѣ описываетъ мольбу о принятіи въ Церковь одного изъ падшихъ: „я хотѣлъ сразиться мужественно и, помня свою клятву, вооружился доспѣхами преданности и вѣры; но въ битвѣ преслѣдили меня, сражавшагося, различныя мученія и продолжительныя истязанія. Умъ оставался непоколебимымъ, вѣра—крѣпкою, и непреклонная душа долго боролась съ мучительными казнями. Но когда звѣрство жестокосердаго судьи усилилось, и меня, приведеннаго уже въ изнеможеніе, стали сѣчь розгами, бить палками, растягивать на деревянной лошади, скребсти когтями (желѣзными), жарить на огнѣ; то плоть моя оставила меня въ битвѣ, немощь тѣла уступила, и не духъ изнемогъ въ болѣзни, а тѣло“. Подобное обстоятельство, продолжаетъ св Кипріанъ, можетъ содѣйствовать прощенію, и заслуживать состраданіе Къ такимъ падшимъ не относятся слова апостола: волею согрѣшающимъ намъ: ихъ грѣхъ по немощи плоти человѣческой; они—паденіе, но не отпаденіе. Далѣе: св. Кипріанъ доказываетъ разумность и спасительность принятія падшихъ дарованнымъ правомъ и властью Церкви. Если Церковь можетъ взять, то почему же она не можетъ разрѣшить, когда право на то и другое получено отъ своего Основателя.

Въ виду приведенныхъ и другихъ многихъ ясныхъ и убѣдительныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія о возможности покаянія и послѣ крещенія и притомъ для всѣхъ грѣшниковъ, какъ бы ни были велики ихъ грѣхи, новаціане должны были допустить возможность покаянія и для падшихъ; но требовали, чтобы оно совершалось только передъ единымъ Богомъ, внѣ общенія съ Церковью. Св. Кипріанъ отвѣчаетъ на это: „какая насмѣшка надъ падшими, какое жалкое обольщеніе для несчастныхъ плачущихъ и отчаявающихся, какое тщетное преданіе еретическаго ученія!.. Увѣщеваютъ каяться для удовлетворенія за грѣхи и отнимаютъ врачество, соединенное съ удовлетвореніемъ!... Говорятъ братьямъ: плачь и проливай слезы денно и нощно, подвизайся много и часто для очищенія своего преступленія, но ты все-же умрешь внѣ Церкви, и что ни сдѣлаешь для мира съ нею, не получишь никакого мира. Кто при этомъ не изнемо-

жетъ отъ отчаянія? Кто изъ падшихъ не откажется отъ предположеннаго покаянія и исправленія?.. Новаціане указывали на опасность для чистыхъ членовъ Церкви отъ общенія съ падшими, если послѣдніе будутъ совершать свое покаяніе не передъ единымъ Богомъ, но и внутри Церкви и въ общеніи съ нею. На это св. Кипріанъ отвѣчаетъ: пусть новые еретики не обольщаютъ себя, говоря, что они имѣютъ общеніе съ идолослужителями, тогда какъ у нихъ есть блудники и лихоимцы, преступленіе которыхъ есть то-же идолослуженіе по словамъ апостола (Еф. V,—5) Пусть Новаціанъ отлучаетъ отъ близости къ себѣ и обманщиковъ и прелюбодѣевъ; потому вина ихъ гораздо хуже вины откупившагося ратника отъ мученій; этотъ грѣшникъ по принужденію, тотъ—по своей волѣ и остается нераскаяннымъ, между тѣмъ какъ падшій кающійся уже созналъ свой грѣхъ и Церковь принимаетъ его не какъ падшаго, а какъ кающагося и имѣющаго надежду на миръ. Опасенія новаціанъ имѣли бы основаніе, если бы падшіе принимаемы были безъ разбора и покаянія, но въ Церкви великія преступленія омываются и великими слезами.

Такъ какъ новаціане въ принятіи падшихъ усматривали разрушеніе церковной дисциплины, то требовалось указать на неосновательность и съ этой стороны. По взгляду св. Кипріана, дисциплина—стражъ надежды, охраненіе вѣры, руководитель на пути спасенія Сколько спасительно слѣдовать церковному благочинію, столько же и пагубно уклоняться отъ него и пренебрегать имъ. Тогда какъ одни поспѣшно принимали рѣшительно всѣхъ падшихъ безъ всякаго разбора и предварительнаго покаянія, допуская до Евхаристіи, послѣдователи Новаціана столь же безумно всѣхъ падшихъ отвергали, не смотря на ихъ просьбы и раскаяніе—пастыри Церкви со св. Кипріаномъ во главѣ, по прекращеніи гоненія, собрались въ большемъ числѣ и, обсудивъ вопросъ о падшихъ на основаніи божественнаго писанія и преданія (т. е. церковной практики), постановили, что съ одной стороны, согласно съ снисходительностію, не надобно отнимать у падшихъ надежды общенія и мира, чтобы они не впали въ отчаяніе, и, не бывъ допущены въ Церковь, не стали жить по язычески, согласно вѣку; съ другой стороны, не должно ослаблять для нихъ суда церковнаго, внушивъ имъ, что они долго должны приносить покаяніе и подробно разсказать обстоятельства своего паденія.

Согласно съ показаніями падшихъ объ обстоятельствахъ и побужденіяхъ ихъ вины, пастыри Церкви точно опредѣ-

ляли степень паденія каждаго, отдѣляя виновныхъ отъ невинныхъ.

По 8-му правилу св. Петра Александрійскаго (295—311 г.), съ тѣми, которые пали, но послѣ сами вышли на подвигъ, исповѣдавъ себя христіанами, были въ темницѣ и мукахъ, должно имѣть общеніе въ молитвахъ и таинствахъ, должно имѣть общеніе въ молитвахъ и причащеніи. Должно имѣть общеніе и съ тѣми, которые, преждевременно вышедши на подвигъ, сами на себя навлекли искушеніе. Равнымъ образомъ, не должны быть осуждаемы тѣ, кто уплатилъ деньги, чтобы избавиться отъ злобы гонителей. Такимъ же образомъ должно поступать и съ тѣми, которые оставили все ради спасенія души и бѣжали отъ гонителей, хотя бы изъ-за бѣжавшихъ и взяты были другіе. Но совсѣмъ иначе нужно смотрѣть на тѣхъ, которые, хотя сами не приносили жертвъ, но послали вмѣсто себя рабовъ: рабы подверглись покаянію на годъ, господа же, посылавшіе ихъ, хотя сами и не приносили жертвъ идоламъ, тѣмъ не менѣе какъ за лицемѣріе, такъ и за принужденіе рабовъ къ принесенію жертвъ, подверглись покаянію на три года.

Обращаясь затѣмъ къ самымъ виновнымъ, пастыри церкви и въ ихъ виновности различали много степеней, Такъ, по св. Кипріану, не должны быть считаемы наравнѣ—кто не медля добровольно рѣшился на нечистое жертвоприношеніе и кто послѣ долгой борьбы, по необходимости, приведенъ былъ къ этому мерзкому дѣлу; кто предалъ себя и всѣхъ своихъ и кто, подвергаясь опасности за всѣхъ, предохранилъ отъ паденія жену, дѣтей и весь домъ; кто показалъ себя не христіаниномъ, но не идолослужителемъ. Осквернившіе себя записями, пусть не льстятъ себя тѣмъ, будто имъ не нужно каяться. Есть различіе между тѣмъ, кто страдалъ и кто палъ по малодушію и страху безъ страданія. Не приводимъ еще тонкихъ до неуловимости различій состояній падшихъ, сдѣланныхъ св. Кипріаномъ и указывающихъ на то, какъ св. отецъ глубоко и основательно зналъ внѣшнее и внутреннее состояніе падшихъ.

Сообразно съ различіемъ степеней паденія, различны были и степени духовнаго наказанія, соотвѣтственно правиламъ церковной дисциплины. Св. Кипріанъ по этому поводу писалъ: „вотъ слова Господа, исцѣляющаго и поучающаго: се здравъ еси,—ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ (Іоан. V, 14).

Вообще по отношенію къ падшимъ во время гоненій, но принесшимъ искреннее раскаяніе, какъ и ко всѣмъ грѣшникамъ

кающимся, церковная дисциплина, хотя и состояла иногда въ долговременномъ отлученіи и лишеніи грѣшниковъ нѣкоторыхъ благъ, даруемыхъ Церковію, но это было не столько выраженіемъ строгости дисциплины и наказаніемъ въ собственномъ смыслѣ, свойственныхъ монтанистамъ и новаціанамъ, сколько врачевствомъ противъ грѣховнаго состоянія души, добровольно и даже охотно принимаемымъ падшими въ цѣляхъ исправленія и успокоенія[1]). Къ разсматриваемому нами времени относится точное опредѣленіе и самыхъ степеней кающихся падшихъ, какъ и всѣхъ впавшихъ въ смертные грѣхи. первая самая трудная степень покаянія—плачъ; плачущіе стояли внѣ входа храма и молитвеннаго дома, прося проходящихъ помолиться за нихъ, и исповѣдуя свои грѣхи; вторая степень—слушаніе: слушающіе стояли въ притворѣ храма; они допускались къ слушанію свящ. писанія и проповѣди; передъ эктеніею и молитвою объ оглашенныхъ они удалялись изъ храма; припадающіе, составлявшіе третью степень покаянія и наказанія, стояли внутри храма и выходили вмѣстѣ съ оглашенными, предварительно повергаясь предъ епископами и вѣрующими; находившіеся на четвертой степени участвовали въ общеніи молитвъ, присутствовали при самомъ совершеніи т. св. Евхаристіи, но не могли приступать къ причащенію св. таинъ, ни даже приносить хлѣба и вина для литургіи. Впрочемъ, постоянно сообразуясь съ истинною цѣлью покаянія—духовнаго уврачеванія падшихъ, церковная власть могла и сокращать назначенное время покаянія и измѣнять самый образъ раскаянія, считая важнымъ не время, а внутреннее расположеніе кающагося: однихъ она улучшала увѣщаніемъ, другихъ—побужденіемъ къ милостынѣ, иныхъ обуздывала постомъ, другихъ отдѣленіемъ отъ общества. Итакъ строгость церковной власти по отношенію къ падшимъ соединялась съ снисходительностію. Противъ еретиковъ, упорныхъ раскольниковъ и другихъ нераскаянныхъ грѣшниковъ Церковь употребляла отлученіе и даже высшую его форму—анаѳему.

---

[1]) Монтанисты—еретическая секта II-го вѣка фанатико-аскетическаго направленія. основанная Монтаномъ, выступившимъ среди христіанъ въ качествѣ обѣтованнаго Іисусомъ Христомъ Параклита. Монтанъ требовалъ коренной реформы христіанской жизни посредствомъ уничтоженія всѣхъ связей родственныхъ, тѣлесныхъ, мірскихъ; отсюда—строжайшій аскетизмъ и покаяніе (неодобреніе вообще и запрещеніе второго брака и т. п.). Ученіе монтанистовъ въ свое время и послѣдующее имѣло большое вліяніе на христіанъ и въ частности на расколъ новаціанъ.

II.

Къ церкви Христовой принадлежатъ всѣ истинно и православно-вѣрующіе,—не одни только праведники, но вмѣстѣ грѣшники, раскаивающіеся въ своихъ грѣхахъ и слѣдовательно стремящіеся къ исправленію Но есть предѣлъ, за который нельзя переступать, дабы не быть исключеннымъ изъ состава членовъ церкви. Если кто изъ согрѣшившихъ преступаетъ положенный предѣлъ, тотъ или видимымъ дѣйствіемъ церковной власти, или невидимымъ дѣйствіемъ суда Божія, какъ мертвые члены, отсѣкаются отъ тѣла церкви. Такъ, уже не принадлежатъ къ церкви отступники отъ христіанской вѣры, которые отвергаютъ ее, снова дѣлаясь язычниками или вообще иновѣрцами; не принадлежатъ къ церкви еретики, сектанты, которые, хотя и не отреклись совершенно отъ христіанской вѣры, но отрицаютъ или извращаютъ ее въ основныхъ догматахъ; не принадлежатъ къ церкви раскольники, которые, правда, не искажаютъ вообще сущности христіанскаго ученія, но не покоряются церковной власти и черезъ то самовольно отдѣляются отъ церкви, постепенно доходя до еретичества въ крайнихъ своихъ выводахъ и заключеніяхъ.

Ересь, расколъ и сектантство указываютъ на неправильное, ненормальное отношеніе къ православной вѣрѣ заблуждающихся и непокорныхъ членовъ церкви, къ которымъ прилагаются эти понятія Ересь указываетъ на уклоненіе очень важное, касающееся существенныхъ истинъ вѣры, безъ признанія которыхъ или при извращенномъ пониманіи которыхъ немыслима принадлежность къ церкви, какъ, напримѣръ, отверженіе равенства Сына Божія съ Богомъ Отцомъ, отрицаніе въ Іисусѣ Христѣ божества или человѣчества, сверхъ-естественнаго рожденія, безгрѣшности, воскресенія, мессіанскаго достоинства и т п. Сектантство касается больше канонической, дисциплинарной и административной стороны церкви; оно оспариваетъ, напр., правильность и пользу внѣшней обрядовой стороны церкви, какъ учрежденія, похожаго на учрежденія гражданскія; сектанты отвергаютъ священниковъ, какъ посредниковъ между Богомъ и человѣкомъ, усвояя каждому человѣку правоспособность, возможность и необходимость непосредственнаго обращенія къ Божеству въ формѣ молитвы и т п Менѣе, повидимому, уклоняются отъ вѣры послѣдователи расколовъ, древнихъ и новыхъ; но печальная и вредная сторона ихъ состоитъ въ томъ, что, начиная съ малаго уклоненія въ обрядахъ и внѣшности, подъ

вліяніемъ вражды и недовѣрія къ церковной власти, они впослѣдствіи, постепенно и незамѣтно, доходили до излишняго и важнаго, отъ обряда къ догмату, дѣлались сектантами и еретиками.

Когда говоримъ, что еретики и раскольники не принадлежатъ къ церкви, разумѣемъ не тѣхъ изъ нихъ, которые держатся ереси или раскола тайно, наружно не отдѣлясь отъ церкви, или увлекались еретическими заблужденіями по невѣдѣнію и безъ упорства, но тѣхъ, кто явно отдѣляется отъ церкви или открыто отлученъ ею, т. е. разумѣемъ отступниковъ упорныхъ и злонамѣренныхъ, служащихъ соблазномъ и вредомъ для церкви.

Отлученіе отъ церкви вызывалось и вызывается тѣми же причинами и побужденіями, какими вызывается и оправдывается исключеніе членовъ всякаго организованнаго общества изъ его состава и принадлежности. По мнѣнію Du Pin'a, нѣтъ такого общества, у котораго не было бы суда и власти къ устраненію отъ себя тѣхъ, кто ниспровергаетъ его законы или вредитъ его благу; потому что, какъ въ человѣческомъ тѣлѣ гнилые члены должны быть отсѣкаемы, дабы они не заразили всего тѣла, или какъ въ стадѣ больныя овцы отдѣляются отъ здоровыхъ для предохравенія отъ заразы всего стада, такъ и въ обществахъ людей необходимо бываетъ, чтобы изгонять тѣхъ, кто вредитъ имъ своими поступками или примѣрами; это необходимо дѣлать какъ для того, чтобы не смущать общество, такъ и для того, чтобы не внесенъ былъ въ него вредный разрушительный элементъ. Если гдѣ этого требуетъ нужда, то особенно долгъ настаиваетъ поступать такъ въ церкви, задача которой состоитъ въ сохраненіи въ людяхъ вѣры и добрыхъ нравовъ для полученія вѣчнаго блаженства; еслибы церковь не избавлялась отъ людей зловредныхъ и распространяющихъ заблужденія, то въ короткое время большинство ея членовъ, подъ вліяніемъ худыхъ примѣровъ, впало бы въ нечестіе. Нельзя отнимать у церкви права, имѣющагося у всякаго общества, устранять изъ своей среды недостойныхъ людей. Такого рода изгнаніе называется изверженіемъ, причины котораго указываются въ Священномъ Писаніи, какъ, напр. въ 18 гл. Мѳ. стих. 15—17—18. Іисусъ Христосъ учитъ, чтобы тѣ, кто, будучи упорными и неисправимыми въ своихъ грѣхахъ, частныхъ ли то, или общественно-церковныхъ, были удаляемы отъ общества; это и значитъ: „буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь“. Власть же тѣхъ, кому даны ключи отъ Христа

для изверженія развращенныхъ, основывается на слѣдующихъ словахъ евангелія: „истинно, истинно говорю вамъ: кого вы свяжете на землѣ, тотъ будетъ связанъ и на небеси". Св. апостолы, пользуясь сими ключами власти, отлучали отъ церкви тѣхъ, кто или жилъ развратно или училъ и распространялъ худое ученіе. Коринѳскаго кровосмѣсителя ап. Павелъ велѣлъ отлучить отъ церкви. Тому-же должны подвергнуться и тѣ, кто извращаетъ ученіе Христа или церковную дисциплину: св. апостолъ говоритъ: „завѣщаемъ вамъ, братія, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, удаляться отъ всякаго брата, поступающаго безчинно, а не по преданію, которое приняли отъ насъ (Ѳесал II, 6); завѣщеваю, чтобы ты, Тимоѳей, какъ добрый воинъ, имѣлъ добрую совѣсть, которую нѣкоторые, отвергнувши, потерпѣли крушеніе въ вѣрѣ,—таковы—Именей и Александръ, которыхъ я предалъ сатанѣ, чтобы они поучились не богохульствовать. (Мѳ. I, 20); предать же сатанѣ значитъ, не что иное, какъ отлучить отъ общества вѣрующихъ, согласно смыслу пятой главы посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ. То-же самое внушаетъ ап. Павелъ въ послѣдней главѣ посланія къ Титу, совѣтуя отрицаться (т. е не имѣть дѣла) отъ еретика послѣ перваго и второго (неудачнаго) вразумленія (Тит. III, 10). Яснѣе и тверже излагаетъ это св. Іоаннъ въ посланіи своемъ: „вѣрующій въ Сына Божія имѣетъ свидѣтельство въ себѣ самомъ; невѣрующій Богу представляетъ Его лживымъ, потому что не вѣруетъ въ свидѣтельство, которымъ Богъ свидѣтельствовалъ о Сынѣ Своемъ" (V, 10). Изъ сказаннаго видно, что во времена апостоловъ отлученіе было въ употребленіи; отъ апостоловъ было установлено, чтобы подвергать отлученію тѣхъ, кто извращаетъ ученіе Христа и жилъ крайне нечестиво.

Можно съ несомнѣнностью утверждать, что послѣ апостоловъ соблюдался тотъ же порядокъ по вопросу объ отлученіи недостойныхъ членовъ церкви; при чемъ употреблялось два вида отлученія сообразно двумъ видамъ виновныхъ: первый видъ отлученія относился къ тѣмъ, кто или чрезъ обличеніе или чрезъ собственное сознаніе въ допущенномъ преступленіи, о которомъ сожалѣлъ и раскаявался, отлучался отъ церкви во избѣжаніе соблазна и для уврачеванія; второй видъ отлученія простирался на тѣхъ, кто оставался упорнымъ въ своемъ заблужденіи, не сознавался и не раскаявался. Первое у блаж. Августина называется врачебнымъ, а второе — смертнымъ. Если членъ простого гражданскаго союза дѣлается нетер-

нимымъ и изгоняется за вредное направленіе мыслей и поведенія, противорѣчащее добрымъ цѣлямъ общества и его уставу, то тѣмъ болѣе скорѣе и безповоротнѣе долженъ быть удаляемъ членъ церкви, преступающій высокія нравственно-религіозныя задачи ея Отлученіе это состояло въ томъ, что подвергшіеся изгнанію изъ числа членовъ не должны были находиться въ составѣ членовъ церкви, не должны были имѣть общенія и сношенія съ членами церкви; они не участвовали въ молитвахъ и общественномъ богослуженіи: ихъ избѣгали и удаляли, какъ людей чуждыхъ, вредныхъ и опасныхъ, какъ лишенныхъ благодатныхъ даровъ Св. Духа. Тогда какъ падшіе находились въ общеніи съ христіанами, исполняя наложенныя на нихъ извѣстныя обязанности, наказанія и лишенія,—отлученные еретики и преступники, какъ упорные и мятежные, не имѣли ни повиновенія, ни расположенія къ церкви, не желали имѣть съ нею единенія, ни сближенія; не думая объ исправленіи, они находились внѣ ея предѣловъ, внѣ ея власти и надзора. Такимъ образомъ можно и должно различать двѣ формы, или вида церковнаго отлученія—малое и большое, или полное и неполное Полное состояло въ совершенномъ исключеніи провинившагося изъ состава церковнаго общества, съ лишеніемъ всѣхъ правъ и благъ, какія могли получать члены церкви отъ принадлежности къ ней. Неполное состояло въ лишеніи нѣкоторыхъ правъ и благъ церкви, притомъ на время. Въ порядкѣ постепеннаго слѣдованія отлученія, какъ церковнаго наказанія, первое предшествовало второму, хотя и не всегда; большое отлученіе могло быть и безъ малаго Для выраженія большого отлученія употреблялось слово „анаѳема“, указывающее на совершенное изгнаніе отлученнаго изъ состава членовъ церкви, какъ недостойнаго и вреднаго члена, не безъ надежды и возможности принятія его въ случаѣ исправленія.

Право церкви отлучать виновныхъ христіанъ вытекаетъ изъ слѣдующаго. Іисусъ Христосъ сказалъ: *Аще братъ твой и церковь преслушаетъ,—буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. XVIII, 17) Изъ ученія Іисуса Христа о томъ, какъ поступать съ тѣми, отъ кого происходитъ соблазнъ, истекаетъ учрежденіе анаѳемы въ Православной Церкви. Вотъ какъ слѣдуетъ поступать съ соблазнителями, по заповѣди Самого Христа. Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, станетъ соблазнять тебя неправымъ ученіемъ, неправыми мыслями, развращающимъ словомъ, погибельнымъ примѣромъ,—ты поступи такъ: если братъ твой, твой единовѣрный, согрѣшитъ противъ тебя, согрѣшитъ, противъ

вашего единовѣрія, мыслью, словомъ или дѣломъ, обойдись съ нимъ осторожно, благоразумно и терпѣливо обличи его наединѣ между тобою и имъ однимъ. Если онъ послушаетъ тебя, то ты пріобрѣлъ брата твоего, сберегъ твоего единовѣрца для тебя, для твоей церкви и для Бога. Если же тебя одного не послушаетъ, то, чтобы не потерять его, своего брата, своего единовѣрца, для тебя, для твоей церкви и для Бога,—возьми съ собою еще одного или двухъ свидѣтелей—единовѣрцевъ и обличи его передъ этими свидѣтелями, чтобы они подкрѣпили твое слово, дабы подтвердилось слово устами двухъ или трехъ свидѣтелей Если же и не послушаетъ и ихъ и будетъ упорствовать въ своемъ невѣріи или еретическомъ мнѣніи—повѣдай Церкви и ея представителямъ. Если же братъ твой, твой единовѣрный, не послушаетъ и церкви, то пусть онъ будетъ для тебя какъ язычникъ и мытарь. Пусть онъ будетъ чужой для тебя, перестанетъ считаться твоимъ братомъ, твоимъ единовѣрцемъ, членомъ одной для васъ истинной Церкви Божіей. Вотъ заповѣдь Самого Христа объ анаѳемѣ. Вотъ ея значеніе и назначеніе! Вотъ ея происхожденіе отъ Самаго Христа, Который однако же говоритъ о Себѣ: „научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“.

Правомъ отлучать вредныхъ и опасныхъ членовъ, предоставленнымъ церковной власти Главою Церкви—Спасителемъ (Мѳ. XVIII, 15—17), эта власть не только не злоупотребляла, но и не пользовалась имъ въ той мѣрѣ и силѣ, въ какой могла бы. Въ первоначальной апостольской церкви отмѣчается случай отлученія отъ церкви, допущенный св апостоломъ Павломъ по отношенію къ одному упорному грѣшнику жителю г. Коринѳа; отлученіе было временное; когда онъ исправился въ нравственномъ отношеніи, то снова былъ принятъ въ общеніе съ христіанами. Коринѳскаго грѣшника ап. Павелъ подвергъ отлученію за безнравственную жизнь [1]). По такому же отлученію апостолъ подвергъ двухъ христіанъ-еретиковъ за превратное

[1]) Коринѳскій грѣшникъ представлялъ собою первый случаи отлученія въ исторіи православной христіанской церкви. Св. апостолъ Павелъ предалъ его отлученію отъ церкви за его худое поведеніе. Поведеніе грѣшника потому было особенно соблазнительно и нетерпимо, что по объясненію нѣкоторыхъ толковниковъ, коринѳскій грѣшникъ занималъ видное общественное положеніе въ качествѣ народнаго учителя. Однако строгое наказаніе преступника, наложенное св. Павломъ, привело его къ раскаянію и исправленію. Самое преступленіе состояло въ нарушеніи супружескаго права въ ближайшей степени родства (первой степени по современной терминологіи).

М Голубевъ. Обозр. посланія ап. Павла къ Кор. т. I. стр 146—147.

ученіе (2 Коринѳ. 11, 5, 16; I Тим. I, 20). Изъ дальнѣйшей исторіи послѣднихъ отлученныхъ неизвѣстно, были ли снова они въ обществѣ христіанъ, или остались навсегда отлученными, т. е. нераскаянными отступниками. По примѣру ап. Павла и другихъ апостоловъ, совершалось отлученіе и въ первенствующей церкви. По отношенію къ отлученнымъ употреблялось слово „анаѳема“; оно выражало собою рѣшительное и явное изверженіе недостойнаго члена церкви изъ состава послѣдней, въ отличіе отъ отлученія малаго и временнаго, имѣвшаго цѣлью исправленіе падшаго, но не упорнаго грѣшника. Чтобы указать надлежащее значеніе слова анаѳема, достаточно припомнить два мѣста изъ посланій св. Павла, въ которыхъ онъ говоритъ объ отлученіи въ значеніи полнаго разрыва нераскаяннаго грѣшника съ обществомъ христіанъ правовѣрныхъ. Въ первомъ (Галат. 1, 8—9; I Кор. XII, 3) отлученіе съ именемъ анаѳема употребилъ апостолъ по отношенію къ тѣмъ, кто не такъ училъ о Іисусѣ Христѣ, какъ учили апостолы; во второмъ онъ употребилъ означенное слово по отношенію къ тѣмъ, кто не любитъ Господа Іисуса Христа (I Коринѳ. XVI, 22). По мнѣнію м. Филарета и друг., отлученіе и анаѳема не всегда тождественны; есть случаи, въ которыхъ опредѣляется отлученіе, но не произносится анаѳема. По примѣру же апостоловъ, св. церковь, какъ первенствующая, такъ и послѣдующая, допускала и произносила анаѳематствованіе неохотно и весьма рѣдко, т. е., тогда, когда употребленныя ею всѣ возможныя средства къ уврачеванію и исправленію великаго грѣшника оказывались напрасными и недѣйствительными. Во избѣжаніе случаевъ превышенія и злоупотребленія церковною властью въ дѣлѣ отлученія, могшаго соединяться съ лишеніями гражданской чести и правоспособности, греческое правительство въ VIII вѣкѣ запретило епископамъ и священникамъ отлучать кого бы то ни было безъ объясненія и объявленія причины, по которой тотъ долженъ быть отлученъ, согласно церковнымъ правиламъ. Подобныя требованія и запрещенія со стороны гражданской власти были приняты и въ русской церкви [1]).

[1]) Обстоятельно фактически подробное изслѣдованіе объ анаѳематствованіи принадлежитъ прот. К. Т. Никольскому, (Спб., 1879 г.). Особенность его, между прочимъ, та, что оно болѣе и преимущественно касается перемѣнъ и подробностей въ исторіи русской церкви, чѣмъ общехристіанской. Болѣе полнымъ общехристіанскимъ и критико-историческимъ характеромъ въ вопросѣ объ отлученіи отличается изслѣдованіе проф В. Ѳ. Кипарисова (Москва, 1897 г.) подъ названіемъ «О церковной ди-

При разсмотрѣніи вопроса объ отлученныхъ заслуживаютъ вниманія и рѣшенія нѣкоторыя его стороны теоретическаго и церковно-общественнаго характера. Сюда относятся, между прочимъ, слѣдующія стороны предмета: обоснованность причины отлученія; большая или меньшая продолжительность отлученія; особенности во взглядахъ на отлученіе у свв. Іоанна Златоуста, Василія Великаго и др.; не одинаковое толкованіе выраженія св. Павла—предать сатанѣ коринфскаго грѣшника, анаѳематствованіе умершихъ, неумѣстность интердикта въ дѣлѣ отлученія и т. п. Всѣхъ этихъ различныхъ сторонъ вопроса мы должны коснуться,—послѣ чего изложимъ замѣчательные случаи отлученій, бывшіе въ исторіи древне-христіанской церкви и русской.

III.

Въ практикѣ древней церкви причинами отлученія могли быть, съ одной стороны, заблужденія въ области вѣры, или еретичество, упорно распространяемое, съ другой—тяжкіе грѣхи, нетерпимые по соблазнительности и вредности ихъ для церковнаго общества. Въ болѣе же позднія времена причиною отлученія, особенно въ видѣ анаѳематствованія, сдѣлались—главнымъ образомъ—заблужденія въ области догматовъ, т. е. основныхъ христіанскихъ истинъ (error propter idem).

Такъ какъ отлученіе въ формѣ анаѳемы составляетъ актъ весьма важный, какъ для церковной власти, такъ и для отлучаемаго, то и по здравому разсужденію, и по духу и смыслу церковныхъ постановленій, требовалось, съ одной стороны, предварительное увѣщаніе явнаго преступника и изъясненіе и объявленіе вины его (Мѳ. XVIII, 15—17). Какъ важнѣйшій актъ церковной дисциплины, полное отлученіе въ древней церкви было обставлено условіями, обезпечивающими вѣрующаго отъ произвола церковной власти. Въ этомъ случаѣ необходимымъ прежде всего было достаточное основаніе, каковымъ считался тяжкій грѣхъ (въ религіозно-умственной сферѣ—ересь и ра-

---

сциплинѣ». Вопросу объ отлученіи авторъ посвятилъ двѣ обширныя главы (251—346 стр.), въ которыхъ критически коснулся всѣхъ сторонъ важнаго вопроса объ отлученіи въ его каноническомъ и церковно-общественномъ значеніи. Въ вопросѣ объ отлученныхъ мы пользуемся сочиненіемъ проф. Кипарисова; въ вопросѣ о падшихъ мы пользовались изслѣдованіемъ проф. Д. Ѳ. Касицина «О ересяхъ и расколахъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства», помѣщенномъ по частямъ въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ» за 1889—1892 г.г.

сколъ и въ области жизни—соблазнительное преступное поведеніе, измѣна государственная), явный и доказанный. Уже „апостольскія правила“ предостерегаютъ церковную власть отъ поспѣшности въ дѣлѣ отлученія. По смыслу этихъ правилъ, „тотъ будетъ виновенъ въ гибели другого, когда послѣдній отъ неразсужденія, будучи несправедливо отлученъ, уйдетъ къ язычникамъ или присоединится къ еретикамъ“. По ученію св. Іоанна Златоуста, епископы, составляющіе и представляющіе церковную власть или управленіе, отдадутъ отчетъ въ день Господень, если исторгнутъ изъ Церкви невиннаго (Твор. св. І. Златоуста: бесѣда на I посл. къ Кор. ч. І., стр. 262—3). Подобныя предостереженія, встрѣчающіяся въ очень раннее время христіанской церкви, впослѣдствіи принимаютъ силу и форму закона. Такъ, по 30-му правилу апост. постановленій, прежде чѣмъ подвергать отлученію, церковная власть обязана была стараться предотвратить необходимость этой крайней мѣры увѣщаніемъ порочнаго или впадшаго въ заблужденіе черезъ троекратное предупрежденіе. По 14-му правилу Сардикійскаго помѣстнаго собора (347 г.), отлученный несправедливо своимъ епископомъ имѣетъ право обращаться съ просьбой о пересмотрѣ дѣла или къ митрополиту, или даже къ сосѣднему ближайшему епископу. Во всякомъ случаѣ, отлученіе считалось крайнею исключительною мѣрою, когда кто, по выраженію св. Іоанна Златоуста, до того развратился и заблудился, что никакимъ образомъ не рѣшается перемѣнить своего мнѣнія. Противъ поспѣшности отлученія возставалъ еще св. Кипріанъ Карѳагенскій, осуждая людей, торопившихся отлучить не только упорнаго, но и немощнаго „безъ правдивой умѣренности, безъ всякаго внимательнаго разсужденія“. По поводу усиливавшейся наклонности прибѣгать къ отлученію при малѣйшемъ случаѣ уклоненія отъ пути истины св. Григорій Богословъ (390 г.) разсуждалъ такъ: „когда мы огорчаемся только по подозрѣнію и боимся, не изслѣдовавши дѣла,—тогда терпѣніе предпочтительнѣе поспѣшности и снисходительность—лучше настойчивости; гораздо лучше и полезнѣе, не отлагаясь отъ общаго тѣла, намъ, какъ членамъ онаго, исправлять другъ друга и самимъ исправляться, нежели преждевременно осудить своимъ отлученіемъ, потомъ повелительно требовать исправленія, какъ свойственно властелинамъ, а не братіямъ“ (Твор. св. Григорія Богосл., 7—1, 237—8). „Преемники апостоловъ“, говоритъ св. Златоустъ, „соблюдая апостольскую заповѣдь, отлучали отъ церкви съ такимъ чувствомъ, какъ будто

бы исторгали у себя правый глазъ, чѣмъ доказывается ихъ великое страданіе и сокрушеніе, какъ бы при отнятіи больного члена“ (Слова на разные случ. 11, 326).

Вопросу объ отлученіи, умѣстности его, значеніи и ограниченіи св. Іоаннъ Златоустъ посвящаетъ особое „Слово о проклятіи“, въ которомъ св отецъ высказалъ свой взглядъ, возбуждавшій въ свое время недоумѣніе по причинѣ, видимо, несогласованности своей съ уставившеюся церковною практикою. Слово это, между прочимъ, тѣмъ замѣчательно, что въ немъ содержится не только порицаніе тѣхъ, кто поспѣшно отлучаетъ совратившихся въ ученіи и жизни христіанской, но и тѣхъ, кто вообще отлучаетъ ихъ, пользуясь принадлежащимъ власти церковной внѣшнимъ неоспоримымъ правомъ

Чтобы надлежащимъ образомъ понять св. Златоуста и устранить кажущееся противорѣчіе его съ установившимся правиломъ отлученія недостойныхъ и вредныхъ членовъ, нужно имѣть въ виду существовавшій тогда, въ концѣ IV-го вѣка, ложный взглядъ на значеніе отлученія, какъ на рѣшительный актъ не только изгнанія изъ Церкви, но и отлученія отъ Бога и преданія сатанѣ, т. е. духовной смерти (mortalis) и вѣчной погибели Это и есть, по взгляду св. отца, анаѳема, или проклятіе, которому безразсудно и безсердечно желаютъ подвергнуть тяжкаго грѣшника въ актѣ и фактѣ отлученія. Между тѣмъ, какъ тотъ, кого желаютъ предать анаѳемѣ, или еще живетъ, или уже умеръ; если онъ существуетъ, то поступаютъ нечестно, отлучая того, кто еще находится въ неопредѣленномъ состояніи и можетъ обратиться отъ зла къ добру: а если онъ умеръ, то тѣмъ болѣе (неразумно), потому что онъ не находится уже подъ властью человѣческою... Въ виду этого, по взгляду св. отца, опасно произносить свой судъ о томъ, что скрыто отъ людей, а извѣстно Судіи вѣковъ, Который знаетъ и мѣру вѣдѣнія и количество вѣры; да и почему мы знаемъ, какими словами будетъ онъ извинять или оправдывать себя, когда Богъ станетъ судить сокровенныя дѣла людей?.. Зачѣмъ предрѣшать судьбы Божія о человѣкѣ? По словамъ св. Златоуста, еретическія ученія, несогласныя съ принятыми нами истинными догматами, нужно обличать и проклинать, но людей нужно всячески щадить и молиться объ ихъ спасеніи. „Или вы считаете маловажнымъ прежде времени и Судіи произнести на кого-либо осужденіе—анаѳему? Ибо анаѳема совершенно отлучаетъ отъ Христа“,—говоритъ Златоустъ [1]).

[1]) Слова и бесѣды на разные случаи; т. III, изд. 1865 г, стр. 321—332

Строже относился къ отлученнымъ св. Василій Великій (379 г.) и блаж. Іеронимъ (419 г.). Такъ, первый считаетъ отлученіе вполнѣ заслуженною карою, а отлученнаго—снѣдью діавола, а второй объ отлученіи выражается, какъ объ осужденіи нѣкоторымъ образомъ прежде дня суднаго. Въ послѣдующія времена (особенно въ толкованіяхъ греческихъ и римскихъ канонистовъ средневѣковаго періода), строгій взглядъ на отлученныхъ и случаи отлученія утвердились и участились.

Въ дѣйствіяхъ же своихъ по отношенію къ тяжкимъ грѣшникамъ отлученнымъ св. Церковь руководствовалась болѣе снисходительнымъ взглядомъ и соображеніями св. Златоуста и св. Кипріана, какъ согласными съ духомъ Евангельскаго ученія.

Отлучая преступнаго члена отъ общенія, св. Церковь заповѣдуетъ въ то же время не отвращаться отъ него совершенно, въ случаѣ обнаруженнаго имъ раскаянія. Но если возвратившійся къ церкви опять будетъ производить смущеніе и соблазнъ, такового нужно извергнуть, какъ тлетворную заразу Если, по словамъ св. Василія Великаго, кого не приводитъ къ покаянію удаленіе отъ общенія и молитвъ, съ тѣмъ необходимо поступать по правиламъ, т. е. надлежитъ изринуть изъ церкви, иначе предать анаѳемѣ. Предать сатанѣ, или подвергнуть анаѳемѣ означаетъ одно и тоже, извергнутый, или отлученный формально и открыто, отъ церкви представляется во власть сатаны въ томъ смыслѣ, что чрезъ отлученіе снова долженъ былъ возвратиться въ царство тьмы, гдѣ, по ученію Евангелія и свв. отцовъ и учителей Церкви, царствовалъ діаволъ Замѣчательно, что св. Златоустъ, вообще вѣрный своему принципіальному взгляду въ вопросѣ объ отлученіи, и здѣсь, въ приведенномъ выраженіи („предать сатанѣ“), усматриваетъ нѣчто особенное. По взгляду св. отца, преданіе сатанѣ означаетъ то, что изверженный изъ Церкви наказывается злокачественными ранами, или другой какой-либо болѣзнію, подобно тому, какъ это было съ блаженнымъ Іовомъ, т. е. дабы подверглась наказанію плоть его. По словамъ Златоуста, эти слова означаютъ болѣе попеченіе и врачеваніе, нежели простое пораженіе (Твор. св. Златоуста на посл. I Кор. ч. I, стр. 262—3).

Къ своеобразному, но совершенно ошибочному пониманію отлученія относится расширеніе значенія его до такъ называемаго интердикта. Интердиктъ состоитъ въ томъ, что отлученіе простиралось не на одно лицо, но и на другихъ нѣкоторыхъ и даже многихъ невинныхъ, но соприкосновенныхъ съ виновными

по родству, мѣсту жительства, знакомству и др. близкимъ связямъ и отношеніямъ Изъ исторіи извѣстно, что нѣкоторые изъ духовныхъ начальниковъ, отлучивъ отъ церкви виновныхъ, запирали и храмы, дабы не было въ нихъ совершаемо богослуженіе. Впрочемъ широкаго распространенія указанная мѣра не имѣла въ греко-восточной церкви какъ до запрещенія его (4 прав. VII вселенскаго собора), такъ и тѣмъ болѣе послѣ; въ западной же церкви, по отдѣленіи ея отъ греко-восточной, злоупотребленіе правомъ отлученія достигло, какъ извѣстно, до крайности. По мысли „апост. постановленій", каждый пусть отвѣчаетъ за самого себя, и Богъ не погубитъ праведнаго вмѣстѣ съ неправеднымъ, потому что несогрѣшившихъ Онъ не наказываетъ. „Не смотря на ясное правило и дальнѣйшія соборныя запрещенія въ допущеніи интердикта, случаи своеобразнаго пониманія и даже злоупотребленія правилами отлученія виновнаго совмѣстно съ невиновными встрѣчались. Между прочимъ, можно указать на особенный случай такого отлученія, вызвавшій протестъ со стороны блаж. Августина (430 г.). Дѣло въ томъ, что одинъ африканскій епископъ отлучилъ отъ церкви весь домъ, т. е. все семейство со всѣми слугами, взрослыхъ и дѣтей. Для вразумленія строгаго епископа блаж. Августинъ въ высшей степени вѣжливо, но въ то же время внушительно писалъ слѣдующее: „не могу умолчать о томъ, что меня тревожно смущаетъ, когда я узналъ нѣчто важное изъ письма отлученнаго. Но если ты имѣешь объ этомъ дѣлѣ особенное мнѣніе, основанное на твердыхъ данныхъ, или на свидѣтельствахъ свящ. писанія,—то научи насъ,—научи, какъ это можно съ соблюденіемъ справедливости предавать анаѳемѣ сына за грѣхъ отца, жену—за грѣхъ мужа, раба—за грѣхъ господина, или какимъ образомъ можно предавать анаѳемѣ еще не родившагося, но могущаго родиться и въ то время, когда весь домъ преданъ анаѳемѣ? — Неизвѣстно, какъ отвѣчалъ епископъ на предложенные вопросы; можно думать, что, при наложеніи интердикта, какъ упомянутый епископъ, такъ и другіе, ему подобные, руководствовались ветхозавѣтнымъ воззрѣніемъ на наказаніе, угрожавшее и простиравшееся на ближайшее и отдаленное потомство (Второзак., V, 9), но блаж. Августинъ, развивая и оправдывая справедливый протестъ, указываетъ на слѣдующее соображеніе: то наказаніе (т. е. ветхозавѣтное) есть только тѣлесное, имѣющее устрашить прочихъ; отлученіе же есть нѣчто совсѣмъ другое; оно касается души и есть, какъ и самое преступленіе, ради котораго оно назначается, нѣчто внутреннее,

почему безъ нарушенія справедливости и не можетъ быть распространяемо на другихъ, не причастныхъ".

Къ своеобразному, но такъ же, какъ и предыдущее, необычайному пониманію и злоупотребленію правилами отлученія нужно отнести анаѳематствованіе умершихъ. Какъ, повидимому, ни странно слышать свидѣтельства объ отлученіи умершихъ лицъ, но эти факты не подлежатъ сомнѣнію. Въ исторіи вопроса объ отлученіи умершихъ за ихъ еретическія заблужденія различаютъ два періода: первый до V-го вселенскаго собора (553 г.), а второй—въ послѣдующее время. Въ первый періодъ хотя и были попытки подвергать анаѳемѣ умершихъ, при жизни не отлученныхъ, но попытки были единичныя, принимались неохотно и не единогласно, не находя для себя подтвержденія въ церковномъ законодательствѣ. Ко времени V-го вселенскаго собора вопросъ объ отлученіи умершихъ съ принципіальной точки зрѣнія былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, хотя и не единогласно, а по большинству голосовъ Побужденіемъ къ такому рѣшенію объ отлученіи еретиковъ послѣ ихъ смерти послужили распространившіяся тогда и увлекавшія многихъ догматическія заблужденія церковнаго учителя Оригена и Ѳеодора мопсуетскаго въ важныхъ пунктахъ христіанскаго ученія. Послѣ V-го всел. собора случаи отлученія умершихъ стали повторяться чаще въ сравненіи съ прежнимъ. Въ такомъ образѣ дѣйствій церкви по отношенію къ лицамъ умершимъ, какъ не могшимъ оправдаться, можно бы, казалось, усматривать строгость, поспѣшность и даже несправедливость, но, вникая глубже въ цѣли и высшія соображенія, которыми руководствовалась церковная власть въ данномъ случаѣ, можно оправдывать ее съ достаточнымъ основаніемъ. По мнѣнію католическаго канониста Кобера, когда церковь отлучаетъ или анаѳематствуетъ умершаго, то въ этомъ случаѣ отлученіе не есть таковое въ собственномъ смыслѣ; дѣйствіе этого наказанія не касается умершаго, и его состояніе, какъ до отлученія, такъ и послѣ его, остается тоже самое; вся процедура отлученія умершихъ предпринимается единственно ради живыхъ,—дабы для нихъ ясно было, что умершій за его, хотя открывшееся и послѣ смерти, преступленіе недостоинъ церковнаго общества, что живые должны порвать съ ними общеніе, выражающееся въ молитвахъ за умершихъ (В. Кипарисовъ. О церковной дисциплинѣ. 1897 г.). На основаніи сказаннаго, можно полагать, что отлученіе V-мъ вселенскимъ соборомъ давно умершихъ церковныхъ пи-

сателей относилось не столько къ самимъ лицамъ, сколько къ ихъ мнѣніямъ, считавшимся еретическими и вредными.

IV.

Послѣ предварительныхъ замѣчаній о нѣкоторыхъ существенныхъ сторонахъ вопроса, укажемъ, согласно обѣщанному расположенію матеріала, на болѣе или менѣе выдающіеся случаи отлученія въ древне-христіанской церкви. Прежде всего считаемъ нужнымъ замѣтить, что первоначальные источники по исторіи христіанской церкви не отличаются полнотою и подробностію въ сообщеніи свѣдѣній о бывшихъ случаяхъ отлученія. Извѣстія объ отлученіяхъ отличаются отрывочностью и даже неопредѣленностью, безъ указанія на дѣйствительныя причины и поводы, вызывавшіе крайнія мѣры церковной власти противъ виновниковъ, какъ и безъ указаній на то, какими послѣдствіями сопровождались отлученія для виновныхъ, добрыми или дурными.

Укажемъ на слѣдующіе случаи отлученія, въ которыхъ обнаружились совмѣстно и власть церкви, и поводы къ отлученію, и характеры правителей и іерархическихъ лицъ. Епископъ Амвросій медіоланскій въ 380 г. отлучилъ отъ церкви императора Ѳеодосія I за допущенное и одобренное имъ въ состояніи гнѣва измѣнническое кровопролитное избіеніе жителей г. Ѳессалоники въ количествѣ 15.000 человѣкъ, въ отмщеніе за мятежъ, сопровождавшійся убійствомъ главнокомандующаго военнымъ округомъ, любимца императора, Ботерика.

Населеніе г. Ѳессалоники было приглашено на зрѣлище игръ въ циркѣ, и когда оно собралось тамъ, то подверглось безпощадному избіенію со стороны сильнаго отряда солдатъ. Не приняты были во вниманіе ни возрастъ, ни полъ; не сдѣлано было никакого различія между виновными и невинными гражданами города, и даже только прибывшими въ него окрестными жителями; страшная бойня производилась въ теченіе трехъ часовъ. Извѣстіе объ этомъ побоищѣ поразило еп. Амвросія величайшимъ ужасомъ. Св. Амвросій въ посланіи къ импер. Ѳеодосію увѣщевалъ его покаяться, заявляя, что пока императоръ не сознаетъ своей вины и не раскается, епископъ не можетъ приносить евхаристической жертвы въ присутствіи императора. Скоро Ѳеодосій призналъ себя виновнымъ. Но для Амвросія этого было недостаточно. Когда императоръ готовъ былъ вступить въ привратную церковь, св. Амвросій встрѣтилъ его на паперти; схватилъ его за одежду и потребовалъ его

удаленія, какъ человѣка, осквернennаго невинною кровію; и когда Ѳеодосій сталъ заявлять о своемъ сокрушеніи, Амвросій отвѣчалъ ему, что частныя сожалѣнія недостаточны для искупленія столь великаго преступленія. Императоръ подчинился и удалился. Въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ онъ оставался въ покаянномъ заключеніи, устранялъ отъ себя всѣ императорскія украшенія, пока въ рождественскіе праздники не представился епископу и смиренно просилъ его о допущеніи въ церковь. Въ качествѣ условія исполненія его просьбы, Амвросій потребовалъ, чтобы императоръ показалъ дѣйствительные знаки покаянія, и императоръ согласился издать законъ, по которому, съ цѣлію предохраненія отъ послѣдствій внезапнаго гнѣва, исполненіе всякихъ уголовныхъ наказаній отлагалось на тридцать дней послѣ приговора. Получивъ такимъ образомъ право на допущеніе къ общенію вѣрныхъ, Ѳеодосій, когда ему позволено было войти въ церковь, палъ ницъ на помостъ, всячески обнаруживая глубочайшую скорбь и униженіе... [1]).

На почвѣ взаимныхъ отношеній и препирательствъ между церковною и гражданскою властью въ концѣ IV в. произошелъ случай, поведшій къ отлученію одного градоначальника со стороны епископа птолемаидскаго (въ Африкѣ).

Въ концѣ IV и началѣ V вв. замѣчается странное явленіе въ отношеніяхъ государства къ церкви: право церковнаго убѣжища, освященное вѣками, имѣвшее за собой не только христіанскую, но и іудейскую и даже языческую древность, подвергается все большимъ ограниченіямъ и болѣе частымъ запрещеніямъ. Начиная императорами и кончая правителями ничтожныхъ провинцій, всѣ стремятся ограничить или уничтожить это право. Обыкновеніе правителей своевольно прибивать къ дверямъ церкви хартіи, запрещавшія право церковнаго убѣжища, столь ненавистнаго имъ, было явленіемъ довольно частымъ. Такъ, правитель Киринній лишилъ пелусійцевъ права церковнаго убѣжища. Но на защиту послѣдняго ревностно возсталъ Исидоръ Пелусіотъ. Онъ указалъ Киринію на необдуманность его поступка и на необходимость и важность церковнаго убѣжища; писалъ префекту Руфину, что церковь доведена до невозможности помогать, а также писалъ и другимъ вліятельнымъ лицамъ. Ходатайство Исидора имѣло успѣхъ, и Киринній былъ смѣненъ. Впрочемъ, послѣ прошелъ было слухъ, что Ки-

[1]) Робертсонъ. Истор. Христ. ц. въ переводѣ проф. А. Іощухина. 1890 г. т. I, 256—257.

риній снова домогается должности правителя въ Пелусіумѣ. Вотъ что писалъ Исидоръ по этому поводу Синезію: „Снова каппадокіянинъ, какъ стало намъ извѣстно, при дворѣ домогается жалкаго начальства, чтобы вдвойнѣ начальствовалъ надъ нами каппадокіянинъ, ко враждебному человѣконенавистничеству присовокупилъ и злое властованіе. Но нынѣ сообщаютъ добрыя вѣсти, и именно, что желаетъ онъ начальствовать надъ своими соплеменниками. О, если бы соблаговолилъ на сіе Богъ, чтобы воздалъ онъ своей кормилицѣ за то молоко, которое сосалъ у ней, напоивъ ее ядомъ, можетъ быть всосаннымъ съ симъ молокомъ". Такъ дѣйствовалъ Исидоръ Пелусіотъ: такъ совѣтовалъ онъ дѣйствовать и Синезію. Побуждаемый этимъ опытнымъ мужемъ, а также просьбами жителей и сознаніемъ необходимости защитить права церкви, Синезій, наконецъ, рѣшился подвергнуть Андроника церковному отлученію, послѣ того, какъ онъ прибилъ свой позорный эдиктъ къ дверямъ церкви, наполненный ругательствами на церковь и ея служителей. Онъ собралъ жителей Птолемаиды въ церкви и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой предложилъ слушателямъ нравственное назиданіе, указывая на бѣдствія, какъ на наказанія за грѣхи, оправдывалъ свое собственное поведеніе, жаловался на тягость своего положенія, отказывался даже отъ каѳедры, прося избрать другого епископа или, въ крайнемъ случаѣ, дать ему помощника. Съ душевною тоскою оглядывался онъ теперь на свое прошлое; съ грустью сравнивалъ свою настоящую, полную заботъ и огорченій жизнь съ прежнею, спокойною, безмятежною жизнью. Несмотря, однако, на печальное настроеніе, въ Синезіи была твердая рѣшимость дѣйствовать. Онъ собралъ соборъ пресвитеровъ своей церкви, на которомъ и было постановлено подвергнуть Андроника отлученію отъ церковнаго общенія; вѣроятно, здѣсь же Синезій прочиталъ составленную имъ отлучительную грамоту, предназначенную для епископовъ Пентапольскихъ. Вотъ этотъ, въ высшей степени замѣчательный, документъ

„Андроника изъ Береники, который, не къ счастью, рожденъ и воспитанъ въ Пентаполѣ и который купилъ за деньги владычество надъ своимъ отечествомъ, пусть никто не считаетъ и не называетъ христіаниномъ; но какъ преступникъ противъ Бога, онъ изгоняется изъ Церкви Божіей со всѣмъ семействомъ. Онъ былъ послѣднимъ и самымъ тяжкимъ наказаніемъ для Пентаполя, послѣ землетрясенія, послѣ нападенія на страну саранчи, послѣ моровой язвы, послѣ пожаровъ и войны, ибо

онъ съ жадностью бросался на то, что оставалось отъ нихъ. Онъ первый ввелъ въ странѣ никогда неслыханные роды орудій для мученій, орудія для терзанія пальцевъ, ногъ и даже всего тѣла своей жертвы, члены котораго онъ самымъ жестокимъ образомъ вывертывалъ и уродовалъ,—орудія столь ужасныя, что тѣ, которые прежде, нежели узнали ихъ, были убиты въ войнѣ, почитались счастливыми отъ оставшихся въ живыхъ Онъ одинъ впервые и словомъ и дѣломъ поносилъ Христа: дѣломъ—съ тѣхъ поръ, какъ онъ, прибивъ къ дверямъ Церкви свой декретъ, запрещавшій незаконно преслѣдуемымъ право убѣжища къ священному алтарю, къ этому присоединилъ такія угрозы на священниковъ Божіихъ, какими не угрожалъ агригентинянинъ Фаларисъ, египтянинъ Кефринъ или вавилонянинъ Сенахиримъ, посылавшій вѣстниковъ къ Іерусалиму поносить Бога и Езекію. Въ этотъ день,—говорю я,—Богъ вознесенъ на второй крестъ, ибо на поруганіе Христу висѣла на священныхъ дверяхъ его позорная хартія. И это освѣщало солнце и читали люди не въ царствованіе Тиверія Клавдія, которымъ Пилатъ былъ посланъ прокураторомъ въ Іудею, но въ то время, когда благочестивая отрасль Θеодосіева держала въ рукахъ римскій скипетръ, отъ которой Андроникъ воровски получилъ себѣ префектуру Андроникъ—по намѣренію второй Пилатъ. Близъ живущимъ язычникамъ это описаніе послужило поводомъ къ насмѣшкамъ, какъ іудеямъ надпись надъ крестомъ Христа. Ибо хотя самая надпись крестная была сдѣлана и изъ безбожнаго намѣренія, но по самымъ словамъ она была достойна уваженія,—потому что ими Христосъ возвѣщался, какъ царь. А здѣсь безбожіе рѣчи соединилось съ безбожіемъ намѣренія. Но слѣдовавшія за симъ его дѣйствія были еще хуже, чѣмъ это предварительное объявленіе. Ибо, когда онъ нашелъ удобный случай по отношенію къ врагу—ихъ вражда произошла отъ того, что одинъ хлопоталъ о бракѣ, которому другой помѣшалъ,—онъ приказалъ его мучить тѣми ужасными наказаніями, о которыхъ ничего еще не передавалось памяти потомства, но которыя, какъ съ нимъ вошли въ употребленіе, такъ съ нимъ же опять и выйдутъ изъ него, и о нихъ можно будетъ знать впослѣдствіи, какъ признакахъ Андроникова владычества только по наслышкѣ. Теперь знатный мужъ, не сдѣлавшій ничего несправедливаго, но котораго постигло только несчастье, подвергся пыткамъ; въ полдень онъ былъ выгоняемъ подъ палящіе лучи солнца и имѣлъ свидѣтелями страданій однихъ только палачей. А когда Андро-

никъ узналъ, что церковь имѣла къ нему состраданіе, что мы, какъ только о томъ услышали, немедленно поспѣшили къ нему, чтобы по крайней мѣрѣ нашимъ присутствіемъ облегчить его мученія, онъ, какъ только услышалъ о томъ, пришелъ въ ярость, что епископъ осмѣлился имѣть состраданіе къ тому человѣку, которому онъ самъ былъ врагомъ, а послѣ присоединилъ еще многія преступныя выраженія, побуждаемый къ тому Эоантомъ, для котораго онъ служилъ орудіемъ,—учиняя противъ государства мерзости и свое безуміе заключая тѣмъ безбожнымъ опредѣленіемъ, что тщетно возлагать надежду на церковь, что никто не можетъ ускользнуть изъ рукъ Андроника,—никто, если бы даже онъ обнималъ стопы Христовы. Это повторилъ онъ три раза своимъ дикимъ умомъ и языкомъ. Послѣ такихъ выраженій, увѣщанія въ отношеніи къ этому человѣку не имѣютъ болѣе мѣста, но онъ долженъ быть, какъ зараженный членъ, отдѣленъ отъ насъ, дабы чрезъ соприкосновеніе съ нимъ не заразились также и здоровые, ибо оскверненіе сообщается легко, и кто коснулся чего нечистаго, тотъ самъ становится нечистымъ. Но предъ Богомъ каждый долженъ быть чистъ и душею и тѣломъ. Поэтому церковь Птолемаидская своимъ сестрамъ-церквамъ всей земли повелѣваетъ слѣдующее:

„Пусть Андроникъ, Эоантъ и ихъ соучастники не находятъ для себя ни одного храма открытымъ; пусть всѣ священныя жилища, всѣ священныя мѣста будутъ для нихъ закрыты. Демонъ не имѣетъ мѣста въ раю: если онъ тайно входитъ туда, то его изгоняютъ. Итакъ, я предписываю это особенно священникамъ, которые обязываются не здороваться съ ними, пока они живы, по смерти не воздавать имъ погребальныхъ почестей. Если же кто сталъ бы презирать нашу церковь, по причинѣ маловажности города и принимать тѣхъ, которыхъ она отлучаетъ, какъ будто бы онъ былъ избавленъ отъ повиновенія ей потому, что она бѣдна,—тотъ пусть знаетъ, что это значитъ раздѣлять церковь, единую по волѣ Христа. Кто бы онъ ни былъ, левитъ, пресвитеръ или епископъ, онъ будетъ нами причисленъ къ Андронику: мы не дадимъ ему руки, не будемъ съ нимъ ѣсть за одной трапезой, а еще менѣе дозволимъ участіе въ священномъ таинствѣ тому, кто только захочетъ имѣть что либо общее съ Андроникомъ“.

Но прежде, нежели эта грамота была отослана къ епископамъ, испуганный Андроникъ со слезами умолялъ о помилованіи, обѣщая исправиться. Синезій не вѣрилъ искренности

Андроникова раскаянія, а потому не хотѣлъ уступить его мольбамъ; но изъ уваженія къ просьбамъ нѣкоторыхъ старыхъ пресвитеровъ принужденъ былъ отложить отлученіе и не отсылать грамоты. Съ Андроника публично взято было обѣщаніе—прекратить жестокости и насилія. Однако, опасенія Синезія были не напрасны: вскорѣ Андроникъ возвратился къ прежнему образу дѣйствій. Такъ, одинъ знатный гражданинъ, по имени Магнъ, у котораго братъ уже находился въ ссылкѣ, умеръ, не перенеся ужасныхъ наказаній, которымъ подвергъ его Андроникъ. Подобнымъ же образомъ у одной несчастной матери былъ замученъ единственный сынъ. Въ виду этихъ повторившихся и усилившихся жестокостей, Синезій, наконецъ, отлучилъ Андроника отъ церковнаго общенія.

Изъ Синезіева посланія къ епископамъ видно, въ чемъ состояло въ то время церковное отлученіе. Оно понималось весьма обширно, и потому, дѣйствительно, было ужасно. Это было, во первыхъ, если такъ можно выразиться, отлученіе религіозное, отлученіе отъ храмовъ, богослуженія, таинства и обрядовъ, во 2-хъ это было отлученіе общественное, отлученіе отъ всего христіанскаго общества, потому что всѣ, даже частныя лица и въ обыденной жизни не должны были имѣть никакихъ сношеній съ отлученнымъ. Понятно, что такого рода отлученіе всегда производило желательное дѣйствіе и сопровождалось ожидаемыми результатами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ также понятно, что это средство было только временно необходимымъ. Четвертый и пятый вѣка были временемъ переходнымъ къ исторіи христіанскаго государства и общества; и то и другое держалось еще нѣкоторыхъ воззрѣній и привычекъ языческихъ и не вдругъ могло возвыситься до христіанскихъ понятій гуманности и справедливости. На обязанности церкви лежало вводить эти новыя понятія въ жизнь. И если она должна была употреблять для этого такія строгія мѣры, какъ отлученіе, то причина этого заключалась въ тогдашнемъ состояніи гражданской общественной жизни. Однакожъ, строгость этихъ мѣръ сорастворялась любовью и снисхожденіемъ, какъ это показываетъ перемѣна отношеній Златоуста къ Евтропію, Синезія къ Андронику. Другого средства противъ жестокостей и произвола правителей не было [1]).

---

[1]) А. Остроумовъ. Синезій, епископъ Птолемаидскій. Москва. 1878 г., стр. 128—135

Изъ отлученій на почвѣ чисто церковной, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ два предшествовавшихъ съ характеромъ гражданскимъ, умѣстно и интересно представить нѣсколько такихъ, которыя касались еретиковъ, искажавшихъ основные догматы христіанства, упорно державшихся своихъ вредныхъ заблужденій и распространявшихъ ихъ среди общества христіанъ, къ большему соблазну и вреду. Сюда относятся отлученія, торжественно произнесенныя на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ на еретиковъ Арія, Македонія, Несторія, Евтихія, Новата и др.

Такъ, свв. отцы I-го Вселенскаго собора (325 г.) опредѣлили: „говорящихъ, что было время, когда не было Сына (Божія), что Онъ не существовалъ до рожденія, и произошелъ изъ несущаго,—утверждающихъ, что Сынъ Божій имѣетъ бытіе отъ иного существа, или сущности,—или, что Онъ созданъ, или измѣняется, или преложимъ,—таковыхъ предаетъ анаѳемѣ каѳолическая и Апостольская Церковь". Поистинѣ отступило отъ Господа богохульное сердце Арія, вступившаго въ борьбу съ Богомъ,—отступило отъ Господа сердца и тѣхъ, которые пріобщились его нечестію, и думаютъ говорить, что Сынъ Божій есть тварь и созданіе, тогда какъ Онъ есть Создатель и Творецъ всѣхъ тварей видимыхъ и невидимыхъ [1]).

Отцы 2-го Вселенскаго собора (въ 381 г.) единодушно постановили, противъ Македонія, что Св. Духъ есть не служебное существо, но Господь, животворящій, отъ Отца исходящій, со Отцемъ и Сыномъ спокланяемый и славимый Послѣ изложенія полнаго символа вѣры, такъ называемаго Никео-Цареградскаго, особымъ постановленіемъ преданы были анаѳемѣ ереси аріанъ и другихъ съ ихъ виновниками [2])

По опредѣленію свв. Отцовъ 3-го Вселенскаго Собора (431 г.), созваннаго противъ ереси Несторія и др., установлено: „Кто не исповѣдуетъ Еммануила истиннымъ Богомъ и посему Св. Дѣву Богородицею, такъ какъ Она по плоти родила Слово, сущее отъ Бога, ставшее плотію, да будетъ анаѳема; кто не исповѣдуетъ, что Слово, сущее отъ Бога, соединилось съ плотію упостасно (т. е. существенно, а не благодатно, или нравственно), и что посему Христосъ единъ съ Своею плотію, то есть одинъ и тотъ же есть Богъ и вмѣстѣ Человѣкъ, — тому анаѳема... Такъ какъ нечестивѣйшій Несторій, сверхъ прочаго, не захотѣлъ повино-

[1]) Дѣянія Всел. Собор. т. I, изд. 2-е стр 66—67

[2]) Дѣянія Всел. Собор т. I, изд 2-ое стр. 93—94.

ваться нашему приглашенію и не принялъ посланныхъ отъ насъ епископовъ, то мы вынужденными нашлись преслѣдовать нечестивое его ученіе. Открывши же частію изъ его писемъ, частію изъ другихъ сочиненій, частію изъ бесѣдъ, веденныхъ имъ въ г Ефесѣ и подтвержденныхъ свидѣтелями, мы вынуждены были на основаніи каноновъ и посланія Свят. Отца и сослужителя нашего Целестина, епископа Римскаго, произнести противъ него, хотя не безъ горькихъ слезъ, слѣдующее горестное опредѣленіе: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на Котораго онъ изрыгалъ хулы, устами сего святѣйшаго собора опредѣляетъ лишить его епископскаго сана и отлучить отъ общенія церковнаго“ [1]) Въ то же время опредѣлено и слѣдующее: не позволять никому не произносить, или писать и слагать иную вѣру, коромѣ опредѣленной свв. Отцами, со Святымъ Духомъ, сошедшимся въ Никеѣ, а кто дерзнетъ или составитъ иную вѣру, или произносить, или предлагать желающимъ обратиться къ познанію истины изъ язычества или изъ іудейства, или изъ какой либо ереси, то таковые, если они епископы или клирики, да будутъ отлучены—епископы отъ епископства, клирики отъ клира, а міряне да подвергнутся анаѳемѣ“.

Въ такой силѣ и формѣ были осуждаемы и отлучаемы на послѣдующихъ соборахъ и другіе еретики до порицателей и противниковъ иконопочитанія (въ 787 г.) включительно, при чемъ устанавливается и оттѣняется различіе между отлученіемъ и анаѳемой. За измѣненіе вѣроученія (въ формѣ составленнаго символа) угрожается то анаѳемою, то отлученіемъ: духовнымъ лицамъ, уже обвиненнымъ въ еретичествѣ, опредѣляется въ наказаніе анаѳема, а свѣтскимъ—отлученіе; въ дальнѣйшемъ же за то же преступленіе угрожается наоборотъ: духовнымъ—отлученіемъ, а свѣтскимъ—анаѳемою. Трудно понять, почему за одну и ту же вину присуждается неодинаковое наказаніе, то въ меньшей степени, то въ большей: то въ формѣ отлученія, то въ формѣ анаѳемы... Изъ сопоставленій различныхъ случаевъ употребленія выраженій отлученія и анафемы можно усматривать одно и то же значеніе ихъ и силу. Впрочемъ, м. Филаретъ не отождествляетъ ихъ и различаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. По его мнѣнію, вполнѣ основательному, отлученіе и анаѳема не всегда тождественны: есть случаи, въ которыхъ опредѣляется отлученіе, но не произносится анаѳема,

---

[1]) Дѣянія Всел Собор. I т.. изд. 2-ое, стр 184, 236.

соотвѣтственно не крайней важности преступленія, а соотвѣтственно надеждѣ покаянія [1])

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть, какъ дѣйствовала церковная власть въ вопросѣ объ отлученіи вредныхъ и враждебныхъ членовъ церкви. Не по произволу или пристрастію она употребляла строгія мѣры для защиты христіанскаго ученія, а по ясному сознанію своего долга и съ благонамѣренной цѣлью. Отъ дѣйствій произвольныхъ и пристрастныхъ, допускавшихся иногда въ случаяхъ отлученія мѣстными властями—епископами, а не церковью, въ смыслѣ высшей соборной формы рѣшенія по дѣламъ церковной дисциплины, послѣдніе удерживались постановленіями гражданскими (въ Греціи) Долгъ справедливости требуетъ сказать, что случаевъ злоупотребленія своею властью со стороны епископовъ было мало съ тѣхъ поръ, какъ государство приняло христіанство подъ свое покровительство и находилось съ представителями церкви въ хорошихъ отношеніяхъ. Если св Іоаннъ Златоустъ жаловался въ свое время на непохвальный обычай частыхъ отлученій отъ церкви, то ненормальность эту нужно относить къ частнымъ случаямъ, а не къ дѣйствіямъ церковнаго центральнаго управленія; съ другой стороны, время жизни св. Іоанна Златоуста было неустойчивое и тревожное для церкви; самъ Златоустъ на себѣ испыталъ много тревогъ и бѣдствій отъ лжебратій и гражданской власти.

V.

Какъ ни тяжело было, по понятіямъ древне-христіанскаго общества, подвергнуться осужденію и отлученію отъ церкви видимымъ образомъ, однако церковь не оставляла отлученныхъ совершенно безъ своего вниманія; она не упускала ихъ изъ виду, но тайно и заботливо слѣдила за ними, съ цѣлью обратить ихъ на правый путь отъ заблужденій и худой жизни.

Разсматривая положеніе отлученнаго съ внѣшней стороны и съ той стороны, какъ къ нему относилась церковная власть, мы должны коснуться того, чего лишался онъ, выбывая изъ церкви, и какія принимались послѣднею косвенныя мѣры для привлеченія и возвращенія бывшаго своего члена.

Гражданское положеніе отлученнаго не измѣнилось до того времени, пока греческіе правители не сдѣлались покровителями и защитниками церкви и ея постановленій. До признанія хри-

[1]) Собраніе мнѣній м. Филарета, т. V, 2 изд. стр 730.

стіанства государственной религіей (312 г.) отлученный сохранялъ за собой всѣ права и преимущества, полученныя и пріобрѣтенныя имъ по наслѣдству, образованію, имуществу и личнымъ заслугамъ, между тѣмъ какъ съ признаніемъ христіанства религіей государственной въ греко-римской имперіи, церковное отлученіе получило большую силу и значеніе, въ смыслѣ неблагопріятномъ для осужденнаго. Въ отношеніи церкви къ государству произошла существенная перемѣна: греческіе императоры, въ качествѣ охранителей господствовавшей религіи, признали силу государственнаго закона за церковными постановленіями. Такъ, ереси и расколы признаны были какъ преступленія противъ государственныхъ законовъ и наказывались мірской властью. Для христіанина, отлученнаго отъ церкви, теперь уже не представлялось возможнымъ перейти въ какое-либо другое религіозное общество, какъ было возможно прежде безнаказанно. Не говоря уже о потерѣ должностей и почета, отлученные, по распоряженіямъ нѣкоторыхъ императоровъ (въ началѣ V-го вѣка), подвергались конфискаціи имущества, лишались права наслѣдства,—дарить, покупать, продавать и т. п.; они подвергались, съ другой стороны, общему позору, посмѣянію, презрѣнію...

Со стороны церковной, послѣдствія отлученія выражались въ исключеніи отъ богослуженія, отъ общественныхъ молитвъ, отъ таинства евхаристіи и вечери любви; отлученные уже не назывались братьями; они лишались братскаго цѣлованія и привѣтствія; имя ихъ вычеркивалось изъ церковныхъ диптиховъ, или синодиковъ (помянниковъ), въ которые вносились имена вѣрующихъ для возношенія о нихъ молитвъ при богослуженіи. Въ цѣляхъ предохраненія христіанъ отъ опасности при сношеніяхъ и близости съ отлученными, церковь вмѣняла въ обязанность своимъ членамъ избѣгать общества отлученныхъ и еретиковъ, принадлежавшихъ къ одному разряду съ первыми Было поставлено правиломъ, чтобы отлученный въ одномъ мѣстѣ—не былъ принимаемъ въ другомъ По апостольскимъ правиламъ требовалось, чтобы былъ отлученъ и тотъ, кто съ отлученнымъ молится въ одномъ домѣ вмѣстѣ: это означало не то, чтобы отлученный не могъ войти въ православный храмъ для молитвы, а то, что православный не долженъ былъ входить для молитвы въ домъ отлученнаго, потому что въ послѣднемъ случаѣ онъ оказалъ бы явное неуваженіе къ церкви и къ ея правиламъ [1]. Вообще нужно признать то,

[1] Суворовъ. II. О церк. наказан. Спб.. 1876 г. стр. 50—54.

что положеніе отлученнаго въ древнее время христіанства было тяжелое въ общественномъ и нравственномъ отношеніи; отлученный представлялъ собою тѣнь, а не человѣка; подобно Каину, онъ не имѣлъ ни пристанища, ни покоя [1]).

---

[1]) Суворовъ. Н О церк наказан. стр 53. На почвѣ мрачно-отчаяннаго состоянія отлученнаго создались цѣлыя легенды и суевѣрныя представленія о душѣ его и судьбѣ послѣ смерти Заимствуемъ изъ достовѣрныхъ писателей нѣкоторыя сказанія, характеризующія вѣрованія народа, среди котораго часто были случаи отлученій и анаѳемъ. Хотя описаніе этихъ сказаній принадлежитъ къ временамъ позднѣйшимъ, но они, какъ установлено наукой и наблюденіемъ, переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и если они въ XVII в были извѣстны и живучи, то тѣмъ болѣе они составляли убѣжденія народныхъ массъ въ вѣка раннѣйшіе, въ то время, когда народныя массы жили подъ непосредственнымъ вліяніемъ силъ природы и наивныхъ представленій о высшихъ вопросахъ и предметахъ вѣры и души.

По свидѣтельству Л. Аллація и Рико, писателей XVII в, жившихъ въ Константинополѣ въ качествѣ членовъ посольства, у грековъ существуетъ общее вѣрованіе, что тѣла отлученныхъ не могутъ разложиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ снято проклятіе, оживляемыя діаволомъ, они по ночамъ выходятъ изъ своихъ могилъ, бродятъ по улицамъ, питаются, какъ бы живыя, пугаютъ и губятъ живущихъ Тѣла эти у грековъ называются волковидныя, потому что, по вѣрованію грековъ, они съ разными завываніями бѣгаютъ ночью по улицамъ, толкаются въ двери, называютъ людей по имени, и тотъ, кто имѣлъ неосторожность отозваться, тотчасъ умиралъ, почему греки и боятся ночью отзываться. Разсказываютъ у такихъ труповъ, когда вырываютъ ихъ изъ могилы, жилы оказываются до такой степени напряженными отъ прилива крови, что кровь, при открытіи ея, ручьемъ бросается изъ нихъ Это вѣрованіе до такой степени распространено, что трудно найти мѣсто, гдѣ жители не разсказывали бы во множествѣ такихъ примѣровъ, извѣстныхъ имъ отчасти по преданію отъ матерей и бабушекъ, а отчасти, какъ они увѣряютъ, по собственнымъ опытамъ. Рико изъ множества примѣровъ этого рода приводитъ одинъ, разсказанный ему монахомъ Софроніемъ,—человѣкомъ весьма уважаемымъ въ Смирнѣ,—который увѣрялъ съ клятвою, что разсказываемое имъ – совершенная правда и онъ видѣлъ то собственными глазами «Я зналъ»,—говорилъ ему монахъ,—одного человѣка, который по причинѣ какого-то проступка, совершеннаго имъ въ Морею, долженъ былъ убѣжать на о. Милосъ. Онъ избѣгъ земного правосудія, но не могъ укрыться отъ послѣдствій отлученія, которое всюду его преслѣдовало Пришелъ его смертный часъ, и онъ умеръ не примиренный съ церковью, и былъ похороненъ безъ всякихъ христіанскихъ обрядовъ въ одномъ уединенномъ мѣстѣ. Его друзья и родственники скорбѣли о немъ, а жители острова постоянно видѣли по ночамъ необыкновенныя и странныя видѣнія. Они нисколько не сомнѣвались, что всѣ эти видѣнія выходили изъ могилы отлученнаго. Итакъ, по обычаю, они вскрыли могилу и увидали совершенно цѣлое тѣло темноватаго цвѣта, въ которомъ виднѣлись жилы, налитыя кровью. Гробъ былъ наполненъ виноградомъ, яблоками, орѣхами и другими плодами. Потолковавши о томъ, что нужно дѣлать, монахи, или священники рѣшились сдѣлать то, что обыкновенно дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, т е. разрубить тѣло на части и варить его въ винѣ. Это средство считалось самымъ дѣйствительнымъ, дабы изгнать злого духа и произвести въ тѣлѣ разложеніе. Но друзья умершаго желали успокоенія самой душѣ его, и для этой цѣли обратились къ духовенству съ просьбою снять съ умершаго отлученіе, они надѣялись съ помощью денегъ выхлопотать, за подписью

Но съ другой стороны, отлученные въ тоже время не должны были ни отчаяваться, ни пренебрегать дѣйствіями церкви, направленными къ обращенію падшихъ вообще. По духу христіанскаго ученія и церковнымъ правиламъ, пастырямъ церкви не только не возбраняется воздѣйствовать на отлученныхъ, но и внушается изыскивать благоразумныя мѣры къ возбужденію раскаянія, исправленія и къ обращенію заблудшихъ. И здѣсь, какъ и въ вопросѣ о падшихъ, вполнѣ несостоятельною оказывается теорія новаціанства, отвергавшая законность и спасительность вторичнаго принятія въ церковь изверженныхъ. Новаціанство отрицало необходимость труда для пастырей церкви въ дѣлѣ попеченія и особой миссіи о погибающихъ; между тѣмъ какъ попеченіе о падшихъ и изверженныхъ предполагается и внушается ученіемъ священнаго и святоотеческаго писанія, и примѣрами апостоловъ и проповѣдниковъ изъ первыхъ временъ христіанства и послѣдующихъ. Нѣтъ нужды приводить указанія на это изъ Евангелія, повелѣвающаго, по примѣру Спасителя, взыскать и спасать погибающаго. По мысли св. Златоуста, по отношенію къ падшимъ и отлученнымъ предлежитъ трудъ и терпѣніе, дабы не ослабѣть, дабы не отчаяться именно въ спасеніи заблуждающихся. Подобно св Златоусту, и другіе св. отцы смотрѣли на отлученіе, какъ на крайне строгое наказаніе, долженствовавшее образумить осужденнаго, исправить его и побудить къ раскаянію и возвращенію къ церкви. Такимъ образомъ отъ осужденнаго зависѣло избавиться отъ тяготѣвшаго

самого патріарха, прощеніе умершему. Означенная операція такимъ образомъ была отмѣнена, а вмѣсто нея отправились нарочито просить патріарха о разрѣшительной грамотѣ умершему и въ ней просили обозначить день, часъ и минуту, когда будетъ она дана. Въ ожиданіи отвѣта, тѣло было поставлено въ церкви, потому что жители этого мѣста не хотѣли, чтобы оно оставалось въ полѣ и смущало ихъ разными видѣніями Всѣ эти дни совершались обѣдни и молебствія за умершаго, чтобы Господь Богъ простилъ ему грѣхи его. Однажды, послѣ продолжительной молитвы, вдругъ послышался какой-то необыкновенный шумъ во гробѣ, приведшій въ ужасъ все собраніе. Гробъ былъ осторожно вскрытъ и тамъ нашли тѣло совершенно разложившимся, какъ бы оно было тамъ лѣтъ семь. Мы,—продолжалъ разсказчикъ,—аккуратно замѣтили часъ и минуту, когда случилось это, и нашли, что именно этотъ часъ и минута обозначены были въ присланной послѣ разрѣшительной грамотѣ патріарха»...

Другой случай по разсказу Л. Аллація, когда онъ учился въ Хіосѣ, то между грудою костей въ церкви св. Антонія найденъ былъ одинъ трупъ необыкновенной величины, темнаго цвѣта, съ сухою отдувшеюся кожею, такъ что камни, которые были бросаемы въ него, отскакивали еще съ большею силою, и это также было приписываемо дѣйствію отлученія (См. въ Чтен. Моск. общ. любит. дух. просвѣщ. за 1871 г., октябрь, стр. 25—26)

надъ нимъ справедливаго отлученія. Это видно ясно изъ молитвъ, читаемыхъ во время чинопослѣдованія, совершаемаго въ недѣлю православія, ежегодно на первой недѣлѣ великаго поста Призывъ Церкви къ покаянію во всѣхъ видахъ и формахъ отлученные могутъ слышать всегда изъ устъ живого слова—проповѣдниковъ въ храмахъ Божіихъ, куда они, наравнѣ съ язычниками, іудеями и всякими иновѣрцами и разными отщепенцами, могутъ входить безпрепятственно въ качествѣ оглашенныхъ и любопытныхъ на извѣстныхъ условіяхъ. Кто дорожилъ дѣломъ спасенія, тотъ долго не оставался въ положеніи отлученнаго, а возсоединялся съ церковнымъ обществомъ Церковь съ радостью принимала раскаявшихся отлученныхъ, но она не спѣшила въ этомъ важномъ дѣлѣ Если правила церковныя и благоразуміе заставляли церковную власть быть осторожною и даже медлительною, при изслѣдованіи дѣла объ отлученіи, то и разрѣшеніе отлученія должно было совершиться съ крайнею осмотрительностью.

Для полученія разрѣшенія, нужно, чтобы отлученный, подобно падшимъ, исполнилъ положенное ему духовное наказаніе, или эпитимію, и обнаружилъ знаки истиннаго и полнаго раскаянія Условія эпитиміи не для всѣхъ были одинаковы: церковныя власть и правила въ этомъ случаѣ сообразовались съ возрастомъ, положеніемъ и степенью покаянія отлученнаго, такъ, большое и продолжительное наказаніе назначалось тѣмъ, кто былъ отлученъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, чѣмъ въ молодомъ. Въ Греціи эпитимія продолжалась для взрослыхъ отъ 6-ти до 7-ми лѣтъ, въ теченіе которыхъ находящіеся подъ эпитиміей должны были постоянно пребывать въ постѣ и молитвѣ. Церковь греческая, по свидѣтельству писателей-иностранцевъ—XVII в, такъ строга была въ этомъ отношеніи, что самъ патріархъ не могъ снять эпитиміи, хотя бы она была наложена простымъ священникомъ. Рико свидѣтельствуетъ, что въ его время (XVII в.) не много было такихъ, которые, отступивъ отъ христіанской вѣры и принявъ магометанство, потомъ опять бы обращались къ ней, потому что это означало бы прямо подвергать себя опасности смерти со стороны турокъ; однако, по его замѣчанію, между нѣкоторыми изъ грековъ и армянъ встрѣчались примѣры геройскаго покаянія, которому они подвергали себя съ большею строгостью, чѣмъ какая требуется правилами церковными [1]).

---

[1]) Чтен. въ моск. общ. любит. духовн. просвѣщ 1871 г., октябрь, стр. 26—27.

Итакъ мы прослѣдили въ краткомъ, но существенномъ (для нашей цѣли) видѣ вопросъ о падшихъ и отлученныхъ въ древне-христіанской церкви въ періодъ времени до раздѣленія церкви (въ XI в.), когда церковныя правила—одни и тѣ же дѣйствовали на пространствѣ всей церкви, на востокѣ и западѣ. Со времени раздѣленія церкви жизнь церкви римской, самовольно отдѣлившейся отъ христіанскаго центра, пошла своеобразными путями, между прочимъ, и въ вопросѣ о падшихъ и отлученныхъ. Мы не имѣемъ особыхъ побужденій касаться того, какую принялъ форму въ латинской церкви разсматриваемый вопросъ [1]) Что касается до греко-восточной церкви, то нашъ

---

[1]) Для сопоставленія однородныхъ церковно-историческихъ явленій и полноты при обсужденіи вопроса считаемъ умѣстнымъ привести въ краткомъ видѣ нѣсколько фактовъ изъ исторіи отлученія на Западѣ, въ періодъ времени отъ IX в. до XV в., до реформаціи.

Въ Западной церкви, со времени отдѣленія ея отъ восточной, отлученіе относится не къ священнодѣйствію покаянія, а къ юрисдикціи судебной, которая можетъ быть отправляема не въ силу только епископской власти, а по делегаціи и по порученію, лицами нижнихъ церковныхъ инстанцій, могущими не имѣть даже пресвитерскаго сана Средневѣковые католическіе канонисты стали различать два вида великаго отлученія простое и торжественное, послѣднему усвоено спеціальное названіе анаѳемы. Первое стало функціей низшихъ церковныхъ судей, второе—епископата Существовало еще малое отлученіе, которое не исключало изъ церкви, а лишало только участія въ таинствахъ. Оно носило названіе врачующаго, въ противоположность великому, которое называлось смертоноснымъ. Подвергшійся анаѳемѣ лишался «права устъ», т е лобзанія и разговора и всякаго другого способа (письменнаго или знаками) общенія съ вѣрными. Съ нимъ нельзя было вмѣстѣ молиться, трапезовать, спать или жить. Анаѳематствованный не могъ быть ни судьей, ни истцомъ по собственнымъ даже дѣламъ, ни свидѣтелемъ, ни адвокатомъ, ни нотаріусомъ,—не могъ ни вступать съ кѣмъ либо въ договоры, ни составлять завѣщаніе. Пипинъ Короткій постановилъ презрителя церковнаго отлученія предавать гражданскимъ наказаніямъ. По законамъ Людовика Св., отлученный въ теченіе года и одного дня оставался неприкосновеннымъ для свѣтскаго суда, но если въ теченіе этого времени онъ не получалъ разрѣшенія, то свѣтскій судъ имѣлъ право конфисковать его имущество и заключить его самого въ оковы. По закону Фридриха II, отлученный, пробывшій въ отлученіи болѣе шести недѣль, если затѣмъ въ продолженіе года онъ не освобождался отъ отлученія, то формально становился «внѣ закона» Въ настоящее время въ католической церкви отлученіе малое, какъ относящееся къ сферѣ чисто церковной жизни, практикуется повсемѣстно согласно церковнымъ правиламъ, что же касается отлученія *великаго* или анаѳемы, то гражданскія правительства, а также свободомыслящіе католическіе богословы (Гиншіусъ, Фридбергъ и др.) часто высказываются противъ его примѣненія, на томъ основаніи, что оно касается болѣе или менѣе гражданскаго состоянія отлучаемаго Противъ такого мнѣнія сильно полемизировали ультрамонтанскіе католическіе богословы и канонисты. Въ Пруссіи примѣненіе *великаго* отлученія считается воспрещеннымъ. У протестантовъ великое отлученіе въ католическомъ смыслѣ было отвергнуто еще Лютеромъ, удержалось лишь отлученіе малое, при чемъ

вопросъ объ отношеніи ея къ падшимъ и отлученнымъ и въ послѣдующее время, какъ и въ предшествовавшее, постепенно входилъ и вошелъ въ жизнь и сознаніе христіанскаго общества, равно какъ и въ законодательство церковно-гражданское. По отношенію къ тѣмъ и другимъ Церковь старалась выдержать законность и безпристрастіе среди мнѣній и стремленій противорѣчивыхъ: строгости и невѣрности взглядовъ на падшихъ со стороны новаціанъ церковь противопоставила снисходительность и требуемую Евангеліемъ заботливость о нихъ для уврачеванія и прощенія ихъ грѣховъ: строгимъ заслуженнымъ отношеніемъ къ отлученнымъ она преслѣдовала добрыя цѣли для огражденія своихъ членовъ отъ вреда и соблазна со стороны еретиковъ и отъявленныхъ грѣшниковъ Такое же значеніе въ принципѣ вопросъ о падшихъ и отлученныхъ имѣлъ и имѣетъ и въ нашей русской церкви, какъ части церкви греко-восточной православной, и руководствующейся въ своей жизни и дѣятельности одинаковыми общецерковными постановленіями, съ привнесеніемъ мѣстныхъ національныхъ распоряженій.

VI.

Какъ церковь частная, молодая, зависимая, развивавшаяся подъ особыми мѣстными и неблагопріятными условіями, русская церковь не отличалась въ своей дѣятельности и жизни ни полнотою, ни разнообразіемъ событій въ сравненіи съ древне-греческою, своею alma mater. Главная особенность ея, между прочимъ, по разсматриваемому вопросу та, что рѣчи о падшихъ, за все время долговременнаго существованія жизни церкви (X—XX вв.), не возбуждалось, такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ исторіи Россіи не было „падшихъ“ въ смыслѣ церковно-историческомъ, въ смыслѣ отпаденій отъ христіанской вѣры: въ Россіи не было гоненій, одинаковыхъ съ гоненіями въ древне-христіан-

---

на первыхъ же порахъ произошло по этому предмету разногласіе между лютеранами и реформаторами. Первые считали его функціею духовенства, вторые—функціею церкви, какъ общины. Съ учрежденіемъ консисторій у лютеранъ отлученіе отнесено къ кругу ихъ дѣятельности. При безуспѣшности мѣръ увѣщанія лицъ, жившихъ въ грѣхахъ, пасторъ негласно отлучалъ ихъ отъ причащенія, воспріемничества и вѣнчанія, это считалось отлученіемъ малымъ. Если оно оказывалось недѣйствительнымъ, то грѣшникъ вовсе отлучался отъ церковнаго общенія (кромѣ слушанія проповѣди), а также отъ общенія съ чадами церкви въ общежитіи (за исключеніемъ дѣловыхъ отношеній); это считалось отлученіемъ великимъ Съ теченіемъ времени отлученіе, какъ и публичное покаяніе, выходитъ у протестантовъ изъ церковной практики.

ской церкви, не было и отпаденій отъ вѣры; правда, были отпаденія отъ православія, то вынужденныя, то добровольныя (въ католичество, въ унію), но не отъ христіанства. Съ самаго начала на Руси христіанства до нашего времени, съ X в. по XIX в., русскіе князья. цари, царицы и императоры—всѣ, безъ исключенія, не только были православными, но и твердыми охранителями и защитниками господствующей религіи. Отступленія отъ православія были на окраинахъ Русскаго государства, на юго-западѣ нашего отечества, отъ польско-католической пропаганды, въ смутныя времена, среди смѣшаннаго населенія русскихъ, поляковъ и литовцевъ, находившихся подъ властью польско-литовскаго королевства, въ періодъ времени очень продолжительный (XIV—XVIII в.), до тѣхъ поръ, пока Россія окончательно не присоединила, путемъ завоеваній и мирныхъ соглашеній, къ своимъ кореннымъ владѣніямъ земель польско-литовскаго государства,—тѣхъ именно мѣстъ, гдѣ совершалась продолжительная борьба православія съ католицизмомъ, находившимъ поддержку, одобреніе и воодушевленіе не только со стороны польскаго правительства, но и со стороны Рима, т. е папъ.

Къ отступникамъ отъ православія не нужно причислять тѣхъ изъ ученыхъ XVII в. юго-западной Руси и воспитанниковъ тамошнихъ школъ съ Кіевской академіей во главѣ, которые вынуждались право слушанія философскихъ и богословскихъ наукъ въ католическихъ училищахъ покупать цѣною наружнаго и временнаго отступничества отъ православной вѣры. По требованію іезутовъ, какъ бывшихъ начальниками и преподавателями католическихъ училищъ заграницею, воспитанники Кіево-Могилянской академіи XVII в., чтобы получить доступъ къ высшимъ наукамъ, притворно принимали католицизмъ, давая притворную клятву послушанія папѣ, а по возвращеніи на родину снимая съ себя то и другое обязательство.

Такимъ образомъ разсматриваемый вопросъ въ исторіи русской церкви съуживается и упрощается: въ разсмотрѣніи нуждается вторая половина вопроса—вопросъ объ отлученныхъ, а не о падшихъ. Хотя о падшихъ въ нѣсколько другомъ, ограниченномъ и спеціальномъ смыслѣ, считаемъ нужнымъ сказать нѣчто существенное и въ краткомъ видѣ [1]). Къ своеобразнымъ

[1]) Къ отпадшимъ въ особомъ смыслѣ нужно присоединить нѣкоторыхъ изъ русскихъ инородцевъ, которые, будучи обращены въ православную вѣру часто внѣшнимъ образомъ, безъ убѣжденія, снова возвратились въ свою прежнюю вѣру,

явленіямъ русской церкви относится расколъ старообрядства послѣдователи котораго подлежали и подлежатъ отлученію за крайнее противленіе церковной власти, измѣненіе церковной дисциплины до искаженія, отчужденіе отъ христіанскаго общества и пропаганду своихъ извращенныхъ понятій о церкви среди простого русскаго народа, соединенную съ совращеніемъ нѣкоторыхъ изъ православія въ расколъ. По своимъ убѣжденіямъ и отношенію къ церковной власти, послѣдователи раскола могутъ быть причислены, съ одной стороны, къ падшимъ, а съ другой—къ отлученнымъ. Изложимъ въ краткомъ видѣ о происхожденіи и сущности отступниковъ отъ православія въ унію, католичество и расколъ.

Въ 1889 г. въ Россіи вспоминалось и праздновалось 50-лѣтіе возсоединенія уніатовъ съ русской Церковью, бывшаго въ 1839 г. Начало этого событія—возсоединенія очень далеко, въ глубокой древности нашей исторіи, лѣтъ около 500 назадъ. Юго-западный край, т. е. мѣстность, которую теперь занимаютъ губерніи Витебская, Минская, часть Смоленской, Виленская, отчасти Кіевская и прилегающія къ нимъ мѣста, принадлежали не Россіи, а Польшѣ, польско-литовскому королевству, у котораго Россія постепенно, путемъ продолжительныхъ войнъ и мирныхъ соглашеній, пріобрѣла означенныя земли, какъ свою давнишнюю собственность. Россія и Польша принимали христіанство почти одновременно, въ IX—X вв., но не изъ одного мѣста: первая отъ грековъ, а вторая (если не считать первыхъ крещеній) отъ латинянъ-католиковъ. Отсюда и объясняется разница, существующая между послѣдователями православной вѣры и римско-католической. Послѣдняя во многомъ отступила отъ чистоты и духа первоначальной апостольской церкви. Измѣненіе въ символѣ вѣры, богослуженіе на непонятномъ латинскомъ языкѣ, признаніе папы непогрѣшимымъ главою всей церкви, совмѣщеніе въ лицѣ папы духовной и свѣтской власти,

---

пользуясь благопріятными обстоятельствами (отсутствіемъ или слабостью миссіонерскаго дѣла у насъ, небрежностью приходскаго духовенства и т. п.). Къ такимъ инородцамъ-отступникамъ принадлежатъ· татары, калмыки, мордовцы. О случаяхъ отпаденія ихъ отъ православія имѣются несомнѣнныя свѣдѣнія въ періодъ синодальнаго управленія, но они были и ранѣе. Въ началѣ 60-хъ годовъ XIX стол., во время массовыхъ отпаденій, крещеныхъ татаръ, склонныхъ къ магометанству, насчитывались десятки тысячъ, несмотря на принимавшіяся тогда репрессивныя мѣры гражданской и духовной властей (Церковно-общественная жизнь. 1906, № 4 стр. 132–134). Единичные случаи отпаденія крещеныхъ татаръ совершаются и въ настоящее время, особенно послѣ предоставленной нынѣ (отъ 17 окт. 1905 г.) всѣмъ свободы вѣроисповѣданія.

безбрачіе духовенства, духъ преобладанія надъ міромъ вмѣсто смиренія, распространеніе христіанскаго ученія насильственными средствами вмѣсто убѣжденія, отпущеніе грѣховъ за деньги,—извѣстныя особенности католицизма, отъ которыхъ наша церковь всегда отрекалась и отрекается, какъ отъ заблужденій Между подданными польско-литовскаго королевства не мало было и православныхъ; православнымъ и католикамъ жилось не одинаково: католики пользовались всѣми правами и привиллегіями,—православнымъ же, особенно простого званія, жилось очень трудно;—ихъ стѣсняли, обижали, даже преслѣдовали за вѣру—то открыто, то тайно, хитростью; съ появленіемъ (въ XVI в) іезуитовъ православнымъ стало еще хуже. Правительство несправедливо относилось къ православнымъ во все время своего продолжительнаго существованія, отчего произошло много зла, всякихъ безпорядковъ и возмущеній. Между католиками и русскими православными была постоянная, непримиримая вражда: католики, подъ вліяніемъ ксендзовъ и іезуитовъ, принуждали православныхъ къ своей вѣрѣ, а послѣдніе не соглашались; однако не мало было и такихъ, которые, не выдержавъ борьбы съ фанатичными противниками, а то и по корыстнымъ разсчетамъ, совращались въ католичество. Но для ослабленія взаимной вражды и наружнаго примиренія нѣкоторые изъ православныхъ, вынуждаемые обстоятельствами, соглашались на уступки католикамъ Главная уступка, какъ необходимое условіе, состояла въ признаніи папы главою церкви; во всемъ остальномъ православнымъ дозволялось жить по правиламъ и обычаямъ своей вѣры. Уступка, повидимому, небольшая, но она вела къ другимъ уступкамъ, постепенно и незамѣтно. Это и была унія, т. е. взаимное соглашеніе, при признаніи за послѣдователями православной вѣры права отправленія богослуженія по своимъ обрядамъ. Такихъ уній было нѣсколько, съ 1386 г. по 1569 г. Но всѣ онѣ вели, какъ показалъ опытъ, не къ примиренію враждебныхъ сторонъ, а еще къ большему недовѣрію и враждѣ. Виною этого были не православные, а католики, измѣнявшіе своему слову и смотрѣвшіе на унію, какъ на переходную ступень для совращенія православныхъ въ свою вѣру. Убѣдившись въ хитрости и непрекращавшихся преслѣдованіяхъ со стороны католическаго правительства и его дѣятелей, православные, а также уніаты, спѣшили соединиться съ русской церковью и подчиниться русскому правительству. По мѣрѣ того, какъ русскія области освобождались изъ подъ власти Польши, уніаты десятками и сотнями тысячъ возвраща-

лись къ православію. Въ царствованіе императрицы Екатерины II число обратившихся простиралось до двухъ милліоновъ. Послѣднее возсоединеніе было въ 1839 г.; въ это время присоединилось 1½ милліона

Были отступники отъ православія и другого рода. Нѣкоторые изъ русскихъ, проживая то въ Италіи, то въ Парижѣ, совращались въ католицизмъ (въ XVIII и XIX вв.) подъ вліяніемъ католическаго богослуженія, краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ и особенно іезуитовъ; были случаи совращенія въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Одни изъ нихъ снова обратились къ православной церкви, другіе навсегда остались ренегатами. Совращенія были изъ среды высшаго общества; число отщепенцевъ было все-таки незначительно.

Совершенно иного происхожденія русскіе раскольники Расколъ старообрядства образовался во второй половинѣ XVII в (1666—1667 гг.), при патріархѣ Никонѣ, въ то время, когда подъ руководствомъ означеннаго патріарха, строгаго, благонамѣреннаго и дѣятельнаго, съ согласія и одобренія царя, церковной власти и восточныхъ патріарховъ, вводились въ употребленіе исправленныя богослужебныя книги и возстановлялись нѣкоторые церковные обряды, вмѣсто искаженныхъ невѣжествомъ и небрежностью. Вмѣсто того, чтобы принять исправленныя книги и довѣриться церковнымъ властямъ въ ихъ благонамѣренныхъ, разумныхъ и своевременныхъ дѣйствіяхъ, многіе изъ духовенства и изъ народа въ Москвѣ и другихъ городахъ, по невѣжеству, упорству, личнымъ и корыстнымъ побужденіямъ, воспротивились распоряженіямъ церковной власти, заподозрѣли благонамѣренность и правильность ея дѣйствій,—исправленныхъ книгъ не приняли, удержали старыя, составили отдѣльную общину, между членами которой не замедлили обнаружиться несогласія, споры, вражда и раздѣленія по дѣламъ и вопросамъ церковнымъ; явились отдѣльные толки, или согласія, т е. расколъ въ расколѣ, измѣнившій и извратившій правильный порядокъ богослуженія и таинствъ по своему произволу до крайней нелѣпости Одни признавали законными только священниковъ, посвященныхъ по старымъ книгамъ и обрядамъ (хожденія священника вокругъ престола и аналоя отъ лѣвой стороны къ правой, по солнцу), а другіе—оставались безъ священниковъ и епископовъ: образовались—поповщина и безпоповщина и др. Общимъ важнымъ отличіемъ старовѣровъ отъ православныхъ было—употребленіе двуперстнаго крестнаго знаменія вмѣсто нашего православнаго, болѣе древняго, триперстнаго; вмѣсто

„Іисусъ“ говорили, пѣли и читали неправильно „Ісусъ“ Чѣмъ далѣе продолжалось отдѣленіе „старовѣровъ“ или раскольниковъ отъ церкви, тѣмъ болѣе замѣчалось между ними вражды и безпорядковъ. Увлекаясь внѣшней стороной богослуженія и обрядовъ, послѣдователи раскола смѣшиваютъ существенное въ дѣлѣ вѣры и спасенія съ малозначительнымъ и измѣняемымъ, догматъ съ обрядомъ, мысль—съ формой ея выраженія или символомъ; изъ-за перемѣны обрядовъ происходило удаленіе отъ единенія съ представителями—и другими членами церкви, православными. Изъ-за незначительныхъ разностей, къ вѣрѣ и спасенію не относящихся, старообрядцы-раскольники смущались, спорили, страдали, проклинали православныхъ, яко-бы еретиковъ, шли на смерть, противились: начинаясь съ малаго, подъ вліяніемъ вражды дѣло противленія доходило впослѣдствіи до излишняго и важнаго: отъ обряда къ догмату;—изъ раскольниковъ дѣлались сектантами и даже еретиками.

Какъ въ древнее время и въ другихъ странахъ, такъ и въ исторіи Россіи, съ ранняго времени до настоящаго, появлялись приверженцы ересей и расколовъ; въ XIV—XV вв появились жидовствующіе въ Новгородѣ и Москвѣ, отвергавшіе воплощеніе Іисуса Христа и др. догматы. Въ XIV в. въ Новгородѣ возникъ расколъ стригольниковъ, возставшихъ противъ духовенства и отвергавшихъ таинства и обряды. Въ настоящее время между русскими замѣчается много приверженцевъ раскола-старообряества, сектантовъ и еретиковъ, то явныхъ, то по большей части тайныхъ, боящихся выступать открыто по разнымъ разсчетамъ. Размноженію сектантовъ нынѣ особенно благопріятствуютъ условія и обстоятельства культурной жизни.

Свободный духъ изслѣдованія свящ. Писанія, независимо отъ толкованій Библіи свв. отцами церкви, сопровождавшій и воодушевлявшій первоначальныхъ и позднѣйшихъ приверженцевъ протестантства, произведшаго на Западѣ разладъ и смущеніе, отразился черезъ культурное и непосредственное вліяніе иновѣрцевъ на русскихъ—въ формѣ штунды, баптизма, пашковщины, толстовщины и т. п. Обрядовая сторона вѣры, служащая воспитательнымъ средствомъ въ дѣлѣ религіознаго развитія и укрѣпленія, отвергается сектантствомъ, какъ излишняя, сектанты отвергаютъ таинства, не вѣря, что черезъ нихъ сообщается благодать Св Духа. Отрицаніе ихъ доходитъ до того, что они не признаютъ православной церкви въ смыслѣ богоучрежденнаго общества вѣрующихъ Отвергая земную церковь, сектанты отрицаютъ достоинства представителей церкви небес-

ной, умаляютъ значеніе Божіей Матери, не почитаютъ ангеловъ и угодниковъ Божіихъ, отвергаютъ мощи святыхъ и не придаютъ никакого значенія молитвамъ церкви за живыхъ и умершихъ. Отвергаютъ посты, праздники, не почитаютъ св. Креста, т е. не покланяются предъ нимъ, не носятъ его на груди, не употребляютъ даже крестнаго знаменія. Отрицаніе сектантовъ переходитъ за предѣлы всякаго благоразумія и въ другомъ отношеніи они непочтительно относятся къ гражданской власти и царямъ. Направленіе сектантовъ худое; но еще хуже то, что они служатъ соблазномъ и заразительнымъ примѣромъ для другихъ. Олицетвореніемъ и идеаломъ современнаго сектантства и еретичества является въ настоящее время гр Л. Толстой.

VII

Въ своихъ заботахъ о заблудшихъ и падшихъ русская церковная власть, подобно власти Церкви древне-восточной, употребляла и употребляетъ всевозможныя мѣры вразумленія и побужденія для исправленія и обращенія тяжкихъ грѣшниковъ на путь истины. При недѣйствительности кроткихъ отеческихъ мѣръ исправленія заблудшихъ и отступниковъ, церковная власть, опираясь на свое право, опытъ и прежніе примѣры, прибѣгаетъ къ строгимъ способамъ воздѣйствія на упорныхъ и вредныхъ членовъ общества, будучи къ тому вынуждаема нравственною необходимостью—пресѣчь зло чрезъ удаленіе опасныхъ грѣшниковъ изъ своей среды во избѣжаніе соблазна для многихъ. Изъ исторіи мѣропріятій со стороны русской церковной власти противъ раскольниковъ, сектантовъ и еретиковъ нужно отмѣтить тотъ выдающійся фактъ, что церковная наша власть не только не злоупотребляла своимъ правомъ, но и не пользовалась имъ въ той мѣрѣ, въ какой могла бы она пользоваться, при употребленіи высшаго наказанія—анаѳемы, или отлученія. Терпѣніе и снисходительность къ недостойнымъ членамъ Церкви составляютъ особенность и достоинство въ образѣ дѣйствій русской церкви по отношенію къ еретикамъ и отступникамъ въ новѣйшее время. Къ особенностямъ въ дѣлѣ отношенія къ заблуждающимся нужно присоединить и то, что, при анаѳематствованіи извѣстныхъ лицъ, Церковь постепенно сокращала ихъ число, не называя ихъ по имени, но обобщая ихъ въ общее отвлеченное представленіе, или понятіе о принадлежности къ еретичеству вмѣстѣ съ другими тайными врагами церкви и еретиками, согласно латинской поговоркѣ: nomina sunt odiosa. Съ 1766 г. устранены даже рѣзкія выраженія противъ ерети-

ковъ, ранѣе бывшія въ употребленіи во время совершавшагося въ недѣлю православія чина анаѳематствованія, облегчены и внѣшнія гражданскія послѣдствія отлученія, бывшія неизбѣжными въ прежнее время по тѣсной связи церковнаго законодательства съ гражданскимъ.

Въ отношеніи не только къ уніатамъ, но и къ совратившимся въ католицизмъ нашимъ соотечественникамъ—русская церковная власть держала себя индифферентно, т. е. въ ожидательномъ положеніи: она сожалѣла о нихъ и молилась о возсоединеніи ихъ, но не употребляла противъ отступниковъ строгихъ мѣръ духовнаго характера — отлученія и анаѳемы. По отношенію же къ упорнымъ раскольникамъ и сектантамъ церковь должна была дѣйствовать съ надлежащей строгостью, посредствомъ отлученія и анаѳемы; анаѳемѣ же подвергались нѣкоторые изъ тѣхъ, которые, оставаясь православными, впадали въ тяжкія гражданскія преступленія, какъ то: бунтовщики, измѣнники государства, самозванцы и т п.

Вопросъ объ отношеніи къ отлученнымъ русской церкви не представляетъ собою какого либо особеннаго интереса для изслѣдованія ни въ полемическомъ смыслѣ, ни въ историческомъ, ни даже въ процессуально-судебномъ; но все-таки примѣненіе его въ нѣкоторыхъ случаяхъ возбуждало протестъ и пререканія со стороны заинтересованныхъ лицъ въ смыслѣ умѣстности и правильности Указать хронологически и послѣдовательно на всѣ случаи бывшихъ отлученій и анаѳематствованій по отношенію къ разнымъ лицамъ за все время 900-лѣтняго существованія русской церкви нѣтъ никакой возможности (по отсутствію лѣтописныхъ указаній) И мы вынуждены ограничиться тремя важными моментами изъ всей многолѣтней исторіи русской церкви, изъ временъ болѣе позднѣйшихъ, но моментами интересными и характерными. Первый моментъ касается произнесенныхъ на соборахъ 1666—67 гг. клятвъ на раскольниковъ; второй относится къ царствованію императора Петра Великаго, къ времени изданія имъ „Духовнаго регламента“, въ которомъ, между прочимъ, излагаются условія анаѳемы противъ раскольниковъ (1721 г); третій моментъ—объ отлученіи гр. Л Толстого (1901 г.). Въ связи съ означенными моментами, и независимо отъ нихъ, мы имѣемъ въ виду коснуться нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ. служащихъ отчасти дополненіемъ къ главнымъ моментамъ на почвѣ взаимныхъ отношеній между отлученными и церковной властью.

Изъ отлученій, относящихся къ древнѣйшей эпохѣ,—первые

по времени подверглись отлученію стригольники, сдѣлавшіеся изъ раскольниковъ еретиками, т. е перешедшіе отъ ошибокъ къ заблужденіямъ въ области вѣры, отъ раскола къ еретичеству. Еретичество стригольниковъ относится къ 70 мъ годамъ XIV ст. Сущность ереси стригольниковъ состояла въ отрицаніи внѣшней обрядовой стороны вѣры. Начавъ съ отрицанія церковной іерархіи, членовъ которой почитали недостойными и корыстными, стригольники отвергали всѣ таинства, постановленія вселенскихъ соборовъ, священное писаніе Новаго Завѣта и даже воскресеніе мертвыхъ. Ведя строгій образъ жизни, доходившій до воздержанія и постничества, стригольники оказывали сильное вліяніе на современниковъ, болѣе или менѣе просвѣщенныхъ жителей гг Пскова и Новгорода Существованіе ереси продолжалось около 60-ти лѣтъ Главными вождями ереси были: нѣкто Карпъ (разстрига, отсюда стригольники) и діаконъ Никита (тоже разстрига). Въ 1375 г. совершилось отлученіе послѣдователей стригольнической ереси отъ Церкви въ формѣ анаѳемы. Важнымъ послѣдствіемъ отлученія было то, что народъ схватилъ еретиковъ и утопилъ ихъ въ р Волховѣ (въ Новгородѣ) [1]).

Въ 1490 г. и 1505 г наложена анаѳема на „жидовствующихъ“ и ученіе ихъ, находившееся въ преемственной исторической и логической связи съ ученіемъ стригольниковъ Ересь жидовствующихъ состояла въ отрицаніи догматовъ о воплощеніи Іисуса Христа, о св Троицѣ, о божествѣ Сына Божія и искупленіи; предпочитая писаніе Ветхаго Завѣта Новому, жидовствующіе отвергали писанія свв. отцевъ, почитаніе св. мощей, иконъ, таинствъ и вообще церковной обрядности и особенно монашества, какъ образа жизни, противнаго природѣ. Начавшись въ Новгородѣ, ересь перешла въ Москву, пріобрѣтши множество послѣдователей между знатными людьми, придворными и даже духовенствомъ съ митрополитомъ во главѣ. Ересь была ослаблена и прекращена отчасти полемикою, отчасти казнью сторонниковъ ея, подвергшихся сожженію послѣ отлученія [2]).

---

[1]) Знаменскій. Руковод къ р ц. истор 1880 г стр. 106—107.

[2]) Знаменскій. Руковод къ р. ц истор Казань, 1880 г, стр. 160—163

Въ русской церкви, въ періодъ допатріаршескій (1589 г.) отлученіе, называвшееся также изверженіемъ, проклятіемъ, клятвою, запрещеніемъ, юзами, изрекалось за еретичество, за преобидѣніе Церкви Божіей (т. е за нарушеніе церковныхъ законовъ со стороны сильныхъ міра), ея суда и ея священнослужителей, а со времени (съ XIV в.) собиранія русской земли противъ тѣхъ, кто дѣйствовалъ противъ правительства московскихъ князей, а также, впослѣдствіи, противъ опасныхъ государственныхъ преступниковъ, начиная съ Григорія Отрепьева и кончая Е. Пуга-

Переходимъ въ XVII в., во второй половинѣ котораго возникъ расколъ старообрядства, послужившій въ своей дальнѣйшей исторіи источникомъ для продолжительныхъ разсужденій и препирательствъ по вопросу объ анаѳемѣ. Дѣло въ слѣдующемъ:

чевымъ (1772 г.). По правиламъ митроп. Іоанна II († 1189 г.) отлученію подвергались русскіе, державшіеся идолопоклонства, виновные въ многоженствѣ, тѣ, кто продавалъ своихъ слугъ поганымъ, кровосмѣсники, не причащавшіеся, употреблявшіе мясо во время в. поста Правило м. Кирилла († 1233 г.) лишало отлученнаго послѣ его смерти молитвъ церковныхъ и погребенія на кладбищѣ; то же правило угрожаетъ отлученіемъ тѣмъ, кто придерживается языческихъ обычаевъ (колдовства, заклинаній), кто въ праздники производитъ позоры (балаганныя представленія, комедіи) со свистаніемъ и кличемъ, кто бьется дреколіемъ до смерти. Стоглавый соборъ (1551 г.) понималъ отлученіе въ смыслѣ недопущенія къ богослуженію и отказа въ принятіи какихъ-бо то ни было пожертвованій на церковь со стороны отлученныхъ.

При патріархахъ, при осложненіи общественныхъ отношеній, увеличились поводы къ отлученіямъ. Такъ, въ это время возникъ новый видъ отлученія, извѣстный подъ названіемъ вседомовнаго. Онъ состоялъ въ томъ, что священникъ могъ, по своему единоличному усмотрѣнію, подвергнуть своего прихожанина со всѣмъ его семействомъ отлученію за нарушеніе правъ храма и причта (оскорбленіе, клевета). Въ 1861 г. былъ отлученъ отъ церкви подъячій (чиновникъ средняго класса) Толмачевъ за преобидѣніе церковнаго причта. Въ силу означеннаго отлученія требовалось, чтобы Толмачева въ храмъ нигдѣ не пускали и къ нему въ домъ никто изъ причта ни съ какими требами не входилъ, и приношеній его на храмъ не принимали, и въ столахъ на обѣдахъ, у кого придучится кому быть съ нимъ, не сидѣть и ни въ чемъ съ нимъ никому сообщенія никакихъ не имѣть, за нарушеніе предписанныхъ требованій угрожалось отлученіемъ. Изъ эпохи XVII в. извѣстно нѣсколько жалобъ царямъ со стороны отлученныхъ на духовниковъ за превышеніе власти и злоупотребленіе ими правомъ отлученія Вседомовное отлученіе, участившееся послѣ паденія п. Никона (1666—1667 г.) вслѣдствіе упадка вліянія духовенства среди русскаго населенія и враждебности со стороны послѣдователей раскола, приняло черты, сходныя съ интердиктомъ, какъ такимъ наказаніемъ, тяжесть котораго несутъ одинаково виноватые и правые. Ограниченіе вседомовнаго отлученія, возникавшаго иногда изъ-за личныхъ мелочныхъ счетовъ и недоразумѣній и сопровождавшагося большими смутами и затрудненіями, положено было при Петрѣ Великомъ. Въ устраненіе безпорядковъ и злоупотребленій правомъ отлученія Императоръ Петръ Великій ввелъ въ число пунктовъ архіерейской присяги (при посвященіи, т. е. хиротоніи) и слѣдующій: «обѣщаюсь еже кого-либо по моей страстной волѣ, что какихъ ради ссоръ со мною, что съ моими подчиненными, вседомовно и единолично не проклинать и отъ таинствъ церковныхъ не отлучать на основаніи церковныхъ правилъ, развѣ кто покажетъ себя явнымъ преступникомъ и раззорителемъ заповѣдей Божіихъ или противо церкви еретикомъ»... По изреченіи вседомовнаго отлученія Св. Сунодъ, по примѣру до-петровскаго стараго обычая, распоряжался о закрытіи храма. Случаи вседомовнаго отлученія со времени учрежденія Сунода (1721 г.) встрѣчались весьма рѣдко, они возникали по большей части отъ самодурства среднихъ и низшихъ органовъ гражданской власти, примѣромъ чего можетъ служить „дѣло“ объ отлученіи въ 1747 г. бригадира (помѣщика

Противники исправленія богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ при патріархѣ Никонѣ и введенія ихъ при богослуженіи вмѣсто старыхъ, какъ неисправныхъ, офиціально признаны были на „Большомъ Московскомъ соборѣ 1667 г.“—раскольниками за крайнее упорство, враждебность и хулу на церковную власть и даже Церковь. Заповѣдавъ въ своемъ опредѣленіи всѣмъ христіанамъ повиноваться во всемъ безъ всякаго сомнѣнія святой восточной и апостольской Церкви, отцы собора изрекли: „аще кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ пасъ и не покорится Церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословить и противитися намъ, мы таковаго противника данною намъ властію . аще будетъ отъ священнаго

(Смол. губ Бѣльскаго уѣзда, с. Верховья) Швыйковскаго за смертельное избіеніе и надругательство надъ священниками. безчиніе и презрѣніе Церкви Божіей. Дѣло это тѣмъ замѣчательно, что отлученію въ формѣ анаѳемы подвергался, по распоряженію Св Синода. виновный единолично, а не вседомовно. Въ 1737 г, по опредѣленію Св. Синода, отмѣнены распоряженія епископа черниговскаго Иродіона, какъ неправильныя, объ отлученіи вседомовно отъ всѣхъ церковныхъ посѣщеній лицъ, подлежащихъ суду гражданскому. а не церковному за частныя (партикулярныя) между собою ссоры (Полн собр. пост по вѣд прав. исп. за 1735—1737 г., т. IX, стр. 138—141, № 2913). (Историч. Вѣстн. 1905 г., авг., стр. 501—513). Съ улучшеніемъ нравовъ. какъ въ средѣ гражданской власти, такъ и самого духовенства, ослабляется и совсѣмъ прекращается вседомовное отлученіе. обязанное своимъ происхожденіемъ и развитіемъ мѣстной національной русской церкви въ послѣдніе вѣка древнерусской исторіи (т. е. XVII—XVIII ст.). Заслуживаетъ вниманія то, что нѣкоторые русскіе представители власти въ XVII в отрицали въ принципѣ и въ практикѣ законность и умѣстность отлученія въ высшей его формѣ—анаѳемѣ, опредѣляемаго и налагаемаго за политическія и гражданскія преступленія, несомнѣнно имѣвшія мѣсто въ церковной практикѣ въ началѣ XVII ст. во время самозванческой смуты (1606—1612 г.).

Такъ въ 1667 г., во время засѣданій извѣстнаго московскаго собора по дѣламъ о раскольникахъ когда коснулось дѣло взаимныхъ отношеній между свѣтскою и церковною властями участвовавшіе на соборѣ греки, возвышавшіе царскую власть передъ духовною. въ противоположность взглядамъ русскихъ, въ свое оправданіе представили слѣдующее опредѣленіе, найденное ими въ патріаршемъ Александрійскомъ собраніи законовъ предпріемлющимъ отнынѣ заговоры или собирающимъ скопища—анаѳема. содѣйствующимъ имъ и сообщникамъ ихъ въ отложеніи—анаѳема. совѣтующимъ и побуждающимъ къ тому—анаѳема, вооружающимся на помощь имъ—анаѳема, пріемлющимъ ихъ къ наказанію, тогда какъ они не раскаиваются въ мятежѣ и не оставляютъ его—анаѳема

Выслушавъ это, русскіе архіереи говорили «мы знаемъ, что подвергаются анаѳемѣ еретики, какъ, напр., въ недѣлю православія. Но, что касается до заговорщиковъ и мятежниковъ, то не знаемъ и не читали нигдѣ, чтобы они поражаемы были молніею проклятія. Помнимъ слова Тарасія патріарха въ апологетической рѣчи: «страшна анаѳема потому, что отлучаетъ человѣка отъ Бога, изгоняетъ изъ царства небеснаго, ведетъ въ тьму кромѣшную».—А развѣ не помните, возразилъ газскій митрополитъ. какъ патріаршествовавшій нѣкогда Михаилъ съ согласія быв-

чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати, и проклятію предаемъ,—аще же отъ мірского чина, отлучаемъ, и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочлененія и отъ стада и отъ Церкви Божія отсѣкаемъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ [1]) Клятва произнесена не на книги старыя и обряды, признанные соборомъ неправильными, а на *людей*, какъ противниковъ и еретиковъ; иначе не было бы смысла въ словахъ: дондеже вразумятся и возвратятся въ правду покаяніемъ; къ покаянію способны люди, а не обряды и книги. Узаконяя исправленные обряды и книги и запрещая употребленіе обрядовъ старыхъ, отцы собора не только не проклинали послѣднихъ, но о многихъ изъ нихъ отзывались съ одобреніемъ, а нѣкоторые даже позволяли употреблять „не прекословящимъ“. Далѣе: анаѳема прямо относилась на главныхъ расколоучителей и бунтовщиковъ церковныхъ — прот. Аввакума, діакона Ѳеодора, Епифанія, чернеца Соловецкаго и на прочихъ ихъ единомысленниковъ и совѣтниковъ, дондеже пребудутъ въ упрямствѣ и непокореніи. Отсюда слѣдовало: кто не хотѣлъ оставить старыхъ обрядовъ и принять обряды исправленные, одобренные соборомъ, подверглись соборной клятвѣ, но не за употребленіе своихъ старыхъ обрядовъ, которыхъ клятва не касалась, а за то, что церковь православную, принявшую обряды исправленные, они неправильно обвиняли въ перемѣнѣ вѣры, въ ереси и вслѣдствіе сего не только не хотѣли покориться освященному собору, но совершенно отдѣлились отъ церкви и ея іерархіи, не стали принимать ея таинствъ и составили свое, отдѣльное отъ церкви, самочинное общество Соборъ проклялъ не обряды, признанные имъ неправильными, хотя и не нарушающими существо вѣры, а расколъ, т е. отступничество отъ церкви изъ-за обрядовъ

шаго тогда собора подвергъ анаѳемѣ заговорщика» Такъ, отвѣчали архіереи, но законно ли это дѣлать, мы не знаемъ и желаемъ видѣть яснѣйшее свидѣтельство. (Богосл. Вѣстн. 1905 г., апр., стр 679—680. По времени составленія и употребленія приведенная въ изложенной формѣ анаѳемы—она относится къ XIV в., къ царствованію Мануила II, греческаго императора изъ династіи Палеологовъ (1391—1425).

Трудно сказать, чѣмъ можно объяснить рѣшительное отрицаніе со стороны русскихъ членовъ московскаго собора 1666—1667 г., неосвѣдомленностью ли съ церковною древнѣйшею и недавнею отечественною практикою, или обычнымъ въ это время упорствомъ въ защищеніи и отстаиваніи допущенныхъ ошибокъ по примѣру протопопа Аввакума и др. расколоучителей. И то и другое возможно и допустимо.

[1]) Ив Нильскій. О клятвахъ моск. собора 1667 г СПБ. 1893 г.

со стороны неразумныхъ и упорныхъ ревнителей мнимой старины.

Такъ понимала смыслъ клятвъ собора 1667 г. церковная власть всего послѣдующаго и позднѣйшаго времени до настоящаго включительно. Но не такъ, къ сожалѣнію, понимали значеніе клятвъ послѣдователи раскола. По взгляду раскольниковъ, существующему съ возникновенія раскола, т. е. съ 1667 г., до позднѣйшаго времени, означенный соборъ московскій произнесъ жестокую и несправедливую клятву не только на всѣхъ послѣдователей старообрядства, но и на самые старые обряды и книги, благоговѣйно и спасительно употреблявшіеся и совершавшіеся людьми древней Руси. Такой взглядъ на клятвы собора 1667 г. послѣдователей раскола составился, распространился, укрѣпился и поддерживался на основаніи тѣхъ строгихъ мѣръ преслѣдованія и наказаній, испытанныхъ раскольниками, которыя предпринимались съ вѣдома и согласія церковной власти во все время существованія раскола по отношенію къ его послѣдователямъ за приверженность къ старымъ обрядамъ и книгамъ, равно какъ и на основаніи пренебрежительныхъ отзывовъ и бранныхъ выраженій о послѣднихъ со стороны православныхъ полемистовъ, начиная съ „Жезла правленія“ и оканчивая „Братскимъ словомъ“; къ превратному пониманію клятвъ собора содѣйствовали, помимо невѣжества и предубѣжденія, неясность, напр., церковно-гражданскихъ распоряженій, изданныхъ въ правленіе Петра Великаго, и касавшихся раскольниковъ въ вопросахъ о двуперстіи и др. особенностяхъ раскола.

Тяжело было находиться подъ клятвою людямъ благочестиво настроеннымъ, но эта тяжесть клятвы могла облегчаться сознаніемъ якобы несправедливости въ дѣйствіяхъ церковной власти по отношенію къ первымъ расколоучителямъ; а преемственный и наслѣдственный грѣхъ сознавался легче. Но взглядъ раскольниковъ на клятвы собора 1667 г. рѣзко высказывался въ полемическихъ сочиненіяхъ у раскольничьихъ писателей (у прот. Аввакума, Андрея Денисова). Поводомъ къ болѣе ясному и умѣстному выраженію своихъ взглядовъ на клятвы собора послужило положеніе старообрядцевъ съ учрежденіемъ единовѣрія въ началѣ XIX в.

Извѣстно, что съ учрежденіемъ единовѣрія, въ началѣ прошлаго столѣтія, и даже съ конца XVIII в., тѣмъ изъ старообрядцевъ, которые присоединяются къ св. Церкви, но въ тоже время желаютъ оставаться при старыхъ обрядахъ, даются, по благословенію Свят. Синода, священники, могущіе совершать для

ихъ прихожанъ богослуженіе по тѣмъ самымъ книгамъ и съ тѣми обрядами, которые соборомъ 1667 года признаны неправильными. Это было снисхожденіе или уступка Церкви, сдѣланная съ цѣлію вразумить послѣдователей старообрядства и привлечь ихъ къ православію; но такой милости они не оцѣнили. Вмѣсто благодарности, они стали утверждать, что будто бы русская церковь, допустивъ единовѣріе, т. е. единеніе старообрядцевъ съ православными на почвѣ взаимныхъ уступокъ и любви, впала въ противорѣчіе съ собою и саму себя, а также и единовѣрцевъ, подвергала проклятію, изреченному на соборѣ 1667 г. Сторону единовѣрцевъ приняли въ 1870—1875 гг. нѣкоторые изъ свѣтскихъ писателей (Т. Филипповъ и др.). По примѣру старообрядцевъ, они стали (въ своихъ сочиненіяхъ и происходившихъ тогда бесѣдахъ о „нуждахъ единовѣрія“) утверждать, будто бы Церковь, дозволивъ употреблять единовѣрцамъ при богослуженіи старые обряды и книги, а сама употребляя исправленные, можетъ и должна придти въ полное согласіе съ собою только въ томъ случаѣ, когда уничтожитъ положенную въ 1667 г. клятву на старые книги и обряды. Отсюда вытекало желаніе и просьба единовѣрцевъ и сочувствовавшихъ имъ писателей о снятіи или разрѣшеніи клятвъ московскаго собора 1667 г., положенныхъ на старые обряды и книги, для устраненія мнимаго противорѣчія Церкви съ своими раннѣйшими опредѣленіями и для успокоенія совѣсти просителей.

На это желаніе единовѣрцевъ, одобрявшееся и другими раскольниками, какъ желаніе неосновательное, Церковь не могла согласиться, оставаясь вѣрною своему соборному опредѣленію, состоявшему въ изреченіи клятвъ не на обряды и книги, а на раскольниковъ, какъ упорныхъ противниковъ церковной власти. Выразителемъ и защитникомъ надлежащихъ мнѣній церковной власти по данному вопросу о нуждахъ единовѣрія былъ покойный проф. исторіи и обличенія раскола старообрядства Ив. Нильскій († 1894 г.) [1]). Полемика проф. Нильскаго настолько была основательна и убѣдительна, что заставила нѣкоторыхъ изъ его противниковъ не только замолчать, но отказаться отъ своихъ мнѣній, какъ односторонніхъ. Какъ замѣтно, благоразумные единовѣрцы стали послѣ сего умѣреннѣе въ своихъ взглядахъ и требованіяхъ по вопросу о пресловутыхъ клятвахъ.

Къ особенностямъ собора 1667 г. относится то, что на немъ разрѣшена, т. е. отмѣнена клятва „Стоглаваго Собора“, быв-

[1]) См. «Христ. Чт.» 1873 г., II т., стр. 294—5 Т. Филипповъ—Церк. вопрос., стр. 315.

шаго въ 1551 г. (въ царствованіе Ивана Грознаго), положенная на тѣхъ, кто не крестился двуперстно Постановленіе это было ошибочное, сдѣланное по простотѣ и невѣжеству членовъ собора. Однако, какъ постановленіе о клятвѣ, вошедшее въ силу каноническаго правила отъ давности (1667—1551—117 л.) и авторитета власти соборной, такъ и отмѣна ея (т. е. клятвы) не мало произвела смущенія не только среди старообрядцевъ, но и православныхъ. Не смотря на разрѣшеніе клятвы собора 1551 г., раскольники, считающіе двуперстное крестное знаменіе болѣе правильнымъ и древнимъ, продолжаютъ придавать большее значеніе „Стоглавому Собору“, чѣмъ собору 1667 г., какъ впадшему, по ихъ мнѣнію, въ двойное противорѣчіе—съ постановленіемъ отцовъ собора при царѣ Грозномъ о двуперстіи и самимъ собою чрезъ дозволеніе единовѣрцамъ того, что ранѣе сами торжественно запретили и даже подвергли клятвѣ. Что касается до клятвъ собора 1667 г., тяготѣющихъ на послѣдователяхъ раскола, то онѣ снимаются внутреннимъ судомъ Церкви съ тѣхъ изъ нихъ, кто перестаетъ быть противникомъ церковной власти и дѣлается послушнымъ ей, хотя бы употреблялись двуперстіе и др. церковные обряды, подобно единовѣрцамъ. На эту сторону дѣла раскольники, подобно своимъ предкамъ, и не обращаютъ вниманія, а между тѣмъ она-то была самая существенная въ вопросѣ объ отношеніи къ Церкви.

Заслуживаетъ вниманія мнѣніе московскаго митрополита Филарета по вопросу о клятвахъ москов. собора 1667 г., относящееся къ 1858 г. и представленное имъ въ Св. Синодъ (см. Сбр. мнѣній м. Филарета, т. 4, № 488, стр. 311—313).

По мнѣнію м. Филарета, не съ строгою точностію поступили, когда, пріемля въ общеніе церковное приходящихъ отъ раскола единовѣрцевъ и разрѣшая ихъ отъ проклятія, положеннаго на раскольниковъ соборомъ 1667 г., *предположили только* согласіе восточныхъ патріарховъ, *а не испросили сего* согласія посредствомъ сношенія, и что раскольники нашли въ семъ поводъ къ возраженіямъ. Раскольники говорятъ, что свят. Синодъ, какъ меньшій соборъ, не имѣлъ права одинъ снять проклятіе, наложенное большимъ соборомъ, въ которомъ участвовали восточные патріархи, что посему единовѣрцы остаются еще подъ проклятіемъ, употребляя обряды, осужденные соборомъ, и что потому опасно присоединиться къ единовѣрческой церкви Для безпристрастныхъ это возраженіе не сильно и уничтожается простымъ отвѣтомъ: „если вы сомнѣваетесь присоединиться къ единовѣрческой церкви, то присоединяйтесь безусловно къ православ-

ной церкви, которая, очевидно, не прикосновенна къ проклятію собора 1667 г.“. Но раскольники не легко сознаютъ различіе между правильнымъ и неправильнымъ умозаключеніемъ, и повторяютъ то-же возраженіе, не смотря на полученные отвѣты.

Посему достойно вниманія то, чтобы означенное возраженіе, особенно часто и упорно повторяемое раскольниками, уничтожить очевиднымъ, наглядымъ для нихъ образомъ Посему м. Филаретъ предлагалъ своевременнымъ и нужнымъ войти Св. Синоду въ сношеніе съ восточными патріархами съ изложеніемъ слѣдующаго: „раскольники сами себя отлучили отъ православной церкви, произнося на нее клятву и хулу, будто бы она повредила и даже перемѣнила вѣру, отказываясь отъ повиновенія церковной іерархіи и упорно держась неисправленныхъ церковныхъ книгъ и не принявъ исправленныхъ; нужно изложить осужденіе, произнесенное на нихъ соборомъ 1667 г.; изложить и то, что съ начала текущаго (1800 г.) столѣтія многіе раскольники оставили свою хулу на православную церковь и свое неповиновеніе, а признали ее святою и подчинились ея іерархіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ просили оставить имъ употребленіе старопечатныхъ книгъ и нѣкоторыхъ несовершенныхъ обрядовъ; Св. Синодъ, по уничтоженіи важныхъ и существенныхъ причинъ отлученія отъ Церкви, принялъ таковыхъ въ церковное общеніе и, по благонамѣренности снисхожденія, оставилъ безъ осужденія употребленіе старопечатныхъ книгъ и несовершенныхъ обрядовъ; хотя Св. Синодъ не имѣетъ сомнѣнія, что онъ таковымъ своимъ распоряженіемъ нимало не уклонился отъ единомыслія въ вѣрѣ съ восточными патріархами и всею восточною церковію, но для болѣе яснаго вразумленія заблуждающихся и для удостовѣренія сомнѣвающихся, предлагаетъ сіе дѣло на благоусмотрѣніе восточныхъ патріарховъ, въ надеждѣ, что они разрѣшеніе раскольниковъ, прекращающихъ свои хуленія и противленіе, признающихъ святость православной Церкви и входящихъ въ послушаніе, отъ клятвы собора 1667 г. благоволятъ утвердить своимъ согласіемъ и употребленіе входящихъ въ общеніе православной церкви книгъ и обрядовъ несовершенныхъ такъ же согласились оставить безъ осужденія, дабы таковымъ снисхожденіемъ удобнѣе пріобрѣтены были для православной церкви заблудшіе отъ нея, съ надеждою, что со временемъ полнѣе вразумятся и отъ несовершеннаго приступятъ къ совершенному [1]).

[1]) Собраніе мнѣній и отзыв. м. Филарета, т. IV № 484, стр. 311—313.

Разумѣется само собою то, что отвѣтъ со стороны восточныхъ патріарховъ нуженъ былъ для успокоенія единовѣрцевъ, колебавшихся и колеблющихся раскольниковъ, но никакого сомнѣнія не было въ томъ, что отвѣтъ долженъ былъ быть характера положительнаго, т. е долженъ подтверждать вѣрность распоряженій Св. Синода въ смыслѣ каноническомъ и церковно-историческомъ.

IX.

Изъ исторіи анаѳематствъ заслуживаетъ вниманія царствованіе Петра Великаго Это было тревожное время для всѣхъ, особенно для раскольниковъ. На расколъ царь обращалъ особенное свое вниманіе. Если кто противился внутреннимъ преобразованіямъ Петра, то преимущественно раскольники, посему они были въ большой немилости за свое противленіе и распространеніе о царѣ нелѣпыхъ извѣстій и слуховъ и переносили разныя преслѣдованія, лишенія, стѣсненія. Но Петръ старался быть безпристрастнымъ и формально законнымъ. Посему въ „Духовномъ Регламентѣ“ находится особый рядъ узаконеній о приверженцахъ раскола и надлежащемъ отношеніи къ нимъ. Преданіе раскольниковъ анаѳемѣ—продолжало быть однимъ изъ могучихъ средствъ для воздѣйствія на противниковъ съ цѣлью усмиренія и ослабленія ихъ упорства и пропаганды. Но пользоваться анаѳемой нужно было осторожно, съ разсмотрѣніемъ, послѣ основательнаго изысканія и удостовѣренія въ принадлежности къ расколу и тщательнаго увѣщанія послѣдователей раскола о вредѣ его и—къ переходу въ православіе.

Если кто по внѣшнимъ признакамъ (главнымъ образомъ употребленію двуперстія, небытію у исповѣди и св. причащенія) подозрѣвался въ принадлежности къ расколу, но не сознавался, тотъ долженъ былъ проклинать „вся полки (т. е. толки и согласія) раскольническіе, которые гдѣ ни есть въ Россіи обрѣтаются: вся ереси и отступства, и злохуленія, и расколы, а именно: сложеніе трехъ перстовъ въ знаменіи крестномъ ересью и печатью антихристовою нарицающихъ и не знаменующихся тремя первыми перстами, но двѣма—указательнымъ и среднимъ, трикратное глаголаніе аллилуіа и имя Христово, пишемое: Іисусъ, ересью и крестъ четырехконечный идоломъ, кумиромъ, мерзостью запустѣнія и т. п. Такую же клятву долженъ былъ произнести и тотъ, кто обращался изъ раскола въ православіе.

Кто оставался упорнымъ въ расколѣ, тотъ, какъ и всѣ вообще послѣдователи его, должны были подвергаться церковной анаѳемѣ, или клятвѣ. Соборная клятва 1667 г. на раскольниковъ, какъ противниковъ церковной власти, тяготѣла надъ ними. Не только не могло быть рѣчи объ отмѣнѣ положенной клятвы, но о ней говорится въ „Духовномъ Регламентѣ“, какъ о продолжающейся духовной карѣ. По „Регламенту“, анаѳемѣ, какъ высшему церковному наказанію, подвергается, между прочимъ,—тотъ, кто, безъ достаточно уважительной причины, покаянія и св. евхаристіи не пріемлетъ, или что либо иное творитъ, съ явнымъ Закона Божія ругательствомъ и посмѣяніемъ,—кто гордъ и упрямъ остается на вторичномъ покаяніи, ибо не просто за грѣхъ подлежитъ анаѳемѣ, но за явное и гордое презрѣніе суда Божія и власти церковной съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій, и такъ волю безбожія (?) издаетъ отъ себя.

Такъ какъ анаѳемою человѣкъ отсѣкается отъ мысленнаго тѣла Христова—Церкви, дѣлается подобно убіенному, то изреченію ея на отступника и ослушника, въ данномъ случаѣ раскольника, долженъ предшествовать рядъ частныхъ мѣръ со стороны епископа для обращенія заблуждающагося къ покаянію и исправленію. „Регламентъ“ требовалъ, чтобы епископъ послалъ къ упорному духовника его выговорить вину его наединѣ съ кротостью и со увѣщаніемъ, дабы, принесши покаяніе и эпитимію, причастился бы св. евхаристіи при народѣ. Если же посольство духовника вотще будетъ, то епископъ, спустя нѣкое время, долженъ призвать его къ себѣ честно и увѣщевать его наединѣ, въ присутствіи духовника; если откажется идти къ епископу, то должны увѣщевать упорнаго благонамѣренные и опытные духовные и свѣтскіе люди, наиболѣе къ нему расположенные; при неудачѣ и этого средства, епископъ долженъ объявить въ церкви въ праздничный день, при большомъ стеченіи народа, о заблужденіи и упорствѣ грѣшника, съ приглашеніемъ помолиться за него Богу, да обратитъ его къ покаянію, да оставитъ заблужденіе, иначе подпадетъ изверженію изъ Церкви. И если послѣ сего останется непреклоненъ, то епископъ и тогда не приступитъ еще къ анаѳемѣ, но прежде о всемъ томъ напишетъ въ духовный коллегіумъ, отъ котораго и получитъ письменное разрѣшеніе на преданіе анаѳемѣ. Далѣе,—если изверженный, не покаявшись, учнетъ еще ругать церковную анаѳему, или еще вредить епископу, или ино—причту, тогда епископъ донести долженъ въ духовный коллегіумъ, прося суда

у мірской власти. „Регламентъ“ требуетъ и того, чтобы епископы, какъ анаѳемы, такъ и разрѣшенія отъ нея, не дѣлали ради прибыли своей, или иного коего собственнаго интереса и искали бы въ томъ важномъ дѣлѣ не яже своя, но яже Господа Іисуса [1]).

Мы съ особенною подробностью привели изъ „Регламента“ тѣ частныя предварительныя, но важныя и необходимыя, мѣры по отношенію къ заблуждавшимся, безплодность которыхъ вела къ произнесенію анаѳемы,—этого страшнаго слова, производившаго отчаяніе или озлобленіе, или то и другое вмѣстѣ въ томъ, кого она касалась Интересно было бы документально подтвердить то,—выполнялись ли на дѣлѣ тѣ предварительныя мѣры увѣщанія заблуждавшихся, какія начертаны были авторомъ „Регламента“, человѣкомъ искуснымъ и предусмотрительнымъ.

Правда, мы не имѣемъ указаній на частные случаи изверженія раскольниковъ изъ Церкви посредствомъ анаѳемы, но можно думать, что такихъ случаевъ съ соблюденіемъ всѣхъ предварительныхъ условій по отношенію къ раскольникамъ было немного по трудности исполнить все предписанное, вслѣдствіе множества отлучаемыхъ. Тогда, вмѣсто частныхъ анаѳематствъ, притомъ и рѣдкихъ, довольствовались общею анаѳемою, совершавшеюся ежегодно въ недѣлю Православія, и извѣстными клятвами Московскаго собора 1667 г., тяготѣвшими надъ всѣми раскольниками, какъ противниками церковно-гражданской власти. Анаѳемѣ подвергались открытые и тайные раскольники въ недѣлю Православія на основаніи донесеній отъ епархіальныхъ архіереевъ, извѣстныхъ при Петрѣ Великомъ сыщиковъ и др. лицъ и учрежденій, вѣдавшихъ дѣла по расколу.

Изъ частныхъ случаевъ отлученія и анаѳемы заслуживаютъ вниманія три слѣдующихъ, характерныхъ и разнородныхъ по предметамъ и обстоятельствамъ: одинъ относится къ царствованію Императора Петра Великаго, отличавшагося необычайной строгостью, а другіе два—къ времени позднѣйшему, къ царствованію его дочери Императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761 г.).

По указу Петра Великаго отъ 23 августа 1718 г. повелѣно: Стефана Глѣбова немедленно предать проклятію и вѣчной анаѳемѣ за возмущеніе и оскорбленіе Его Величества, соединенныя съ нераскаянностью и презрѣніемъ Св. Таинъ. Интересна форма анаѳемы, нарочито составленная по сему случаю: „по возглашеніи анаѳемствованія древнихъ, подпадшихъ анаѳемѣ,

[1]) Полн. собр. пост. по вѣд. прав. испов. Спб., 1879 г., изд. 2-е, стр 26—27, т. 1.

возглашать еще: тому же подпадаетъ злостный Закона Божія преступникъ и Царскаго Величества противникъ Стефанъ Глѣбовъ, который въ безприкладномъ, т. е. въ безпримѣрномъ, преступленіи и письменномъ противъ Его Царскаго Величества народномъ возмущеніи обвиненъ; по жестокосердію своему ни передъ смертію, во время достойныя по дѣламъ его казни, свойственнаго христіанамъ покаянія не принесъ и причастія Св. Таинъ отвергся и силѣ клятвы церковной, яко лютѣйшій благочестія преступникъ и презиратель, самъ себя подвергъ и за сія церкви и отечеству богоненавистныя противности во вѣки да будетъ анаѳема“ [1]).

О преступленіи Глѣбова и преданіи его проклятію немедленно было сообщено во всѣ епархіи для свѣдѣнія и, по всей вѣроятности, для преданія анаѳемѣ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ пребывали епископы. Анаѳемою Петръ пользовался и для укрѣпленія закона о престолонаслѣдіи.

Продолжительное и весьма интересное „дѣло о преданіи анаѳемѣ и разрѣшеніи отъ нея секретаря Бѣлгородской канцеляріи Пархомова и вдовы Д. Колтовской“, начавшееся въ 1722 г., окончилось въ 1741 г (продолжалось около 20 л.). Дѣло возникло на раскольнической почвѣ. Пархомовъ и Колтовская преданы были анаѳемѣ за совмѣстную внѣбрачную жизнь открыто, къ большому соблазну общества. Чтобы обвѣнчаться на своей сожительницѣ, Колтовской, при жизни законной жены, отъ которой были дѣти, Пархомовъ, живя въ Петербургѣ, избилъ до полусмерти свою жену Ирину, и привезши ее въ г. Рыльскъ (Курской губ.), насильно постригъ ее въ монахини, при помощи тамошняго духовенства; самъ же скоро обвѣнчался съ Д. Колтовской, отъ которой уже были дѣти. Судебное дѣло возникло по жалобѣ законной жены, не желавшей жить въ монастырѣ Разрѣшивши послѣднюю отъ монашескаго званія и признавъ ее законною женою Пархомова, Св Синодъ расторгъ бракъ его съ Д. Колтовскою; между тѣмъ Пархомовъ рѣшенію Синода долго не подчинялся и продолжалъ жить съ разведенною, избѣгая положеннаго на него наказанія и явки въ Св. Синодъ для объясненія. Для оправданія себя Пархомовъ прибѣгъ къ обману и хитрости. Такъ, онъ придумалъ сослаться на Высочайшее Имя, на данный будто бы милостивый указъ Императрицы, по которому будто бы разрѣшали Пархомова съ Колтовскою отъ клятвы освободить и съ новою женою не разводить,

[1]) Полн. собр. пост. по вѣд прав. испов., т. I, изд. 2-е, стр. 232—233, № дѣла 179.

но это оказалось ложнымъ. Заслуживаетъ вниманія форма отлученія виновныхъ и въ то же время упорныхъ въ своемъ безнравственномъ поведеніи. Указавъ на открытую связь и пренебрежительное отношеніе Пархомова и Колтовской къ требованіямъ церковной власти объ исполненіи послѣдствій развода, Св. Синодъ опредѣлилъ: „властію Всесвятаго и Животворящаго Духа оныхъ противниковъ—М. Пархомова и преступницу Д. Колтовскую, дондеже пребываютъ въ упрямствѣ своемъ и не возвратятся съ покаяніемъ, отлучить отъ церкви и ни до какихъ таинствъ и священнослуженій церковныхъ ихъ не допускать, и входа церковнаго (т. е. въ церковь) нигдѣ имъ не давать, и въ домы ни съ какими церковными требами не входить, о чемъ повелѣвалось сообщить во всѣ епархіи съ изложеніемъ причинъ отлученія и церковно-гражданскихъ постановленій общецерковныхъ и русскихъ; изъ послѣднихъ особенное значеніе усвояется постановленіямъ Большого Московскаго Собора 1667 г. о непослушныхъ и противникахъ: „аще кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ (членовъ собора) и не покорится Св. Церкви и свящ. Собору, или начнетъ прекословить и противитися намъ, и мы такого противника данною намъ властію отлучаемъ и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ; а кто не вразумится и не возвратится, а пребудетъ въ упрямствѣ своемъ до скончанія своего, *да будетъ и по смерти отлученъ, и часть его и душа со Іудою предателемъ, и съ распеншими Христа жидами, и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, каменіе и древеса да разрушатся и той да будетъ не разрѣшенъ и не растлѣненъ, и яко тимпанъ во вѣки вѣковъ*—аминь,— каковое соборное изложеніе и Св. Синодъ утверждаетъ и, по содержанію онаго, властію и силою Св. Духа на вышереченныхъ противниковъ сіе изреченіе заключаетъ неотмѣнно“ [1]).

Замѣчательно то, что къ виновнымъ приложена весьма строгая форма отлученія, одинаковая съ отъявленными противниками и порицателями церковной власти—раскольниками и еретиками. Это отлученіе скоро произвело свое дѣйствіе на Пархомова и Колтовскую.

Послѣ многихъ препирательствъ, упорства и скитаній по разнымъ мѣстамъ, Пархомовъ, не достигнувъ своей цѣли, вынужденъ былъ униженно просить о снятіи съ него и Колтовской проклятія, долго надъ ними тяготѣвшаго. Просьба ихъ

[1]) Полное соб. пост., т. VI, стр 327—328, № дѣла 2222.

была удовлетворена; соединившись съ Церковью, они разстались и жили въ разныхъ мѣстахъ: Пархомовъ въ Соловецкомъ монастырѣ, а Колтовская—въ Глуховѣ [1]).

Еще болѣе интересенъ другой случай отлученія, имѣвшій всѣ признаки интердикта. Изъ раннѣйшаго времени намъ извѣстенъ, между прочимъ, прецедентъ интердикта изъ жизни преп. отца Сергія Радонежскаго въ XIV в. Объ этомъ случаѣ не во всѣхъ житіяхъ преп. отца упоминается. Въ Четьяхъ-Минеяхъ не упоминается; не упоминается и въ житіяхъ святыхъ С. Дестунисъ; упоминаютъ объ этомъ гражданскіе историки Россіи, между прочимъ С. Соловьевъ, на основаніи лѣтописныхъ источниковъ. Отлученіе это политическаго свойства, какъ уже ранѣе объ этомъ сказано, простиралось на всю мѣстность, т. е. на правыхъ и виноватыхъ [2]). Случай интердикта состоялъ въ томъ, что пр. Сергій, по просьбѣ в. к. Дмитрія Донского, для примиренія послѣдняго съ воинственнымъ и неукротимымъ Рязанскимъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ, приходилъ въ его область, гдѣ и наложилъ интердиктъ на всѣхъ жителей: въ силу этого запрещенія священники не должны были ни совершать богослуженія, ни отправлять требъ, даже самыхъ неотложныхъ. Такъ какъ виновникомъ сего объявленъ былъ князь, враждовавшій съ Москвою, то поднялось общее недовольство княземъ; побуждаемый необходимостью и увѣщаемый преп. Сергіемъ къ миру, Олегъ скоро примирился съ Дмитріемъ Московскимъ; интердиктъ продолжался не долго. Событіе это относится къ 1373 г.

Нѣчто подобное было въ царствованіе Императ. Елизаветы Петровны. По несомнѣннымъ документамъ дѣло представляется въ такомъ видѣ.

Въ 1742 г. въ Св. Синодъ поступила жалоба крестьянъ деревни Свистягино-Прусъ, Коломенскаго уѣзда, на Коломенскаго епископа Савву по случаю наложенія имъ запрещенія-интердикта на ихъ село по злобѣ изъ-за спора о землѣ. Въ силу этого запрещенія, священникъ не отправляетъ богослуженія и требъ по приходу, отчего-де имѣлись многія родительницы (?) безъ молитвъ, а мертвыя тѣла безъ погребенія и мертвыхъ тѣлъ, по осмотру воеводы съ посторонними людьми, въ той де-

---

[1]) Полн. собр. постановл. по вѣд. прав. исповѣд. въ царст. Имп. Елиз. Петровны т I, № 39, стр. 50—53;—Русск. Стар. 1887, 12 кн стр. 592—598.

[2]) См. IV Новг. лѣт. подъ 1330 год., гдѣ упоминается о томъ, какъ м. Ѳеогностъ послалъ отлученіе на князя Александра и на всѣхъ псковичей, которые не хотѣли выдать этого князя (П. Собр. р. лѣт., IV).

ревнѣ явилось въ амбарѣ и въ гробахъ мужеска пола и женска и младенцевъ 12-ть человѣкъ, которыхъ къ погребенію до приходской церкви въ село Прусово отвесть было за тяжкимъ лѣтнимъ воздухомъ никакъ не возможно и погребены при той же деревнѣ. Тотъ же преосвящ Савва, сверхъ означеннаго запрещенія, велѣлъ тоя деревни крестьянъ съ торговыхъ рынковъ, когда кто изъ нихъ тамъ бываетъ, забирать въ архіерейскій домъ подъ караулъ, и забрано девять человѣкъ да пять лошадей, и сидятъ тѣ люди подъ крѣпкимъ карауломъ и умираютъ съ голоду, о вышеизложенномъ крестьяне доносили въ московскую синодальную контору, прося защиты, но епископъ Савва, получа изъ конторы указъ, не исполнилъ по нему, что̀ требовалось, но точію злобствуя забираетъ съ пути крестьянъ и держитъ ихъ подъ арестомъ съ великимъ мученіемъ безъ дневного пропитанія, и для поданія имъ пищи и свиданія никому подойти невозможно и тѣмъ разоряетъ ихъ въ конецъ безъ остатку, отчего уже и домовъ своихъ лишились

По опредѣленію Св. Синода, въ удовлетвореніе жалобы крестьянъ, постановлено было: снять съ д. Свистягиной запрещеніе, если только крестьяне ея запрещены по дѣлу о спорной землѣ, а никакой явной закону Божію и вѣрѣ православной противности не имѣютъ, подъ опасеніемъ и угрозою лишенія архіерейскаго сана преосв Саввы, совершать всѣ требы по деревнѣ; похоронить умершихъ по правиламъ церковнымъ, потребовать отъ священника села Прусъ и епископа немедленно объясненія по жалобѣ крестьянъ Изъ дѣла, къ сожалѣнію, не видно, какое объясненіе дано еп Саввою въ оправданіе своего страннаго распоряженія и образа дѣйствій съ бѣдными крестьянами (въ дѣлѣ не достаетъ конца)... [1]).

Изъ представленнаго дѣла усматриваются какъ превышеніе власти духовнаго лица, такъ и неблагоразуміе его, отсутствіе безпристрастія и корыстные экономическіе разсчеты въ ущербъ интересамъ своей паствы, за которую онъ обязался положить душу свою. Вмѣсто пользы отлученіе въ этомъ случаѣ принесло одинъ непоправимый вредъ во многихъ отношеніяхъ

Къ разряду противниковъ церковной власти, подвергшихся отлученію по формѣ священнаго собора 1667 г., нужно присоединить и лекаря Дмитрія Тверитинова, судебный процессъ о которомъ тянулся съ 1713 г. по 1723 г. Еретичесво Д. Тверитинова состояло въ иконоборствѣ; иконоборство Тверитинова

[1]) Полн. собр. пост. по вѣд. прав. исп въ ц. имп Елиз Петр. т. I № 432, стр. 390—391.

составляло часть его общаго еретическаго направленія, развившагося подъ вліяніемъ проникшаго тогда въ Россію лютеранства и кальвинизма. Отрицая преданіе, какъ ненадежный и лишній источникъ церковнаго познанія въ дѣлѣ вѣры и жизни, Д. Тверитиновъ отрицалъ и открыто отвергалъ ученіе православной Церкви о почитаніи святыхъ и призываніе ихъ въ молитвахъ, о поминовеніи умершихъ, о пресуществленіи Святыхъ Даровъ, о соблюденіи постовъ, о почитаніи св. иконъ и церковной обрядности. Такого еретическаго образа мыслей держались и другія нѣкоторыя лица, составлявшія съ Тверитиновымъ довольно сплоченное общество. Всѣ они подверглись отлученію и анаѳемѣ по формѣ отлученія собора 1667 г.; но, раскаявшись, были освобождены отъ анаѳемы; раскаяніе приняли не всѣ и не въ одинаковой мѣрѣ: одинъ изъ нихъ былъ сожженъ за упорство (Ѳома Ивановъ); другой (Михаилъ Косой) не обнаружилъ полнаго и искренняго раскаянія, будучи въ ссылкѣ въ г. Тобольскѣ (въ 1728 г.), посему отъ клятвы не былъ разрѣшенъ [1]).

Очень интересно донесеніе Тобольскаго протоіерея о томъ, какъ лицемѣрно, неохотно и уклончиво читалъ клятвенное обѣщаніе Михаилъ Косой; это, кажется, единственный случай открытаго обмана со стороны несомнѣннаго еретика. Вотъ извлеченіе изъ оффиціальнаго документа (Опис. т. X, 85—90)

Приглашенный въ соборный храмъ въ присутствіи духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для произнесенія отреченія отъ ереси и раскаянія, М. Косой уклончиво и неохотно отвѣтилъ на вопросы и требованія церковной власти, предлагающіеся въ подобныхъ случаяхъ. Такъ, Косой, отказываясь проклинать ереси Тверитинова и другихъ, ссылался на то, что ему не дано власти кого-либо проклинать; по словамъ донесенія, Косой „истиннаго къ Церкви покоренія не показалъ, но яко бы весьма на очи слабы исповѣданія вѣры самъ не читая, но точію за изреченіемъ чтущаго, равно какъ нехотя говорилъ на противниковъ: анаѳема, а отъ подписи подъ исповѣданіе, не смотря на увѣщанія и понужденія, отказался, изъ чего и прежнее его пришествіе на исповѣдь, по нынѣшнему его прекословію, было притворно, а не истинно; къ тому же нѣкая вопрошенія отъ насъ, подобно другимъ еретикамъ, овчую кожу на себѣ подъ образомъ благочестія носящимъ, чинилъ отвѣтствія ни мало

[1]) Полн. собр пост. по вѣд. прав. исп. т. VII изд. 1890 г, стр. 47—50,—№ дѣла 2309. Опис. докум. и дѣл архив. Св. Синода, изд 1901 г., т. X. № дѣла 33—205, стр. 85—90

вопросамъ приличная, токмо чтобы чимъ свою внутрь крыющуюся волчью ярость и ядъ еретичества прикрыть, которое его передъ нами и народнымъ собраніемъ обоего пола не токмо не смиренное и неблагопослушное повиновеніе Церкви, но въ нѣкіихъ реченіихъ и словопреніе видя, безъ позволенія Св. Синода, до дальшаго часу ожидая исправленіе его, отъ клятвы не разрѣшили; а отлученіе отъ церкви ему, Косому, не тяжестное, понеже и такъ мало когда прохаживалъ до церкви и то лицемѣрно, только являлъ себя, якобы онъ въ числѣ вѣрныхъ есть, дабы не гнушались имъ здѣшніе обыватели; но и тое прихожденіе его многимъ на соблазнъ точію, было, понеже вшедши въ церковь не токмо никогда поклоненія, но и на слова Христовы (изъ Евангелія) не чинилъ и крестомъ не знаменался, но стоялъ просто, какъ дерево бездушное".

Основываясь на этомъ, мѣстное начальство, во избѣжаніе соблазна, просило удалить Косого въ г. Березовъ, гдѣ населеніе, не знающее русскаго языка, не могло бы получить отъ присутствія Косого никакого вреда. По распоряженію начальства, Косой былъ заключенъ въ Иркутскую тюрьму съ предупрежденіемъ подвергнуться смертной казни, если скажетъ какую либо противность.

X.

Изъ исторіи XVIII-го вѣка нами представлено достаточно примѣровъ для указанія на то, по какимъ поводамъ и причинамъ церковная власть предавала отлученію и анаѳемѣ; отлученію и анаѳемѣ подвергались раскольники и еретики за свои заблужденія, упорство и нераскаянность; были отлученія и за безнравственные проступки и политическія преступленія, какъ напр. Глѣбовъ и Иванъ Мазепа, гетманъ Малороссіи (1709 г.), измѣнившій нашему отечеству въ эпоху тяжелыхъ критическихъ событій.—XIX в. отличался развитіемъ у насъ сектантства, т. е. отчужденія отъ Церкви и своеобразнаго пониманія внѣшней обрядовой стороны вѣры, доходящаго до еретичества и даже до отрицанія христіанства. Крайнимъ и вѣрнымъ отраженіемъ и выраженіемъ нашего русскаго еретическаго направленія является лжеученіе гр. Л. Толстого въ его послѣднихъ сочиненіяхъ заграничнаго изданія.

Графъ Л. Толстой представляетъ собою своеобразный типъ писателя: съ одной стороны онъ писатель свѣтскій, талантливый и оригинальный, пріобрѣтшій извѣстность между соотечественниками и заграничными читателями за свои бытовые очерки,

разсказы и художественныя произведенія въ области романическаго творчества, но тотъ же Толстой сталъ извѣстенъ въ качествѣ церковно-религіознаго мыслителя, въ котораго онъ превратился со второго періода своей вообще литературной дѣятельности (съ 1880 г. по настоящее время), продолжающейся около 50-ти лѣтъ (1850—1900 г.г). Насколько сочиненія Толстого перваго періода и свѣтскаго содержанія отличаются большими достоинствами, настолько послѣднія его труды религіозно-нравственнаго содержанія страдаютъ односторонностью, заблужденіями и увлеченіемъ непризваннаго учителя. Но и эти послѣднія производятъ на многихъ большое вліяніе; это отчасти потому, что на нихъ переносятся достоинства художественныхъ произведеній гр. Толстого. Происходитъ это незамѣтно и какъ бы неизбѣжно. Съ другой стороны, увлеченіе Толстымъ объясняется легковѣріемъ нашего свѣтскаго общества, его невѣжествомъ въ области религіознаго и философскаго познанія, особенно богословскаго, нежеланіемъ и неподготовкою провѣрить мысли и взгляды гр. Толстого по всѣмъ правиламъ и пріемамъ строгой и научной критики. Сочиненія Толстого уже достаточно критически оцѣнены со стороны нашихъ богослововъ; но это мало кому извѣстно, не исключая самого автора, не отвѣчающаго на критику своихъ сочиненій то по гордости, то просто по неосвѣдомленности о своихъ противникахъ. Пока разсужденія гр. Толстого вращались въ области частныхъ вопросовъ и отдѣльныхъ пунктовъ христіанской вѣры, наша высшая церковная власть не прибѣгала къ крайнимъ мѣрамъ по вразумленію гр. Толстого, разсчитывая на его благоразуміе и сдержанность, свойственныя возмужалости, старости и скромности; но раскаянія не замѣчалось. Напротивъ: чѣмъ болѣе предоставляли гр. Толстому свободы высказываться на вопросы высшаго духовнаго свойства, тѣмъ болѣе онъ проявлялъ свою смѣлость, поспѣшность и рѣзкость въ ихъ рѣшеніи,—въ рѣшеніи отрицательномъ, лицемѣрно прикрывавшемся искреннимъ и глубокимъ якобы христіанствомъ Отвергнувъ догматическую сторону христіанской религіи, Толстой утвердился на нравственно-практической, въ сферѣ которой и вращался, защищая ее, восхваляя и исповѣдуя исключительно ее одну, чѣмъ особенно и привлекалъ и увлекалъ множество послѣдователей, не замѣчавшихъ въ немъ ни еретичества, ни двоедушія, ни тѣмъ болѣе полнаго безбожія и самомнѣнія. Чтобы ослабить вредное вліяніе ученія гр. Толстого и представить самого автора въ надлежащемъ свѣтѣ, Русская Церковь, въ лицѣ Св. Синода, считала своимъ

долгомъ и правомъ поступить такъ, какъ того заслуживалъ заблудившійся съ истиннаго пути гр. Толстой. Онъ тоже не только не оцѣнилъ снисходительности къ себѣ со стороны церковной власти, но даже своими рѣзкими сужденіями о церковномъ строѣ вызывалъ ее на судъ и борьбу съ собою. На этотъ вызовъ она и отвѣтила рѣшительно и открыто.

Въ лицѣ своихъ пастырей, архипастырей и ученыхъ, русская церковная власть зорко слѣдила за еретическимъ направленіемъ и заблужденіями гр Л Толстого въ сферѣ религіозно-церковной, содержавшимися въ его сочиненіяхъ, то подъ видомъ невинныхъ разсказовъ, иносказаній, то въ ясно выраженной формѣ Помимо печатнаго обличенія и вразумленія гр. Толстого въ его несправедливыхъ нападкахъ на духовенство, Церковь и догматическую сторону христіанства, церковная власть, въ силу своего долга и права, употребляла мѣры для непосредственнаго устнаго собесѣдованія и увѣщанія гр Толстого чрезъ ближайшихъ къ нему по мѣсту жительства опытныхъ духовныхъ лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Увѣщанія эти были настолько основательны, насколько и кротки и доброжелательны. Въ 1897 г, церковная власть признала ученіе гр. Толстого за особую секту. Отличительное свойство ученія гр. Л. Толстого состоитъ въ томъ, что оно затрогиваетъ и стремится разрѣшить не религіозныя только вѣрованія, но и соціально-политическіе вопросы жизни народа, но на почвѣ религіозной. Со всею ясностью и своевременностью сталъ предъ лицомъ церковной власти вопросъ о заблужденіяхъ гр. Толстого и объ отношеніи его къ Церкви во время тяжкой ,болѣзни его въ 1899 г. Тогда пастыри Церкви, миссіонеры и нѣкоторые свѣтскіе люди, знакомые съ еретическими мыслями гр. Толстого, спрашивали своихъ епископовъ и Свят Синодъ о томъ, какъ поступить въ случаѣ смерти Толстого относительно служенія панихидъ и поминальныхъ службъ. По сему поводу было первое сужденіе въ Св. Синодѣ объ еретичествѣ гр Л. Толстого и было признано, что онъ отпалъ отъ общенія съ Церковью и, какъ таковой, по церковнымъ правиламъ, по существу погребальныхъ обрядовъ, заключающихъ въ себѣ торжественное свидѣтельство со стороны Церкви о вѣрности и неуклонности содержанія усопшимъ истинной вѣры, не можетъ быть, въ случаѣ смерти, погребенъ по православному чинопослѣдованію, если своевременно не возвратится въ общеніе съ Церковью чрезъ таинство исповѣди и св. евхаристіи. Въ такомъ смыслѣ и преподаны были Св. Синодомъ указанія всѣмъ епископамъ особымъ циркуляромъ; въ

немъ были кратко изложены главнѣйшіе пункты еретичества гр. Толстого и дано указаніе, какъ поступить должно относительно служенія панихидъ въ случаѣ смерти Толстого.

Гр. Толстой выздоровѣлъ, но ни Божіе посѣщеніе, ни увѣщанія нисколько не поколебали еретическаго его упорства. Тогда церковная власть вынуждена была всенародно объявить объ отпаденіи гр. Толстого отъ Церкви.

22-го февраля 1901 г отъ Св. Синода (въ числѣ 7 членовъ) издано было во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее посланіе объ отлученіи гр. Толстого отъ Церкви.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

Святѣйшій Всероссійскій Синодъ вѣрнымъ чадамъ Православныя Каѳолическія, Грекороссійскія Церкви, о Господѣ радоватися.

„Молимъ вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, ему же вы научистеся, и уклонитеся отъ нихъ (Римл 16, 17). Изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихся на вѣрѣ во Христа, Сына Бога Живаго. Но всѣ силы ада, по обѣтованію Господню, не могли одолѣть Церкви святой, которая пребудетъ неодолѣнною во вѣки. И въ наши дни, Божіимъ попущеніемъ, явился новый лжеучитель, графъ Левъ Толстой. Извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры Православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого Отечества нашего, онъ проповѣдуетъ, съ ревностью фанатика, ниспроверженіе всѣхъ догматовъ Православной Церкви и самой

сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго живаго Бога, во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаетъ Господа Іисуса Христа—Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаетъ безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство—до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи, не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія, отвергаетъ всѣ дѣйствія Церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ Таинствъ, святую Евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой непрерывно, словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ не прикрыто, но явно предъ всѣми сознательно и намѣренно отторгъ себя самъ отъ всякаго общенія съ Церковію Православною. Бывшія же къ его вразумленію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею. Нынѣ о семъ свидѣтельствуемъ предъ всею Церковію къ утвержденію правостоящихъ и къ вразумленію заблуждающихся, особливо же къ новому вразумленію самаго графа Толстого. Многіе изъ ближнихъ его, хранящихъ вѣру, со скорбію помышляютъ о томъ, что онъ, на концѣ дней своихъ остается безъ вѣры въ Бога и Господа Спасителя нашего и отъ всякаго общенія въ ней. Посему, свидѣтельствуя объ отпаденіи его отъ Церкви, вмѣстѣ и молимся, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумѣ истины (2 Тим. 2, 25). Молимся, милосердный Господи, не хотяй смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его ко Святой Твоей Церкви".

На это опредѣленіе Св. Синода первою отозвалась жена гр. Толстого, а потомъ и самъ Толстой. Такъ какъ оба письма имѣютъ общецерковное значеніе въ смыслѣ протеста и показателя свѣтскаго интеллигентнаго настроенія, то мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ здѣсь въ полномъ видѣ,—тѣмъ болѣе, что Толстой выступилъ въ своемъ возраженіи въ настоящемъ свѣтѣ, въ качествѣ явнаго еретика, доселѣ болѣе или менѣе скрывавшагося подъ общими отвлеченными фразами и личиною глубокаго христіанина.

Письмо гр. С. А. Толстой на имя первенствующаго члена Св Синода.

Ваше Высокопреосвященство.

Прочитавъ въ газетахъ жестокое распоряженіе Синода объ отлученіи отъ Церкви мужа моего, графа Л. Толстого, я не могла остаться вполнѣ равнодушной. Горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ. И не съ точки зрѣнія того, что отъ этой бумаги погибнетъ духовно мой мужъ: это не дѣло людей, а дѣло Божіе. Жизнь души человѣческой, съ религіозной точки зрѣнія, никому (?), кромѣ Бога, невѣдома и, къ счастью, не подвластна. Но съ точки зрѣнія той Церкви, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступлю,—Церкви, которая создана Христомъ для благословенія именемъ Божіимъ всѣхъ знаменательныхъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ,—Церкви, которая громко должна провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ,—съ этой точки зрѣнія для меня непостижимо распоряженіе Синода. Оно вызоветъ не сочувствіе, а негодованіе въ людяхъ и большую любовь и сочувствіе къ гр. Толстому. Уже мы получаемъ такія изъявленія и имъ не будетъ конца отъ всего (?) міра.

Не могу не упомянуть еще о горѣ, испытанномъ мною отъ той безсмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретномъ распоряженіи Синода священникамъ—не отпѣвать въ Церкви гр. Толстого, въ случаѣ его смерти. Кого же хотятъ наказывать: умершаго, не чувствующаго уже ничего, человѣка, или окружающихъ его, вѣрующихъ и близкихъ ему людей? Если это угроза, то кому и чему? Неужели для того, чтобы отпѣть моего мужа и молиться за него въ Церкви, я не найду или такого порядочнаго священника, который не побоится людей предъ настоящимъ Богомъ любви, или не порядочнаго, котораго я подкуплю большими деньгами для этой цѣли? Но мнѣ этого не нужно. Для меня Церковь есть понятіе отвлеченное и служителями ея я признаю только тѣхъ, кто истинно понимаетъ значеніе ея. Если же признать Церковью людей, дерзающихъ своей злобой (?) нарушить высшій законъ—любовь Христа, то давно бы всѣ мы, истинно вѣрующіе и посѣщающіе Церковь, ушли бы отъ нея. И виновны въ грѣшныхъ отступленіяхъ отъ Церкви не заблудившіеся люди, а тѣ, которые гордо признали себя во главѣ ея, и, вмѣсто любви, смиренія и всепрощенія, стали духовными палачами тѣхъ, кого вѣрнѣе проститъ Богъ

за ихъ смиренную, полную отреченія отъ земныхъ благъ, любви и помощи людямъ, жизнь, хотя и внѣ Церкви, чѣмъ носящихъ бриллiантовыя митры и звѣзды, но карающихъ и отлучающихъ отъ Церкви—пастырей ея.

Опровергнуть мои слова лицемѣрными доводами—легко; но глубокое пониманіе истины и настоящихъ намѣреній людей—никого не обманетъ

На письмо гр. Толстой послѣдовалъ нижеслѣдующій отвѣтъ со стороны первенствующаго члена Св. Синода:

„Не то жестоко, что сдѣлалъ Синодъ, объявивъ объ отпаденіи гр. Толстого, а жестоко то, что самъ онъ съ собою сдѣлалъ, отрекшись отъ вѣры въ Іисуса Христа, Сына Бога Живаго, Искупителя и Спасителя нашего. На это то отреченіе и слѣдовало излиться вашему горестному негодованію. И не отъ клочка, конечно, печатной бумаги гибнетъ вашъ мужъ, а оттого, что отвратился отъ Источника жизни вѣчной. Для христіанина немыслима жизнь безъ Христа, по словамъ Котораго „вѣрующій“ въ Него имѣетъ жизнь вѣчную и переходитъ отъ смерти въ жизнь, а не вѣрующій не увидитъ „жизни“, но гнѣвъ Божій пребываетъ въ немъ (Іоан. III, 15—16, 36; V, 24), и потому объ отрекающемся отъ Христа одно только и можно сказать, что онъ перешелъ отъ жизни въ смерть. Въ этомъ и состоитъ гибель вашего мужа, но въ этой гибели повиненъ только самъ одинъ, а не кто-либо другой.

Изъ вѣрующихъ во Христа состоитъ Церковь, къ которой вы считаете себя принадлежащей, и для вѣрующихъ, для членовъ своихъ Церковь эта благословляетъ именемъ Божіимъ всѣ значительнѣйшіе моменты человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ, но никогда не дѣлаетъ она этого и не можетъ дѣлать для невѣрующихъ, для язычниковъ, для хулящихъ Имя Божіе, для отрекшихся отъ нея и не желающихъ получать отъ нея ни молитвъ, ни благословеній, и вообще для всѣхъ, которые не суть члены ея. И потому, съ точки зрѣнія этой Церкви распоряженіе Синода вполнѣ постижимо, понятно и ясно, какъ Божій день. И законъ любви и всепрощенія этимъ ничуть не нарушается. Любовь Божія безконечна, но и она прощаетъ не всѣхъ и не за все. Хула на Духа Святаго не прощается ни въ сей, ни въ будущей жизни. Господь всегда ищетъ человѣка Своею любовію, но человѣкъ иногда не хочетъ идти навстрѣчу этой любви и бѣжитъ отъ

лица Божія, а потому и погибаетъ. Христосъ молился на крестѣ за враговъ Своихъ, но и Онъ въ своей первосвященнической молитвѣ изрекъ горькое для любви Его слово, что погибъ сынъ погибельный О вашемъ мужѣ, пока онъ живъ, нельзя еще сказать, что онъ погибъ, но совершенная правда сказана о немъ, что онъ отъ Церкви отпалъ и не состоитъ ея членомъ, пока не покается и не возсоединится съ нею.

Въ своемъ посланіи, говоря объ этомъ, Св. Синодъ засвидѣтельствовалъ лишь существующій фактъ, и потому негодовать на него могутъ только тѣ, которые не разумѣютъ, что творятъ. Вы получаете выраженіе сочувствія отъ всего міра Не удивляюсь сему, но думаю, что утѣшаться вамъ тутъ нечѣмъ. Есть слава человѣческая и есть слава Божія. Слава человѣческая, какъ цвѣтъ на травѣ: засохла трава и цвѣтъ ея отпалъ, но слово Господне пребываетъ во вѣкъ.

Когда въ прошломъ году стало извѣстно о болѣзни гр. Толстого, то для священнослужителей во всей силѣ всталъ вопросъ: слѣдуетъ ли его, отпавшаго отъ вѣры и Церкви, удостоивать христіанскаго погребенія и молитвъ? На послѣдовавшія обращенія къ Синоду данъ одинъ отвѣтъ: не слѣдуетъ, если умретъ, не возстановивъ своего общенія съ Церковію. Никому тутъ никакой угрозы нѣтъ и иного отвѣта быть не могло. И я не думаю, чтобы нашелся какой-нибудь, даже не порядочный священникъ, который бы рѣшился совершить надъ отступникомъ христіанское погребеніе, а если бы и совершилъ, то такое погребеніе надъ невѣрующимъ было бы преступной профанаціей священнаго обряда. Да и зачѣмъ творить насиліе надъ тѣмъ, кто самъ не желаетъ совершенія надъ нимъ христіанскаго погребенія.

Разъ вы живой человѣкъ, хотите считать себя членомъ Церкви, и она дѣйствительно есть союзъ живыхъ разумныхъ существъ во имя живого Бога, то ужъ падаетъ само собою ваше заявленіе, что Церковь для васъ есть понятіе отвлеченное. И напрасно вы упрекаете служителей Церкви въ злобѣ и нарушеніи высшаго закона любви, Христомъ заповѣданной. Въ синодальномъ актѣ нарушенія этого закона нѣтъ. Напротивъ: это есть актъ любви, актъ призыва мужа вашего къ возврату въ Церковь и вѣрующихъ—къ молитвѣ о немъ.

Пастырей Церкви поставляетъ Господь, а не сами они гордо, какъ вы говорите, признаютъ себя во главѣ ея. Носятъ они брилліантовыя митры и звѣзды, но это въ ихъ служеніи совсѣмъ несущественное. Оставались они пастырями, одѣваясь

и въ рубище, гонимые и преслѣдуемые, останутся таковыми и всегда, хотя бы и въ рубище пришлось имъ опять одѣться, какъ бы ихъ ни хулили, и какими бы презрительными словами ни называли [1]).

Вмѣсто того, чтобы одуматься, выяснить свое положеніе и смириться, по примѣру нѣкоторыхъ древнихъ заблуждавшихся, гр. Л. Толстой поторопился вызывающе отвѣтить и возразить противъ рѣшенія Свят. Синода Приводимъ сполна его отвѣтъ.

„Я не хотѣлъ сначала отвѣчать на постановленіе обо мнѣ Синода, но постановленіе это вызвало очень много писемъ, въ которыхъ неизвѣстные мнѣ корреспонденты—одни бранятъ меня за то, что я отвергаю то, что я не отвергаю,—другіе увѣщеваютъ меня повѣрить въ то, во что я не переставалъ вѣрить, и третьи выражаютъ со мною единомысліе, которое въ дѣйствительности едва ли существуетъ, и сочувствіе, на которое я едва ли имѣю право; и я рѣшилъ отвѣтить и на самое постановленіе, указавъ на то, что въ немъ несправедливо, и на обращеніе ко мнѣ моихъ неизвѣстныхъ корреспондентовъ.

Постановленіе Синода вообще имѣетъ много недостатковъ. Оно незаконно, или умышленно-двусмысленно; оно произвольно, неосновательно, несправедливо и кромѣ того содержитъ въ себѣ клевету и подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ.

Оно не законно потому, что если оно хочетъ (?) быть отлученіемъ отъ Церкви, то оно не удовлетворяетъ тѣмъ церковнымъ правиламъ, по которымъ можетъ произноситься такое отлученіе; если же это заявленіе о томъ, кто не вѣритъ въ Церковь и ея догматы, не принадлежитъ къ ней, то это само собою разумѣется, и такое заявленіе не можетъ имѣть никакой цѣли, какъ только ту, чтобы, не будучи въ сущности отлученіемъ, оно бы казалось таковымъ, что собственно случилось, потому что оно такъ и было понято. Оно произвольно, потому что обвиняетъ одного меня въ невѣріи во всѣ пункты, выписан-

---

[1]) Въ дополненіе къ отвѣту митр. Антонія нужно еще имѣть въ виду, между прочимъ, два замѣчательныхъ письма свѣтскихъ лицъ—«православнаго» и «доктора Ѳ. Н.», основательно, энергично и убѣжденно протестовавшихъ противъ заблужденій гр. Толстого и пагубнаго вліянія его на русское общество по поводу письма жены графа. Письма эти напечатаны въ «Миссіон. Обозр.» 1902 г., въ маѣ и августѣ. Эти же письма и все существенное, относящееся къ дѣлу объ отлученіи гр. Толстого, вошли въ особо изданный сборникъ подъ названіемъ: «По поводу отпаденія отъ Православной Церкви гр Л. Толстого». Спб., 1904 г., стр. 1—509. Въ прошломъ году вышло уже второе изданіе. Цѣна 1 р. 50 к.

ные въ постановленіи, тогда какъ не только многіе, но почти всѣ (?) образованные люди раздѣляютъ такое невѣріе и безпрестанно выражали и выражаютъ его и въ разговорахъ, и въ чтеніи, и въ брошюрахъ, и въ книгахъ. Оно неосновательно потому, что главнымъ поводомъ своего появленія выставляетъ большое распространеніе моего совращающаго людей лжеученія, тогда какъ мнѣ хорошо извѣстно, что людей, раздѣляющихъ мои взгляды, едва ли есть сотня (?) и распространеніе моихъ писаній о религіи, благодаря цензурѣ, такъ ничтожно, что большинство людей, прочитавшихъ постановленіе Синода, не имѣютъ ни малѣйшаго (?) понятія о томъ, что мною писано о религіи, какъ это видно изъ полученныхъ мною писемъ.

Оно содержитъ въ себѣ явную неправду, такъ какъ въ немъ сказано, что со стороны Церкви были сдѣланы относительно меня не увѣнчавшіяся успѣхомъ попытки вразумленія. Ничего подобнаго никогда не было.

Оно представляетъ изъ себя то, что на юридическомъ языкѣ называется клеветой, такъ какъ въ немъ заключаются завѣдомо несправедливыя, клонящіяся къ моему вреду утвержденія.

Оно есть, наконецъ, подстрекательство (!) къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ, такъ какъ вызвало, какъ и должно было ожидать, въ людяхъ непросвѣщенныхъ и не разсуждающихъ озлобленіе и ненависть ко мнѣ, доходящія до угрозъ убійства и высказываемыя въ получаемыхъ мною письмахъ. „Теперь ты преданъ анаѳемѣ и пойдешь по смерти въ вѣчное мученіе и издохнешь какъ собака.. анаѳема ты старый чортъ.. будь проклятъ“... пишетъ одинъ. Другой дѣлаетъ угрозы правительству за то, что я не заключенъ еще въ монастырь, и наполняетъ письмо ругательствами... Признаки такого же озлобленія я теперь замѣчаю и при встрѣчахъ съ нѣкоторыми людьми. Въ самый день 25-го февраля, когда было опубликовано постановленіе, я, проходя по площади, слышалъ слова: „вотъ дьяволъ въ образѣ человѣка“, и если бы толпа была иначе составлена, очень можетъ быть, что меня бы избили... Такъ что постановленіе Синода очень нехорошо. Тоже, что люди, подписавшіе его, такъ увѣрены въ своей правотѣ, что молятся о томъ, чтобы Богъ сдѣлалъ меня для моего блага такимъ же, каковы они, не дѣлаетъ его лучше.

Это такъ вообще, въ частности же постановленіе это несправедливо въ слѣдующемъ: въ немъ сказано: извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію, графъ Л. Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего,

дерзко возсталъ на Господа и Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви православной.

То, что я отрекся отъ Церкви, называющей себя православной, это совершенно вѣрно. Но отрекся я отъ нея не потому, что я возсталъ на Господа, а, напротивъ, только потому, что всѣми силами души желалъ служить Ему. Прежде чѣмъ отречься отъ Церкви и единенія съ народомъ, которое было для меня невыразимо дорого, я, по нѣкоторымъ признакамъ усумнившись въ правотѣ Церкви, посвятилъ нѣсколько лѣтъ на то, чтобы изслѣдовать теоретически и практически ученіе Церкви; я перечиталъ все, что могъ, объ ученіи Церкви, изучилъ и критически разобралъ догматическое богословіе; практически же строго слѣдовалъ, въ продолженіи болѣе года, всѣмъ предписаніямъ Церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы. И я убѣдился, что ученіе Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь; практически же—собраніе самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства, скрывающаго совершенно (?) весь (?) смыслъ христіанскаго ученія.

Стоитъ только почитать требникъ, прослѣдить за тѣми обрядами, которые не переставая совершаются духовенствомъ и считаются христіанскимъ богослуженіемъ, чтобы увидѣть, что всѣ эти обряды ничто иное, какъ различные пріемы колдовства, приспособленные ко всѣмъ возможнымъ случаямъ жизни...

Я, дѣйствительно, отрекся отъ Церкви, пересталъ исполнять ея обряды и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣе, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній (?) и молитвъ, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мѣшала живымъ.

Тоже, что сказано, что я посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный мнѣ отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви и т. д. и что я „въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣеваемыхъ мною, такъ же какъ учениками моими по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, проповѣдую съ ревностью фанатика ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной Церкви и самой сущности христіанской вѣры“ . . . . , то это несправедливо. Я никогда не заботился о распространеніи своего ученія Правда, я самъ для себя выразилъ въ сочиненіяхъ свое пониманіе ученія Христа и не скры-

валъ эти сочиненія отъ людей желавшихъ съ ними познакомиться, но никогда самъ не печаталъ ихъ, говорилъ же людямъ о томъ, какъ я понимаю ученіе Христа только тогда, когда объ этомъ меня спрашивали. Такимъ людямъ я говорилъ то, что думаю, и давалъ, если у меня были книги.

Потомъ сказано, что я „отвергаю Бога во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаю Господа Іисуса Христа, Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаю безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы“. То, что я отвергаю непонятную Троицу и басню о паденіи перваго человѣка, исторію о Богѣ, родившемся отъ Дѣвы, искупляющемъ родъ человѣческій, то это совершенно справедливо. Бога же Духа, Богалюбовь, единаго Бога—начало всего не только не отвергаю, но и ничего не признаю дѣйствительно существующимъ, кромѣ Бога, и весь смыслъ жизни вижу только въ исполненіи воли Бога, выраженной въ христіанскомъ ученіи.

Еще сказано: „не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія“. Если разумѣть жизнь загробную въ смыслѣ второго пришествія, ада съ вѣчными мученіями, дьяволами и рая—постояннаго блаженства,—совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни, но жизнь вѣчную и возмездіе здѣсь и вездѣ, теперь и всегда—признаю до такой степени, что, стоя, по своимъ годамъ, на краю гроба, долженъ дѣлать усплія, чтобы не желать плотской смерти, т. е. рожденія къ новой жизни, и вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ благо моей вѣчной жизни, а всякій злой поступокъ—уменьшаетъ его.

Сказано также. что я отвергаю всѣ таинства. Это совершенно вѣрно. Всѣ таинства я считаю низменнымъ, грубымъ, несоотвѣтствующимъ понятію о Богѣ и христіанскому ученію колдовствомъ и, кромѣ того, нарушеніемъ самыхъ прямыхъ указаній Евангелія.

Въ крещеніи младенцевъ вижу явное извращеніе всего того смысла, который могло имѣть оно для взрослыхъ, сознательно принимающихъ христіанство; въ совершеніи таинства брака надъ людьми, завѣдомо соединяющимися прежде и въ допущеніи разводовъ, а въ освященіи браковъ разведенныхъ, вижу прямое нарушеніе и смысла и буквы евангельскаго ученія. Въ періодическомъ прощеніи грѣховъ на исповѣди вижу вредный обманъ,

только поощряющій безнравственность и уничтожающій опасеніе передъ согрѣшеніемъ. Въ елеосвященіи такъ же какъ и въ миропомазаніи, вижу вредный обманъ колдовства, какъ и въ почитаніи иконъ и мощей и какъ во всѣхъ тѣхъ обрядахъ, молитвахъ, заклинаніяхъ, которыми наполненъ требникъ. Въ причащеніи вижу обоготвореніе плоти и извращеніе христіанскаго ученія; въ священствѣ, кромѣ явнаго приготовленія къ обману, вижу прямое нарушеніе словъ Христа, прямо запрещающаго кого бы то ни было называть учителями, отцами и наставниками (Мѳ XXIII, 8—10).

Сказано, наконецъ, какъ послѣдняя и высшая степень моей виновности, что *я*, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры, не содрогнулся подвергнуть глумленію священнѣйшее изъ таинствъ—„евхаристію“ . . . То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что священникъ дѣлаетъ для приготовленія этого такъ называемаго таинства, то это совершенно справедливо. Но что это такъ называемое таинство есть нѣчто священное, и что описать его просто, какъ оно дѣлается, есть кощунство,—это совершенно несправедливо [1]).

Какъ бы кто ни понималъ личность Христа, то ученіе Его, которое уничтожаетъ зло міра, такъ просто, легко, несомнѣнно даетъ благо людямъ, если только они не будутъ извращать его.

Это ученіе все скрыто (?), все (?) передѣлано въ грубое колдовство (. .) купанья, мазанья масломъ, тѣлодвиженій, заклинаній, такъ что отъ ученія ничего (?) не осталось И если когда какой человѣкъ попытается напомнить людямъ, что не въ этихъ волхвованіяхъ, не въ молебствіяхъ, обѣдняхъ, свѣчахъ, иконахъ, ученіе Христа, а въ томъ, чтобы люди любили другъ друга, не платили зломъ за зло, не судили, не убивали другъ друга, то поднимается негодованіе тѣхъ, которымъ выгоденъ этотъ обманъ, и люди эти во всеуслышаніе съ непостижимой дерзостью говорятъ въ церквахъ, печатаютъ въ книгахъ, газетахъ, китихизисахъ, что Христосъ никогда не запрещалъ убійство (казни, войны), что ученіе о непротивленіи злу съ сатанинской хитростью выдумано врагами Христа. Ужасно главное то, что люди, которымъ это выгодно, обманываютъ не только взрослыхъ, но, имѣя на то власть, и дѣтей, тѣхъ самыхъ дѣтей,

---

[1]) По чувству глубокаго благоговѣнія къ таинству св. евхаристіи опускаемъ небрежное описаніе гр. Толстымъ проскомидіи, доходящее до грубой утрировки и глумленія... Въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ отвѣта, совсѣмъ не узнать гр. Толстого, какъ писателя художественнаго и объективнаго.

про которыхъ Христосъ говорилъ, что горе тому, кто ихъ обманетъ. Ужасно то, что люди эти для своихъ маленькихъ выгодъ дѣлаютъ такое ужасное зло, скрывая отъ людей истину, открытую Христомъ и дающую благо, которое не уравновѣшивается и въ тысячной долѣ получаемой ими отъ того выгодой. Они поступаютъ, какъ тотъ разбойникъ, который убиваетъ цѣлую семью 5—6 человѣкъ, чтобы унести старую поддевку и 40 коп. денегъ. Ему охотно отдали бы всю одежду и всѣ деньги, только бы онъ не убивалъ ихъ. Но онъ не можетъ поступить иначе. Тоже и съ религіозными обманщиками. Можно бы въ 10 разъ лучше, въ величайшей роскоши содержать ихъ, только бы они не губили людей своимъ обманомъ. Но они не могутъ поступать иначе. Вотъ это то и ужасно. И потому обличать ихъ обманъ не только можно, но должно. Если есть что священное, то никакъ уже не то, что они называютъ таинствомъ, а именно эта обязанность обличать ихъ религіозный обманъ, когда видишь его. Если чувашинъ мажетъ своего идола сметаной или сѣчетъ его, я могу не оскорблять его вѣрованія и равнодушно пройти мимо, потому что онъ дѣлаетъ это во имя чуждаго мнѣ своего суевѣрія и не касается того, что для меня священно; но когда люди своимъ дикимъ суевѣріемъ, какъ бы много ихъ ни было, какъ бы старо ни было ихъ суевѣріе, и какъ бы могущественны они ни были, во имя Того Бога, Которымъ я живу, и того ученія Христа, которое дало жизнь мнѣ и можетъ дать ее всѣмъ людямъ, проповѣдуютъ грубое колдовство,—я не могу этого видѣть спокойно. И если я называю по имени то, что они дѣлаютъ, то я дѣлаю только то, что долженъ, чего не могу не дѣлать, если я вѣрую въ Бога и христіанское ученіе. Если же они обличеніе ихъ обмана называютъ кощунствомъ, то это только доказываетъ силу ихъ обмана и должно только увеличивать усилія людей, вѣрующихъ въ Бога и въ ученіе Христа, для того, чтобы уничтожить этотъ обманъ, скрывающій отъ людей истиннаго Бога. Про Христа, выгнавшаго изъ храма быковъ, овецъ и продавцовъ, должны были говорить, что онъ кощунствуетъ. Если бы Онъ пришелъ теперь, и увидалъ, что дѣлается Его Именемъ въ Церкви, то еще съ большимъ и законнымъ гнѣвомъ, навѣрно, выкинулъ бы всѣ эти ужасные антиминсы, и копья, и чаши, и свѣчи, и иконы, и все то, посредствомъ чего они, колдуя скрываютъ отъ людей Бога и Его ученіе.

Такъ вотъ что справедливо и что несправедливо въ постановленіи обо мнѣ Синода. Я, дѣйствительно, не вѣрю въ то, во

что они говорятъ, что вѣрятъ. Но я вѣрю во многое, во что они хотятъ увѣрить, что я не вѣрю. Вѣрю я въ слѣдующее: вѣрю въ Бога. Котораго понимаю, какъ Духа, какъ Любовь, какъ начало всего. Вѣрю въ то, что Онъ во мнѣ и я въ Немъ. Вѣрю въ то, что воля Бога яснѣе, понятнѣе всего выражена въ ученіи человѣка-Христа, Котораго понимать Богомъ и Которому молиться—считаю величайшимъ кощунствомъ. Вѣрю въ то, что истинное благо человѣка въ исполненіи воли Бога, воля же Его въ томъ, что бы люди любили другъ друга и вслѣдствіе этого поступали бы съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними, какъ и сказано въ Евангеліи, что въ этомъ весь законъ и пророки Вѣрю въ то, что смыслъ жизни каждаго человѣка поэтому только въ увеличеніи въ себѣ любви, что это увеличеніе любви ведетъ отдѣльнаго человѣка въ жизни этой къ все большему и большему благу, дастъ послѣ смерти тѣмъ больше благо, чѣмъ больше будетъ въ человѣкѣ любви, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всего другого содѣйствуетъ установленію въ мірѣ царства Божія т. е. такого строя жизни, при которомъ царствующіе раздоръ, обманъ и насиліе будутъ замѣнены свободнымъ согласіемъ, правдой и братской любовью людей между собою. Вѣрю, что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство: молитва,—не молитва общественная, въ храмахъ, прямо запрещенная Христомъ (Мѳ. VI. 5—13). а молитва, образецъ которой данъ намъ Христомъ, уединенная, состоящая въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога.

Оскорбляютъ, огорчаютъ или соблазняютъ кого-либо, мѣшаютъ чему-нибудь и кому-нибудь или не нравятся эти мои вѣрованія,—я такъ же мало могу ихъ измѣнить, какъ свое тѣло. Мнѣ надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никакъ иначе вѣрить, какъ такъ, какъ я вѣрю, готовясь идти къ Тому Богу, отъ Котораго изшелъ. Я не говорю, чтобы моя вѣра была одна несомнѣнна на все время истинна, но я не вижу другой—болѣе простой, ясной и отвѣчающей всѣмъ требованіямъ моего ума и сердца. Если я узнаю такую, я сейчасъ же приму ее, потому что Богу ничего, кромѣ истины, не нужно. Вернуться же къ тому, отъ чего я съ такими страданіями только что вышелъ, я никакъ уже не могу, какъ не можетъ летающая птица войти въ скорлупу того яйца, изъ котораго она вышла

„Тотъ, кто начнетъ съ того, что полюбитъ христіанство болѣе истины, очень скоро полюбитъ свою Церковь или секту

болѣе чѣмъ христіанство, и кончитъ тѣмъ, что будетъ любить себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ", сказалъ Кольридяъ

Я шелъ обратнымъ путемъ. Я началъ съ того, что полюбилъ свою православную вѣру болѣе своего спокойствія; потомъ полюбилъ христіанство болѣе своей Церкви, теперь же люблю истину болѣе всего на свѣтѣ. И до сихъ поръ истина совпадаетъ для меня съ христіанствомъ, какъ я его понимаю. И я исповѣдую это христіанство и въ той мѣрѣ, въ какой исповѣдую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь къ смерти".

Вотъ отвѣтъ великаго писателя-художника. и менѣе чѣмъ малаго христіанскаго богослова, на канонически справедливое постановленіе Высшей церковной власти объ его лжеученіи— безъ христіанскаго смиренія, но съ демоническою гордостью Отвѣтъ этотъ, неслыханный въ древне-христіанской и русской Церкви, исключительный и даже единственный за все время существованія христіанства и еретичества, по своей несправедливости, дерзости и самоувѣренности невольно побуждаетъ и вынуждаетъ всякаго къ протесту и опроверженію, но критическій разборъ его не входитъ въ задачу нашего очерка,—тѣмъ болѣе, что отвѣтъ Толстого уже достаточно разобранъ и оцѣненъ вскорѣ по своемъ появленіи въ печати со стороны ученыхъ русскихъ богослововъ, оффиціальныхъ и частныхъ лицъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. [1]). Отвѣта гр. Толстого мы коснемся со стороны юридической, или канонически—административной, будто бы не выполненной по отношенію къ нему Рѣчь идетъ о предупрежденіи и предварительномъ увѣщаніи. По словамъ гр. Толстого, со стороны Церкви не было будто бы сдѣлано попытокъ къ исправленію его на правый путь отъ заблужденій. Заявленіе это оказывается невѣрнымъ; оно опровергается, между прочимъ, свидѣтельствомъ одного знакомаго гр Толстого высокопоставленнаго лица, графа В Бобринскаго. Вотъ это свидѣтельство, въ достовѣрности и искренности котораго нельзя сомнѣваться [2]).

„Я прочиталъ ходящій по рукамъ отвѣтъ гр Л. Толстого на посланіе Свят. Синода, и въ первыхъ строкахъ меня болѣзненно поразило заявленіе гр Толстого о томъ, что Церковью не принималось никакихъ мѣръ увѣщанія по отношенію къ нему

[1]) См «По поводу отпад. гр Толстого», стр. 72—82, 95—103 и др.

[2]) Свидѣтельство это взято изъ письма гр. Бобринскаго на имя С.П.Б. митрополита Антонія, какъ первенствующаго члена Свят. Синода.

Гр. Толстой даже называетъ лживымъ утвержденіе о семъ Синода. Въ виду этого рѣзкаго и серьезнаго по существу дѣла упрека, я считаю своимъ долгомъ сообщить то, что я слышалъ отъ самого гр. Толстого по данному вопросу.

Около года тому назадъ я былъ у графа, и зная, что его нѣсколько разъ посѣтилъ въ Ясной Полянѣ священникъ тульской тюрьмы, я, между прочимъ, спросилъ его, какое на него произвелъ впечатлѣніе этотъ священникъ. Въ отвѣтъ Л. Толстой сказалъ мнѣ, что тюремный священникъ, повидимому, вполнѣ хорошій и искренно вѣрующій человѣкъ и что онъ съ удовольствіемъ съ нимъ бесѣдуетъ, но удовольствіе это для него отравляется сознаніемъ, что онъ присылается нашимъ архіереемъ для его увѣщанія Я рѣшаюсь о семъ сообщить не изъ полемическихъ цѣлей, а ради правды. Если бы я умолчалъ, то совѣсть моя мучила бы меня и я постоянно чувствовалъ бы, что убоялся генія и всемірной славы великаго писателя и не исполнилъ своего долга для возстановленія истины. Приводимое мною свидѣтельство по данному вопросу имѣетъ, по моему мнѣнію, важное значеніе".

Опровергая клевету гр. Толстого на образъ дѣйствія церковной власти по отношенію къ заблуждавшемуся, приведенное свидѣтельство удостовѣряетъ всѣхъ въ правотѣ Церкви по принятію своевременныхъ мѣропріятій въ дѣлѣ отлученія еретика отъ нея.

Считаемъ умѣстнымъ и полезнымъ привести здѣсь отзывъ о впечатлѣніи по прочтеніи возмутительнаго отвѣта гр. Толстого на опредѣленіе Свят. Синода,—отзывъ, раздѣляемый всѣми истинно вѣрующими христіанами.

„Положительная часть отвѣта гр. Толстого, изложеніе его вѣры, читается съ чувствомъ ужаса и глубокаго къ нему сожалѣнія. Исторію о воплощеніи Христа, ученіе объ искупленіи и признаніи Христа Богомъ гр. Толстой считаетъ „величайшимъ кощунствомъ", значитъ зачеркиваетъ совсѣмъ христіанство. Когда я прочиталъ все это, прочиталъ еще сдѣланное мнѣ сообщеніе о его заявленіи, что если бы ему разрѣшили напечатать всѣ его сочиненія о религіи, то отъ православной догматики въ короткое время остались бы одни клочья, меня объялъ страхъ за этого человѣка несчастнаго. Пронеслась предъ мыслію моею личность Юліана-Отступника, хотѣвшаго стереть съ лица земли ученіе Христа, изъ Бога развѣнчаннаго имъ въ простого человѣка-галилеянина; вспомнились его конечная гибель и историческій позоръ, прозвучали слова пророчества Ісаіина на

царя вавилонскаго: „на небо взыду, выше небесныхъ звѣздъ поставлю престолъ мой, буду подобенъ Вышнему“... и это пророческое вѣщаніе: „нынѣ же во адъ снидеши и во основанія земли“... Отъ безумнаго богохульства Толстого сердце мое болѣзненно сжалось. Вѣдь это богоборство и объявленіе войны Самому Христу, Сыну Божію, Судіи живыхъ и мертвыхъ... Всегда съ недоумѣніемъ читавшіяся грозныя слова ап. Павла: „кто не любитъ Господа Іисуса Христа, анаѳема (тому), маранъаѳа“—вдругъ какъ то прояснились для меня. Да, кто отрекся отъ Христа, отъ того и Христосъ отрекается (Мѳ. X, 33; 2 Тѳ. II, 12). Отреченіе отъ Христа, какъ Бога, съ утвержденіемъ, что признавать Его Божественное достоинство есть кощунство, равносильно въ сущности произнесенію на Него анаѳемы, и есть въ тоже время какъ бы самоанаѳематствованіе, отлученіе себя отъ Бога, лишеніе себя жизни Божіей, Духа Божія“ (Крѳ., XII, 1) [1].

Мы весьма долго останавливались на дѣлѣ объ отлученіи гр. Л. Толстого, но оно заслуживаетъ большого вниманія со стороны нашей, какъ по своей современности и близости къ намъ, такъ и потому, что, на основаніи этого дѣла о Толстомъ, можно судить о вліяніи и послѣдствіяхъ отлученій вообще какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдующее, не исключая и настоящаго. Отлученіе отъ Церкви гр. Толстого произвело сильно отрезвляющее впечатлѣніе на современное образованное и грамотное русское общество; оно побудило многихъ къ лучшему ознакомленію съ религіозными убѣжденіями гр. Толстого, какъ писателя-моралиста; послѣ и вслѣдствіе такого ознакомленія многіе отшатнулись отъ него, другіе стали относиться къ нему съ недовѣріемъ и критикою—вмѣсто прежняго легкомысленнаго довѣрія и поверхностнаго восхваленія его, какъ писателяромаиста. Вообще теперь гр. Толстымъ стали менѣе интересоваться въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, когда къ нему относились съ какимъ то подобострастнымъ, рабскимъ и безотчетнымъ довѣріемъ и вниманіемъ. И самъ Толстой сталъ, какъ замѣтно, сдержаннѣе и строже въ разсмотрѣніи вопросовъ если не церковныхъ, то общественныхъ и экономическихъ. Трудно разумѣется, ожидать отъ гр. Толстого раскаянія и возвращенія въ составъ членовъ Церкви, но нельзя въ принципѣ совершенно отрицать возможность душевнаго переворота въ послѣднія минуты жизни, обыкновенно страшныя, какъ это случалось съ лицами болѣе высокихъ дарованій, чѣмъ гр. Толстой...

[1]) Приведенный отзывъ принадлежитъ С.П.Б. митр. Антонію («По поводу отпад. гр. Толстого», указ. выше сборникъ, стр 94—95).

Насколько вообще отлученіе, какъ важный церковный актъ, оказываетъ вліяніе на имѣвшихъ несчастіе подвергнуться ему, можетъ служить примѣромъ слѣдующій случай изъ судебной практики, произошедшій въ началѣ 1905-го года. Недавно, въ февралѣ мѣсяцѣ 1905 г., разбиралось дѣло объ убійствѣ одного пастора въ Прибалтійскомъ Краѣ. Убійцей оказался молодой крестьянинъ, котораго пасторъ преслѣдовалъ обличеніями и не допустилъ его до св. причащенія за его худую безнравственную жизнь и распутное поведеніе. Отлученіе отъ причастія отшатнуло отъ развратника весь околотокъ: не только честныя дѣвицы, но даже падшія женщины отказались отъ всякаго общенія съ нимъ и знакомства. Въ порывѣ мести и ожесточенія отлученный убилъ строгаго, но справедливаго пастора; печаленъ былъ конецъ, но отлученный долженъ былъ понести заслуженное наказаніе; не всѣ ожесточаются, а многіе и исправляются; отлученіе, лично направленное, безслѣдно не проходитъ; оно сопровождается душевнымъ переворотовъ.

Многочисленный перечень отлученныхъ въ Россіи пришлось закончить только что состоявшимся опредѣленіемъ Св Синода объ отлученіи отъ Церкви бывшаго священника Стефана Уствольскаго. Опредѣленіе это состоялось отъ 4—18 февраля 1905 года. Поводомъ и причиною отлученія послужили слѣдующія обстоятельства, изложенныя въ синодальномъ опредѣленіи объ отлученіи отъ православной Церкви бывшаго священника Стефана Уствольскаго:

„Сложившій съ себя санъ священника, Стефанъ Уствольскій, прибывъ въ 1902 г. въ Сѣверную Америку и водворившись въ православномъ Нью-Іоркскомъ приходѣ, объявилъ себя епископомъ Серафимомъ, яко бы хиротонисаннымъ въ епископскій санъ подвѣдомыми патріархамъ Константинопольскому и Іерусалимскому іерархами, и безъ вѣдома мѣстнаго епархіальнаго епископа началъ совершать архіерейскія богослуженія, рукополагать во священническій и діаконскій санъ, открывать приходы и т. п. По полученіи извѣстія объ этомъ, Святѣйшимъ Синодомъ было сдѣлано сношеніе съ святѣйшимъ патріархомъ Константинопольскимъ съ просьбою произвести разслѣдованіе дѣла, каковымъ разслѣдованіемъ было съ несомнѣнностью выяснено самовольное, безъ канонической хиротоніи присвоеніе Уствольскимъ священнаго сана. Посему Святѣйшій Синодъ, принимая во вниманіе, что святотатственная дѣятельность этого лже-епископа грозитъ опасностью мирному развитію церковно-религіозной жизни американской паствы, въ цѣляхъ отвращенія гибель-

ныхъ слѣдствій этой дѣятельности, призналъ нужнымъ поручить преосвященному Алеутскому поставить Стефана Уствольскаго въ извѣстность, что всероссійская православная церковь, въ лицѣ Святѣйшаго Синода, предлагаетъ ему добровольно отречься отъ непринадлежащаго ему сана и отъ дѣятельности, направленной къ распространенію смуты среди православнаго населенія Америки, и изъявить раскаяніе въ совершенныхъ имъ беззаконіяхъ, съ принятіемъ обязательства подчиниться рѣшенію относительно его дальнѣйшаго мѣстопребыванія, и, въ случаѣ исполненія имъ сего предложенія, готова въ своемъ материнскомъ милосердіи оставить его въ своихъ нѣдрахъ, съ предупрежденіемъ, что если онъ отвергнетъ обращенный къ нему призывъ къ покаянію и будетъ продолжать пребывать въ своемъ самозванствѣ, то Святѣйшій Синодъ вынужденъ будетъ, въ огражденіе вѣрныхъ, объявить его отлученнымъ отъ православной Церкви. Въ исполненіе сего порученія Алеутскимъ епархіальнымъ начальствомъ Стефану Уствольскому было послано предложеніе отречься отъ самовольно присвоеннаго себѣ сана и принести покаяніе, но на такое предложеніе Уствольскій отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Въ виду сего Святѣйшій Синодъ, къ великому прискорбію своему, нашелъ себя вынужденнымъ признать, что бывшій священникъ Стефанъ Уствольскій сдѣлалъ себя чуждымъ святой православной Церкви и не можетъ считаться въ числѣ чадъ ея, доколѣ искреннимъ раскаяніемъ не возстановитъ своего общенія съ нею, и посему 4—18 февраля сего года опредѣлилъ: въ огражденіе православныхъ Америки отъ общенія съ отлученнымъ поручить преосвященному Тихону указомъ объявить о настоящемъ опредѣленіи подвѣдомственнымъ ему духовенству и паствѣ, а для распубликованія во всеобщее извѣстіе напечатать въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“.

XI.

Намъ остается, въ заключеніе, сказать нѣсколько словъ о составѣ того богослуженія, на которомъ совершается явнымъ и торжественнымъ образомъ отлученіе отъ Церкви и анаѳематствованіе тѣхъ, кто имѣлъ несчастье подвергнуться тяжкой и позорной, но заслуженной церковной карѣ, для отличія достойныхъ отъ недостойныхъ членовъ воинствующей христіанской Церкви.

Для совершенія отлученія существуетъ особый чинъ богослуженія, представляющій собой не что иное, какъ молебное

чинопослѣдованіе съ нѣкоторыми особенностями. Исторически этотъ чинъ подвергался различнымъ измѣненіямъ, переходя, по примѣру другихъ видовъ и формъ богослужебныхъ, отъ простой формы къ болѣе сложной, совершенствуясь въ обобщеніи и восходя отъ понятій конкретныхъ и именъ личныхъ къ отвлеченнымъ, общимъ.

Первоначально, во времена апостольской Церкви, отлученіе совершалось не по особенному какому либо чинопослѣдованію, а просто, безъ соблюденія особыхъ обрядовъ. Составивши, послѣ обсужденія еретическихъ заблужденій извѣстнаго лица, или его крайне предосудительнаго и вреднаго для другихъ поведенія,—соборное опредѣленіе и объявивши о томъ всѣмъ членамъ мѣстной церкви, епископъ или митрополитъ извѣщали предстоятелей и мірянъ сосѣднихъ и отдаленныхъ церквей объ отлученіи, съ изложеніемъ причинъ послѣдняго. Въ послѣдующія времена, съ развитіемъ и усложненіемъ богослуженія, отлученіе совершалось по особому обряду. Такъ, наприм., совершалось отлученіе еретиковъ во время вселенскихъ соборовъ, когда произносились анаѳема отлученнымъ, многолѣтіе и вѣчная память защитникамъ христіанской Церкви и ея ученія. При всѣхъ измѣненіяхъ въ чинопослѣдованіи въ древнѣйшія времена и новѣйшія, со включеніемъ и настоящаго, предписывалось: 1) выносить для поклоненія и цѣлованія иконы на средину храма; 2) возносить благодареніе Богу за торжество Церкви надъ ересями; 3) произносить исповѣданіе вѣры (символъ вѣры) и изъявлять послушаніе Церкви; 4) еретикамъ произносить анаѳему, а защитникамъ, покровителямъ Церкви—живымъ многолѣтіе, а умершимъ—вѣчную память. Полное составленіе и торжественное совершеніе чинопослѣдованія объ отлученныхъ вообще, ставшаго извѣстнымъ подъ названіемъ „чина православія“, пріурочивается къ 842 году.

Составителемъ „чинопослѣдованія православія“ признается патріархъ Константинопольскій Меѳодій († 847 г.). Къ намъ въ Россію „чинъ православія“ перешелъ изъ Греціи въ X в., вскорѣ по принятіи христіанства, вмѣстѣ съ другими богослужебными чинами. Сначала онъ былъ въ такомъ же видѣ и составѣ, какъ и въ греческой церкви; но впослѣдствіи подвергался измѣненіямъ и дополненіямъ какъ вообще, такъ и въ частности, примѣнительно къ потребностямъ и событіямъ русской церковной жизни. Такъ, къ числу еретиковъ, бывшихъ въ греко-восточной Церкви, присоединены (въ XV в.) новые отщепенцы, не вѣровавшіе въ Іисуса Христа—Сына Божія, въ пречистую Бо-

городицу, и похулявшіе семь соборовъ, каковы: Кассіанъ, архимандритъ Юрьевскаго монастыря, Ивашка Максимовъ, Некрасъ Рукавовъ, Волкъ Курицынъ, Митя Коноплевъ и ихъ ересеначальники—и жидовствующіе, преданные анаѳемѣ на соборахъ 1491 и 1505 г.г.; въ чинопослѣдованіи XVI—XVII в.в. упоминаются имена Гришки Отрепьева, Тимошки Акиндинова, раскольниковъ Аввакума, Лазаря и Никиты Пустосвята, и Стеньки Разина, преданныхъ анаѳематствованію; въ XVIII в. къ числу преданныхъ анаѳемѣ прибавлено имя Ивашки Мазепы, бывшаго гетмана малороссійскаго, измѣнившаго Петру Великому въ критическій моментъ.

Такъ какъ „чинопослѣдованіе православія“ не представляло собой однообразія и единства, а допускало въ печатныхъ и рукописныхъ изданіяхъ отступленія и дополненія со стороны епархіальныхъ епископовъ, то, въ предотвращеніе всякаго соблазна и недоумѣній, Св. Синодъ въ 1764 г. ввелъ нарочито исправленный „чинъ православія“, обязательно долженствовавшій совершаться всѣми епископами на мѣстѣ своего служенія, Такое чинопослѣдованіе, исправленное, по порученію Св. Синода, епископомъ Гавріиломъ (1801 г.), значительно сокращено въ сравненіи съ прежними редакціями. Въ немъ исчислены самыя ереси, подлежащія соборному осужденію, но имена еретиковъ исключены. Изъ свѣтскихъ же лицъ, осуждаемыхъ государственнымъ правомъ, оставлены только Григорій (а не Гришка, какъ было прежде) Отрепьевъ (Лжедимитрій I) и Иванъ Мазепа. Въ 1869 г., ровно чрезъ сто лѣтъ, въ царствованіе Александра II, имена Отрепьева и Мазепы выпущены, и нынѣ православная наша Церковь, въ день своего торжества, заповѣдуетъ своимъ членамъ хранить тѣ истины откровенія, безъ которыхъ они не могутъ принадлежать къ царству истины и благодати, и не предаетъ государственныхъ преступниковъ анаѳематствованію. О нихъ говорится въ общихъ выраженіяхъ: „помышляющимъ, яко православные государи возводятся на престолы не по особенному о нихъ Божію благословенію, а при помазаніи дарованія Св. Духа къ прохожденію великаго своего званія на нихъ не изливаются, и тако дерзающимъ противъ нихъ на бунтъ и измѣну, анаѳема“ [1]).

---

[1]) Русск. Архив. 1870 г., т. I, стр. 752—757, прот. К. Никольскаго: Анаѳематствованіе, или отлученіе. Спб. 1879 г., 13—17, 29—33, 43—53.

XII.

На основаніи перечисленныхъ случаевъ отлученія, при поверхностномъ бѣгломъ взглядѣ на дѣло, можно составить представленіе объ отношеніи Церкви къ заблуждающимся и еретикамъ невѣрное, какъ объ отношеніяхъ строгихъ и карательныхъ; но такой взглядъ будетъ ошибочнымъ; не говоря уже о томъ, что самая строгость, какъ цѣлесообразная, воспитательная мѣра, не только по библейски-христіанскому міровоззрѣнію не отвергается, но во многихъ отношеніяхъ и рекомендуется: употребленіе отлученія упорныхъ еретиковъ вызывается добрыми намѣреніями и сопровождается полезными послѣдствіями. Объ этомъ у насъ уже была рѣчь прежде, хотя отрывочно. Для уясненія этой важной стороны вопроса мы считаемъ полезнымъ и умѣстнымъ привести взгляды двухъ замѣчательныхъ русскихъ проповѣдниковъ-мыслителей, недавно умершихъ и оставившихъ послѣ себя большое и дорогое духовное наслѣдство для нашего руководства и назиданія при рѣшеніи церковно-жизненныхъ вопросовъ. Разумѣемъ преосвященныхъ архіепископовъ Никанора (Бровковича) и Амвросія (Ключарева). По взгляду архіеп. Никанора, анаѳема есть учрежденіе кроткое, но и грозное, какъ кротокъ, но и грозенъ Самъ Іисусъ Христосъ, ея учредитель (Мѳ. XVIII, 17). И прежде всего—анаѳема значитъ не проклятіе. Этотъ смыслъ проклятія приданъ анаѳемѣ только впослѣдствіи и приданъ по недоразумѣнію, по раздраженію человѣческихъ сердецъ, по удаленію нѣкоторыхъ отъ духа Христова, по непониманію смысла и духа словъ Христа. Но нельзя, впрочемъ, думать, что приговоръ анаѳемы незначителенъ. Нѣтъ. Есть таинственная связь между благорасположеніемъ людей и милостью Божьей къ человѣку. Не прощенный, не разрѣшенный, связанный на землѣ, человѣкъ предстанетъ и въ горній міръ не прощеннымъ, связаннымъ въ своемъ грѣхѣ. „Истинно говорю вамъ“, сказалъ Самъ Господь, „что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“.

Утверждаемъ далѣе, продолжаетъ преосвященный Никаноръ, что Господь Іисусъ Христосъ завѣщалъ отлученіе только для грѣховъ ума, для грѣховъ противъ истины, для грѣховъ противъ Святаго Духа, но не противъ грѣховъ собственно воли, не противъ грѣхопаденій, покрываемыхъ покаяніемъ. Это видно изъ того, что тутъ же сряду выступилъ ап. Петръ и предлагаетъ Господу вопросъ: „Господи, если я обличу согрѣшившаго брата и онъ покается, сколько разъ долженъ я прощать моему

брату, согрѣшившему противъ меня? довольно ли до семи разъ?“ Іисусъ же говоритъ ему: „не говорю тебѣ: до семи разъ, но до семижды семидесяти разъ“, т. е. прощай безъ конца, потому что и Отецъ Небесный, Котораго мы оскорбляемъ безпредѣльно, —прощаетъ намъ по безпредѣльному своему милосердію.

Потому то и Церковь изрекаетъ анаѳему почти исключительно на прегрѣшенія ума, а не воли, на грѣхи упорства, но не на грѣхопаденія; анаѳема—не разбойникамъ,—не ворамъ,—не преступникамъ разнаго рода. Но анаѳема—отвергающимъ бытіе Бога, искупленіе, безсмертіе, будущій судъ и т. п. Отчего это? Что тяжелѣе, что гибельнѣе? Что преступнѣе?

Преступнѣе, тяжелѣе, пагубнѣе грѣхи ума. Грѣхи же воли неизбѣжны; всѣ мы въ беззаконіяхъ зачинаемся, и во грѣхахъ рождаемся, и грѣшимъ ежечасно. Пусть я разбойникъ, душегубъ, грабитель, вмѣстилище многихъ и тяжкихъ преступленій. Но я повергаюсь въ прахъ предъ милосердіемъ Божіимъ и вопію гласомъ разбойника на крестѣ: „помяни мя, Господи, егда пріидиши во царствіи Твоемъ“... И для нашего покаянія возможенъ милосердый гласъ Господа, на крестѣ распятаго за грѣшниковъ: „аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ раи“. Пусть мнѣ стыдно и страшно взглянуть въ глаза людямъ. Я повергаюсь предъ всѣми въ прахъ: попирайте меня стопами, но простите меня грѣшнаго, отпустите, разрѣшите. И рабы Христовы простятъ: по заповѣди Христовой обязаны простить. Сказано: прощай твоему брату, согрѣшившему противъ тебя и кающемуся, не семь разъ въ день, но до седмижды семидесяти разъ; прощай безъ мѣры, безъ числа и конца. Прощай даже заблужденія ума, недоразумѣнія, невѣдѣніе въ вѣрѣ, предубѣжденія и суевѣрія, если они не упорны, если люди, какъ дѣти, колеблются вѣтромъ разныхъ лжеученій. Ни одна христіанская душа не есть вмѣстилище непогрѣшимой всецерковной истины; всякая болѣе или менѣе погрѣшаетъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Но если кто сѣетъ ложь упорно, какъ самъ дьяволъ, отецъ лжи, сѣетъ какъ человѣкоубійца для человѣкоубійства,— если кто возстаетъ противъ утвержденной Христомъ, Его апостолами, всей вселенской Церковью, всѣми возвышеннѣйшими умами христіанскаго человѣчества—истины, если кто не пріемлетъ царство Божіе какъ кроткое и смиренное дитя, но гордо отвергаетъ его, какъ ожесточившійся врагъ истины,—тотъ творитъ грѣхъ противъ Духа Святаго. И сей грѣхъ, если не очищается покаяніемъ, не отпустится человѣку ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Такой грѣхъ вторично распинаетъ Сына Божія, и для

такого грѣха не обрѣтается другой искупительной жертвы. Такой грѣхъ подрываетъ самыя основы Церкви Божіей и она, какъ живое тѣло, защищая самоё себя, испускаетъ вопль боли своего материнскаго сердца: анаѳема [1])...

По взгляду Амвросія, бывшаго архіепископа Харьковскаго, сущность анаѳемы, произносимой православной Церковью вреднымъ и неисправимымъ ея членамъ, можно выразить въ двухъ словахъ: „оставьте насъ“. Церковь какъ бы такъ обращается къ нимъ: вы не вѣруете, какъ повелѣлъ вѣровать намъ Господь; вы пренебрегаете Его святыми заповѣдями, вы уничижаете Его святую благодать; вы издѣваетесь надъ уставами Его святой Церкви, которую Онъ создалъ, которую Онъ такъ любитъ, которую обѣщалъ хранить до конца міра, въ которой положилъ всѣ сокровища своихъ искупительныхъ заслугъ; вы вносите въ эту Церковь свои разрушительныя воззрѣнія и ученія; вы глумитесь надъ церковными чиноположеніями, обрядами и обычаями; для васъ ничто въ Церкви не свято, ничто не дорого; вамъ ничего не нужно,—„оставьте насъ“. Мы готовы быть въ мирѣ съ вами, какъ со всѣми согражданами, невѣдующими вѣры и закона Христова; мы можемъ быть и сосѣдями вашими, и сослуживцами, и сотрудниками въ дѣлахъ общежитія, но не въ единомысліи относительно предметовъ вѣры, не въ общеніи молитвъ и таинствъ, не въ союзѣ любви духовной, не въ раздѣленіи съ вами нашихъ надеждъ и упованій,—„оставьте насъ“. Вы стали язычниками, отреклись отъ чистоты и полноты вѣры Христовой; вы по жизни стали для насъ тѣмъ, чѣмъ были мытари для древнихъ евреевъ; мы такъ и понимаемъ васъ, какъ Господь повелѣлъ намъ васъ разумѣть: буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь. На это ваша свободная воля—быть тѣмъ, чѣмъ вы желаете, а наша обязанность смотрѣть на васъ и относиться къ вамъ такъ, какъ намъ повелѣно отъ Господа Іисуса Христа, въ Котораго мы вѣруемъ и отъ Котораго ожидаемъ вѣчнаго спасенія“ [2]).

Мы привели мнѣнія двухъ авторитетныхъ іерарховъ о значеніи анаѳемы потому, что ихъ мнѣнія вѣрно выражаютъ взгляды и настроенія Церкви въ установленіи и совершеніи ежегодно „чина православія“ во всеуслышаніе, согласно древнему обычаю,—равно какъ и мѣтко, хотя и кратко, они могутъ слу-

---

[1]) М. Барсовъ. Сборникъ статей по истолков. четвероевангелія. СПБ. 1893 г. изд. 2, т. II, стр. 76—78.

[2]) М. Барсовъ. Сборникъ статей по истолков. четвероеванг. СПБ. 1893 года т. II, стр. 78.

жить отвѣтомъ на современныя указанія на неумѣстность будто бы изрѣкаемыхъ анаѳематствованій и на производимое ими смущеніе во многихъ умахъ.

Не входя въ напрасныя препирательства съ противниками учрежденія торжественнаго совершенія „чина православія“, мы, въ дополненіе къ сказанному преосв. Никаноромъ и Амросіемъ, подтвердимъ и усилимъ мнѣнія ихъ указаніемъ на содержаніе положенныхъ въ чинопослѣдованіи апостольскаго и евангельскаго чтеній и особенной молитвы, приспособленныхъ въ данномъ случаѣ къ намѣреніямъ и цѣлямъ торжества Православія.

Въ апостольскомъ чтеніи, взятомъ изъ посланія св. ап. Павла къ Римлянамъ, совѣтуется остерегаться производящихъ раздѣленіе и соблазны вопреки ученію, которому христіане научились, и уклоняться отъ нихъ, потому что такіе люди служатъ не Господу нашему Іисусу Христу, а себѣ, и ласкательствомъ и краснорѣчіемъ обольщаютъ сердца простодушныхъ (XVI, 17—18).

Въ евангельскомъ чтеніи, послѣ рѣчи объ охраненіи младенцевъ, какъ малоопытныхъ и простодушныхъ, отъ соблазновъ, излагается, подъ видомъ притчи о заблудшей одной овцѣ изъ ста, заботливое промышленіе Божіе о заблуждающихся въ ученіи и образѣ жизни, съ указаніемъ на то, какъ нужно поступать съ заблуждающимися и особенно упорными и непокорными членами Церкви; въ этомъ же чтеніи содержится основаніе, на которое Церковь опирается въ своемъ правѣ разрѣшать и отказывать въ разрѣшеніи грѣховъ своимъ членамъ; на этомъ же основаніи Церковь предаетъ еретиковъ отлученію и анаѳемѣ, равно какъ и разрѣшаетъ отъ грѣховъ—обращающихся къ ней съ раскаяніемъ (Мѳ. XVIII, 10—18).

Въ глубокосодержательной и умилительной молитвѣ, послѣ выраженія благодарности Богу за сохраненіе св. Церкви въ протекшихъ вѣкахъ въ правотѣ и твердости, излагаются прошенія объ избавленіи вѣрующихъ отъ ересей и расколовъ, о просвѣщеніи заблуждающихся свѣтомъ божественной мудрости, да уразумѣютъ истину и, умягчивши ожесточеніе, обратятся къ Спасителю нашему, и о томъ, чтобы Господь исправилъ жизнь нѣкоторыхъ другихъ, несогласную съ христіанскимъ благочестіемъ, „да вси свято и непорочно поживемъ“...

Изъ содержанія апостола, евангелія и молитвы вмѣстѣ съ прошеніями на эктеніяхъ можно видѣть, съ какой цѣлесообразностью и предусмотрительностью составленъ былъ „чинъ право-

славія". Не смотря на свою 1000-лѣтнюю давность происхожденія, этотъ чинъ вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ и состоянію христіанской Церкви.

Ежегодное совершеніе „чина православія" въ столицѣ и по всѣмъ губернскимъ городамъ нужно признать не только обычаемъ полезнымъ, но и необходимымъ въ интересахъ личнаго и общецерковнаго сознанія и объединенія членовъ христіанскаго общества. Въ перечисленіи пунктовъ и сторонъ исповѣданія вѣры, провозглашаемыхъ въ „чинѣ православія", каждый присутствующій долженъ сознавать себя или повиннымъ въ отступленіи отъ основныхъ истинъ христіанскаго ученія, или неповиннымъ,—достойнымъ отлученія, или свободнымъ отъ анаѳемы.

Въ противоположность православному вѣроисповѣданію, въ убѣжденіи христіанъ могутъ совершаться, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ и обстоятельствъ, отступленія отъ вѣры, отреченіе отъ Бога и Христа-Спасителя. Примѣры отступленія совершались какъ въ прежнее время, такъ и въ новѣйшее. Въ древнее время многіе изъ христіанъ отступали отъ вѣры то по убѣжденію, то—и по большей части—подъ вліяніемъ преслѣдованій, отъ страха подвергнуться пыткамъ, лишенію имущества и самой жизни; въ настоящее время отступленіе совершается болѣе внутреннимъ образомъ, а не внѣшнимъ, открытымъ; нынѣшніе отступники не порываютъ внѣшнихъ связей и отношеній съ христіанами и Церковью. Личныхъ субъективныхъ поводовъ и побужденій къ отступленію отъ вѣры и ученія Христова можетъ быть у каждаго изъ нихъ не мало, но о нихъ неизвѣстно ничего церковной власти. Главныя общія причины отступленія или невѣрія скрываются въ отрицательномъ направленіи современной философіи, естествознанія и вообще свободнаго раціоналистическаго направленія мысли, стремящагося на пути своего изслѣдованія во всѣхъ областяхъ природы, исторіи и жизни устранить сверхъестественный религіозный элементъ, какъ бы не нужный, препятствующій успѣхамъ научнаго познанія. Увлеченіе этимъ, все возрастающимъ, направленіемъ доходитъ до крайности:—религіознаго сомнѣнія, отрицанія и невѣрія, т. е. отступленія, хотя внутренняго, но въ сущности одинаковаго съ открытымъ. До такого печальнаго состоянія люди доходятъ постепенно и незамѣтно, начиная съ отверженія внѣшней обрядовой стороны вѣры; возвращаются отступники на прежній истинный путь рѣдко и съ большими усиліями и пре-

пятствіями. Нужно быть искреннимъ предъ своей совѣстью, своимъ самосознаніемъ и—Церковью въ качествѣ ея члена. Посему совершеніе „чина православія“ во всеуслышаніе, при торжественной обстановкѣ, въ началѣ великаго поста, въ дни покаянія,—имѣетъ глубокій смыслъ и значеніе для всѣхъ христіанъ и особенно для тѣхъ, кто внутренно поколебался или совсѣмъ отступилъ отъ догматовъ вѣры. По мнѣнію архіеп. Антонія, Церковь должна воинствовать всѣмъ дарованнымъ ей духовнымъ оружіемъ, а наипаче отлученіемъ, дабы невѣрующіе кощунники не носили личины людей церковныхъ [1]). Истинно вѣрующіе и благочестивые христіане, присутствуя при совершеніи торжества Православія, должны испытывать и духовную радость отъ чувства единенія съ членами Церкви земной и небесной, имѣющаго перейти въ непосредственное созерцаніе и общеніе; между тѣмъ какъ невѣры и преступники, слыша относящуюся къ нимъ анаѳему, должны почувствовать въ себѣ тяжелое одиночество и душевную тревогу; ихъ мрачное душевное состояніе должно все болѣе и болѣе усиливаться при приближеніи неизбѣжной старости и смерти. Но, съ другой стороны, они не оставляются Церковью безъ попеченія и безъ надежды на возсоединеніе съ вѣрующими въ духѣ единомыслія и любви чрезъ исправленіе и покаяніе въ заблужденіяхъ ума и воли.

Какъ смотрѣть на падшихъ, число которыхъ въ настоящее время постоянно увеличивается не только среди иновѣрцевъ, но и среди нашихъ соотечественниковъ—русскихъ? Въ отличіе отъ падшихъ во времена древне-христіанской исторіи, современные падшіе скрываются, впадая въ другой грѣхъ—лицемѣріе... Но образъ поведенія ихъ и отношенія къ православной Церкви удостовѣряютъ всякаго наблюдателя не только въ отчужденности ихъ, но и во враждебности къ Церкви

Изъ ранѣе изложенныхъ свѣдѣній о падшихъ можно видѣть, какая большая разница замѣчается между древними падшими —отъ преслѣдованій и новѣйшими, падшими и отпадшими по собственнымъ личнымъ убѣжденіямъ: подъ вліяніемъ современнаго отрицательнаго направленія религіозно-философской мысли и индифферентизма въ дѣлѣ вѣры. Въ древнее время вопросъ о падшихъ обязанъ былъ своимъ возникновеніемъ и развитіемъ (въ смыслѣ вниманія къ нему и рѣшенія со стороны церковной

---

[1]) Церковн. Вѣд. 1906 г., № 8, стр. 181.

власти и духовной литературы) главнымъ образомъ внѣшнимъ причинамъ, а не внутреннимъ; между тѣмъ какъ существованіе падшихъ въ настоящее время происходитъ отъ причинъ внутреннихъ, отъ охлажденія въ вѣрѣ, отъ ослабленія религіознаго чувства среди христіанъ въ обществѣ западно-европейскомъ и отчасти русскомъ, хотя вопроса о падшихъ въ опредѣленной формѣ и не существуетъ въ настоящее время, вопреки наличности отпадшихъ. Есть, конечно, и разница въ отношеніи падшихъ къ Церкви въ настоящее и—древнѣйшее время: прежде падшіе не только не скрывали своего грѣха отреченія отъ вѣры,—одного изъ тягчайшихъ, который св Кипріанъ называетъ величайшимъ преступленіемъ, но и спѣшили заявить предстоятелямъ церковной власти для уврачеванія мучительныхъ угрызеній совѣсти; тогда какъ въ настоящее время рѣдко кто изъ отступниковъ отъ вѣры и Церкви добровольно сознается въ своемъ отпаденіи, считая свое отступничество какъ бы нормальнымъ дѣломъ.

Что касается до вопроса, есть ли въ настоящее время среди насъ отпаденія, то сомнѣніе тутъ излишне: есть вѣрные признаки, по которымъ съ несомнѣнностью можно заключать о принадлежности къ Церкви однихъ и непринадлежности къ ней другихъ. Заключеніе это составляется на основаніи понятія объ обязанностяхъ членовъ Церкви какъ между собой, такъ и къ самой Церкви, какъ живому составу, организму. Отъ каждаго члена требуется участіе въ общецерковныхъ молитвахъ, богослуженіи и таинствахъ. Когда этого участія нѣтъ, когда этого участія не замѣчается долго, то не въ правѣ-ли церковная власть заключать не только объ охлажденіи и отчужденіи такого члена отъ церковнаго союза, но и о внутреннемъ измѣнившемся убѣжденіи его въ дѣлѣ вѣры, какъ догматической основы Церкви. Отрицаніе внѣшней обрядовой стороны вѣры и церковнаго устройства, какъ излишней,—отрицаніе упорное и фанатическое —служитъ однимъ изъ главныхъ и вѣрныхъ признаковъ отступничества теоретически; въ отступничествѣ не сознаются по служебнымъ соображеніямъ и разсчетамъ, равно какъ изъ опасенія подвергнуться преслѣдованію со стороны дѣйствующаго до селѣ уголовнаго права [1])

[1]) Мы излагаемъ вопросъ объ отношеніи правительственныхъ узаконеній къ инославію, сектантству и расколу, независимо отъ манифеста 17-го апрѣля 1905 г., измѣнившаго существовавшія отношенія въ дѣлѣ вѣротерпимости. Означенный указъ, предоставляющій свободу исповѣданія каждому по его выбору, хотя и рѣзко измѣняетъ дѣло, но практически еще не вошелъ въ силу и нормировку, неизбѣжную при всякой перемѣнѣ отношеній заинтересованныхъ сторонъ. Нормировка

Заграницей, напр. во Франціи, гдѣ отступничество изъято изъ области государственнаго права, заявляютъ часто и свободно о непринадлежности ни къ какой религіи. Въ послѣднее время среди русскихъ сектантовъ встрѣчаются такіе, дѣти у которыхъ остаются безъ крещенія.

Въ переживаемое нами тревожное по умонастроенію время вопросъ о падшихъ и отлученныхъ, утратившій свою прежнюю

эта, необходимая въ принципѣ, вызывается слѣдующими обстоятельствами, сдѣлавшимися извѣстными въ печати и послужившими предметомъ обсужденія въ правительственныхъ сферахъ.

Въ Привисляньѣ законъ 17 апрѣля о вѣротерпимости повелъ совсѣмъ къ нежелательнымъ и прискорбнымъ послѣдствіямъ. Варшавскій генералъ-губернаторъ по этому поводу долженъ былъ объявить (20-го мая), что «нѣкоторыми людьми, или по заблужденію или по злой волѣ великая Царская милость толкуется совершенно превратно. Иные, сами отпадая отъ Православія, пытаются и другихъ православныхъ склонить къ отпаденію въ римско-католическую вѣру, обращаясь съ этой цѣлью къ подговорамъ, насмѣшкамъ, угрозамъ и насиліямъ... По закону, сохраняющему полную силу и въ настоящее время, лишь одна господствующая православная Церковь пользуется правомъ свободно распространять свое вѣроученіе Людямъ же прочихъ исповѣданій воспрещается склонять къ переходу кого бы то ни было въ ихъ религію. Виновные въ совращеніи изъ Православія, а также въ порицаніи православной вѣры и въ кощунствѣ надъ ней, подлежатъ суду по общимъ уголовнымъ законамъ. Да не смущается русскій православный людъ разными нелѣпыми слухами, распространяемыми теперь въ народѣ, и да вѣдаетъ онъ, что православные монастыри, церкви и св. иконы Царь православный и впредь никому не отдастъ». Мѣстный архіепископъ преосв. Іеронимъ также долженъ былъ сдѣлать особое воззваніе къ православной паствѣ Холмщины и Подлясья по поводу массовыхъ переходовъ въ католицизмъ. Особенно же горячее воззваніе, въ виду польской агитаціи, послѣдовало отъ Холмскаго православнаго братства Пресв. Богородицы. Соблазняя народъ слухами о возстановленіи Польши и изгнаніи изъ нея всѣхъ православныхъ, слуги костела привлекаютъ въ него русскихъ темныхъ людей и берутъ съ нихъ присягу оставаться вѣрными католицизму. «Братство» опровергаетъ эти коварные слухи, убѣждаетъ не поддаваться льстивымъ рѣчамъ и хранить свою отцовскую истинную вѣру, не смущаться неправильной, вынужденной присягой и отреченіемъ отъ своей вѣры, заглаживать скорѣе свой грѣхъ сердечнымъ раскаяніемъ, помня примѣръ ап. Петра. Къ такой борьбѣ вынуждаетъ теперь новый законъ о вѣротерпимости—на окраинахъ, уже сказавшійся печальными послѣдствіями для Православія, въ виду воинствованія противъ него другихъ вѣроисповѣданій. И внутри Россіи, для предупрежденія разныхъ недоразумѣній съ раскольсектантствомъ, потребовался новый особый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, угрожающій уголовнымъ преслѣдованіемъ за противленіе властямъ и за совращенія православныхъ.

По словамъ одного корреспондента, то, что теперь происходитъ въ Сѣверо-Западномъ, Литовскомъ краѣ, въ смыслѣ борьбы католическихъ ксендзовъ съ Православіемъ, для человѣка, непосвященнаго въ происходящія событія религіозной смуты, —можетъ показаться не только страннымъ, но даже неправдоподобнымъ Интересенъ фактъ, что, со времени выхода Высочайшаго манифеста о вѣротерпимости, православные въ Литвѣ десятками и даже сотнями переходятъ въ католицизмъ. Успѣхи

рѣзкую форму, сводится къ болѣе отвлеченному вопросу о свободѣ религіозной совѣсти. Вопросъ этотъ—одинъ изъ жизненныхъ — вопросъ весьма важный, рѣшеніемъ котораго заинтересовано современное русское общество. Сущность его состоитъ въ томъ: какъ нужно относиться къ своему вѣроисповѣданію и вѣроисповѣданію другихъ? Такъ какъ каждый гражданинъ считаетъ себя свободнымъ членомъ въ обществѣ и государствѣ,—

католичества являются сами по себѣ, главнымъ образомъ, какъ результатъ полувѣковой неустанной работы ксендзовъ по особой системѣ, допускающей прямо-таки недостойныя всякаго христіанина средства Однако, чтобы не быть голословными, обратимся къ фактамъ.

Со времени появленія указа о вѣротерпимости ксендзы комментировали его простому народу въ томъ смыслѣ, что будто Государь повелѣлъ всѣмъ переходить въ католичество, православныя церкви будутъ обращаться въ костелы и имущества ихъ передаваться ксендзамъ, надѣльныя земли отойдутъ отъ православныхъ къ католикамъ.

По всѣмъ мѣстечкамъ, населеннымъ православными, стали ходить новые апостолы католичества изъ услужливой шляхты — члены разныхъ фанатическихъ обществъ, какъ-то: трацiарокъ, сердца Іисуса, шкаплерной и т. д. Вся эта ватага проповѣдниковъ достигала своихъ цѣлей больше средствами отрицательнаго характера насмѣшками, глумленіемъ надъ Православіемъ и русскимъ духовенствомъ, запугиваніями или даже воздѣйствіями на чисто экономической почвѣ —отказомъ, напр., въ заработкѣ православнымъ крестьянамъ.

Вотъ нѣкоторые характерные случаи насилій.

Крестьянинъ деревни Мали Бароновскій былъ избитъ сосѣдомъ-католикомъ за отказъ принять католичество.

Крестьяне-католики мѣстечка Островицы угрожали нѣкоей Анѣмуцкой за вѣрность Православію тѣмъ, что послѣ смерти не похоронятъ, а бросятъ въ болото. Православные крестьяне деревни Завидова объявили священнику Б-цкаго прихода, что имъ угрожаютъ за отказъ отъ перехода въ католичество отнятіемъ земельныхъ надѣловъ, что самъ Б-цкій храмъ будетъ превращенъ въ костелъ. А ксендзъ Б-видскаго костела выразился про этого же православнаго священника, что «онъ будетъ у меня пастухомъ». Даже католическій епископъ, болѣе чѣмъ его помощники ксендзы связанный путами чиновничества, на вопросъ просителей изъ католиковъ объ обращеніи Б-цкаго храма въ костелъ въ присутствіи волостного старшины выразился такъ, что «объ этомъ уже доложено Государю и черезъ 2 мѣсяца просьба ихъ будетъ исполнена».

А что касается несчастныхъ православныхъ семей, въ незначительномъ количествѣ живущихъ среди католиковъ, то тутъ полный произволъ и насиліе.

Даже умирающихъ православныхъ не оставляютъ въ покоѣ. Напр., въ Дисненскомъ уѣздѣ католики-родственники одной умиравшей православной задумали пригласить къ ней ксендза. Сынъ не нашелъ другого способа избавить мать отъ терзаній, какъ запереть домъ и самому уйти въ поле. Прибывшій ксендзъ велѣлъ вынуть окно, вынести умирающую на улицу и здѣсь насильственно напутствовалъ ее. Трудно перечислить другіе подобные факты, собранные и провѣренные документально.

Что же касается тѣхъ оскорбленій, которыя ксендзы не стѣсняются сыпать съ церковныхъ амвоновъ по адресу Православія, то приходится лишь удивляться и

членомъ дѣйствующимъ по своимъ личнымъ соображеніямъ, то и свободу въ религіозной сферѣ онъ считаетъ необходимымъ условіемъ. Посему свободу въ дѣлѣ религіи, т. е. извѣстныхъ вѣроисповѣданій, можно разсматривать съ двухъ сторонъ — съ внѣшней и внутренней, положительной и отрицательной. Съ внутренней стороны свобода религіозной совѣсти состоитъ въ томъ, чтобы каждый держался того вѣроис-

---

изумляться такой изобрѣтательности и цинизму этихъ служителей кроткаго Основателя христіанства.

Для примѣра можно привести нѣкоторыя выраженія изъ церковныхъ проповѣдей ксендзовъ «лучше сходить въ синагогу, чѣмъ въ церковь»; «отъ православнаго священника смердитъ собакой»; «православные помазываются собачьими хвостиками» (дѣло о ксендзѣ М-сѣ у виленскаго губернатора). Ксендзы приказываютъ избѣгать православныхъ, называя ихъ московской кишкой (?), русской собакой и проч.

Сколько ни старается православное духовенство увѣщевать колеблющихся не слушать болтуновъ, но угрозы, фанатическіе происки и, наконецъ, массовое давленіе шляхты дѣлаютъ свое дѣло.

Священники пробовали читать разъясненіе варшавскаго генералъ-губернатора о правильномъ пониманіи манифеста о вѣротерпимости, но ксендзы кричатъ, что попы обманываютъ, что вѣрить имъ нельзя и что это имъ даромъ не пройдетъ (напр. въ Гольшанскомъ приходѣ).

Былъ недавно осенью 1905 г въ Вильнѣ съѣздъ православнаго духовенства выработавшій мѣры противодѣйствія католической пропагандѣ. Сюда входятъ усиленное просвѣщеніе народа въ духѣ Православія, полемическая проповѣдь, созданіе при приходахъ просвѣтительныхъ братствъ по образцу виленскаго Свято-Духовского. устройство торжественныхъ богослуженій, улучшеніе церковныхъ хоровъ и церковнаго пѣнія, духовно-просвѣтительныя чтенія, воспитаніе сиротъ на счетъ монастырей и духовенства и общая, объединенная дѣятельность православныхъ. Въ Вильнѣ особенно важна въ этомъ отношеніи дѣятельность братства Святого Духа. освященная 300-ти-лѣтнею давностью. Въ составъ—входятъ духовныя и свѣтскія лица, военные, чиновники, лица свободныхъ профессій подъ предсѣдательствомъ архіепископа литовскаго и виленскаго. Всѣ трудятся, но пока еще нѣтъ увѣренности въ окончательномъ увѣнчаніи успѣхомъ трудовъ защитниковъ Православія.

А движеніе въ сторону католичества въ полной силѣ. Русско-литовское сельское населеніе Сѣверо-Западнаго края—это воскъ, изъ котораго можно лѣпить какую угодно фигуру. Народъ довѣрчивъ, а главное, его психологія такова, что больше всего онъ поддается кричащему насилію.

Вѣротерпимость есть высшее благо для народа. Самый указъ о вѣротерпимости имѣлъ въ виду именно свободу, а не насиля. Но мы видимъ. — доброе обращается во зло. Итакъ католичество теперь торжествуетъ. Стоитъ любопытствующему пріѣхать въ ту же старую Вильну, и, присмотрѣвшись, онъ замѣтитъ что-то необычное. По улицамъ можно встрѣтить толпы крестьянъ, идущихъ съ громкимъ пѣніемъ, съ хоругвями и крестами. Изъ костеловъ несется торжественная побѣдная пѣснь.

Къ концу 1905 г. дерзость католическихъ фанатиковъ усилилась еще болѣе, благодаря общему революціонному движенію и бездѣйствію правительственной

повѣданія, которое онъ считаетъ истиннымъ, не будучи принуждаемъ къ тому никакими внѣшними ограниченіями и напоминаніями объ исполненіи обрядовой стороны вѣры и не будучи ничѣмъ угрожаемъ за невыполненіе предписаній и правилъ господствующаго вѣроисповѣданія; со стороны внѣшней или отрицательной свобода религіи состоитъ въ вѣротерпимости, т. е., въ томъ, чтобы всѣмъ безъ исключенія иновѣрцамъ, равно какъ сектантамъ и раскольникамъ, предоставить полную сво-

---

власти. По словамъ «Моск Вѣд.» (№ 334), въ Рогушняхъ (Гродн. губ.) послѣ смерти православнаго священника католики заперли православный храмъ на свои замки, поставили стражу и рѣшили силой противодѣйствовать отправленію богослуженія православными. Когда замки съ храма были сняты администраціей и польская стража удалена, 27 ноября новопоставленный священникъ явился для совершенія богослуженія. По звону къ утрени стали собираться прихожане изъ окрестныхъ деревень. Не замедлили явиться и католики и, какъ только причтъ и православные вошли въ храмъ. ворвались туда и они; мущины остановились въ дверяхъ, а подростки и женщины заняли клиросъ и солею. Католиковъ было болѣе 500 человѣкъ, не менѣе—и православныхъ. Во время богослуженія и тѣ и другіе все прибывали, православные становились въ храмѣ, а католики на хорахъ.

Уже во время утрени католики вели себя слишкомъ развязно, неумѣстно шутили, расхаживали по церкви, толкались и громко разговаривали Къ концу утрени враждебное настроеніе католиковъ усилилось настолько, что они начали плевать на православныхъ, поносить ихъ всячески, и угрожали перейти къ насильственнымъ дѣйствіямъ.

Священникъ не нашелъ возможнымъ совершать при такой обстановкѣ литургію и замѣнилъ ее часами, панихидами по усопшимъ и молебномъ за Государя Императора и весь Царствующій Домъ. Передъ молебномъ было произнесено краткое и кроткое слово о любви къ ближнимъ, съ увѣщаніемъ молиться за враговъ, какъ за ослѣпленныхъ враждой и потому несчастныхъ

Въ отвѣтъ на это слово послышались со стороны католиковъ площадная ругань и угрозы, что впредь они православныхъ въ храмъ не допустятъ.

Такъ примѣняется католиками распоряженіе Правительства о свободѣ совѣсти и вѣрованій, а наша администрація—по выраженію нѣкоторыхъ—«только хлопаетъ глазами».

Въ томъ же селѣ поляки выгнали изъ училища русскаго учителя съ семьей, въ присутствіи станового пристава.

6 декабря, въ престольный праздникъ, въ посадѣ Городно сожгли въ 3 часа ночи домъ и всѣ холодныя постройки священника Дрозда. Самъ священникъ съ семьей какъ-то спасся, но все имущество, скотъ и хлѣбъ погибли въ огнѣ.

Въ селѣ Сѣдлищѣ у священника Носальскаго выбили всѣ стекла въ домѣ.

Въ Люблинскомъ и Любартовскомъ уѣздахъ католики нападаютъ на школы и выгоняютъ изъ нихъ русскихъ учителей и учениковъ, силой посылая послѣднихъ въ польскія школы.

Изъ посада Острова получено оффиціальное донесеніе съ изложеніемъ 21 случая разныхъ насилій, учиненныхъ поляками надъ православными со времени объявленія свободы вѣры указомъ 17 октября. Помимо побоевъ, насмѣшекъ, издѣвательствъ, ругательствъ надъ православной вѣрой, бросанія камнями въ идущихъ въ церковь, причиненія нравственныхъ страданій,—особенно чувствительными являются

боду въ исповѣданіи своей вѣры и отправленіи богослуженія по своимъ обрядамъ, безъ всякаго стѣсненія и препятствія, наравнѣ съ обрядностью и торжественностью Православія, какъ господствующей вѣры.

Такой идеальной въ принципѣ свободы религіи у насъ среди русскихъ до сихъ поръ не было, но такой свободы у насъ желали и добивались оч. многіе интеллигентные люди и публицисты, литераторы и ученые, отличающіеся поверхностнымъ

насилія на экономической почвѣ: разореніе хозяйствъ, выпасъ луговъ, полей, огородовъ, разрытіе, во время дождя, стоговъ сѣна, уничтоженіе хозяйственныхъ построекъ и заборовъ, принужденіе не работать въ многочисленные католическіе праздники, битье стеколъ въ домахъ, школахъ и церквахъ.

Въ исконномъ русскомъ городѣ Холмѣ давно уже распускались католиками-поляками слухи, что на 6-е декабря готовится избіеніе русскихъ, единственнымъ спасеніемъ для которыхъ является клятвенное признаніе себя католиками.

И дѣйствительно, около 6 час. вечера въ этотъ день было совершено вооруженное нападеніе на начальника земской стражи. Раненый, онъ упалъ, и нападавшій, неизвѣстный молодой человѣкъ, на видъ лѣтъ 19-ти, считая г. Преображенскаго убитымъ, обратилъ свои выстрѣлы на шедшаго за нимъ стражника, который—и скончался къ 11 час. ночи въ городской больницѣ.

Въ 12 часовъ ночи нѣсколько замаскированныхъ лицъ стрѣляли изъ револьверовъ въ слѣдователя, г. Коровицкаго, и въ сопровождавшаго его стражника, и обоихъ ранили. По доставленіи въ больницу, у г. Коровицкаго были посредствомъ операціи извлечены четыре пули; жизнь его находится въ опасности; у него—жена и двое малыхъ дѣтей. Послѣ умершаго стражника также осталась семья безъ всякихъ средствъ къ существованію. Убійцы, какъ и всегда, скрылись и не найдены.

Эти скорбныя явленія тѣмъ болѣе наводятъ паническій страхъ на православное населеніе маленькаго Холма, что жертвами убійцъ падаютъ именно лица, внесенныя въ списокъ обреченныхъ на смерть «холмскимъ революціоннымъ комитетомъ»—57 православныхъ холмичанъ. Въ списокъ занесены всѣ тѣ русскіе люди, которые сами являются исповѣдниками своей вѣры и народности и другимъ, слабымъ и смущеннымъ (особенно крестьянамъ), стараются оказать поддержку и утѣшеніе. Въ спискѣ этомъ съ ужасомъ приходится читать и имя преосвященнаго Евлогія, внесеннаго туда за то только, что онъ-православный епископъ и, къ тому-же любимъ всѣмъ русскимъ населеніемъ Холмщины и Подляшья.

Хороша равноправность гражданская! Хороша и свобода религіозной совѣсти въ пониманіи «культурныхъ» поляковъ-католиковъ! Но самое ужасное то, что во главѣ этого антирусскаго движенія стоятъ ксендзы,—стоятъ, вопреки даже требованію ихъ архіепископа Попеля, но зато въ силу постановленія собственнаго «ксендзоваго вѣча» въ Варшавѣ.

Неужели наше правительство не обязано охранить какими бы то ни было мѣрами несчастное мѣстное православное населеніе отъ послѣдствій дарованныхъ ему имъ же самимъ свободъ и равноправностей, всегда приводящихъ лишь къ разнузданности и безчинству со стороны инородческихъ и инославныхъ элементовъ въ Россіи? При этихъ «свободахъ», понимаемыхъ и проводимыхъ слишкомъ ужъ однобоко, православному русскому населенію жить становится совершенно не въ моготу.

взглядомъ на—дѣло величайшей важности и увлекающіеся примѣромъ такой свободы въ современной Франціи и др. мѣстахъ. Подъ вліяніемъ превратныхъ понятій о свободѣ религіозной совѣсти, они приходили къ страннымъ требованіямъ, осуществленіе которыхъ привело бы къ полному индифферентизму, забвенію религіозныхъ обязанностей и къ распущенности. Подобные люди воображаютъ, что какъ они сами, такъ и другіе вольны думать и дѣлать, что хотятъ,—вѣровать и не вѣровать, признавать надъ собой обязательную силу нравственнаго закона и не признавать ея, соблюдать вѣками установленныя правила благоповеденія и не соблюдать ихъ. Эти поборники неудержимой свободы забываютъ, что наша совѣсть имѣетъ надъ нами свои неотложныя права, что совѣсть другихъ имѣетъ такъ же права на наше вниманіе и уваженіе; своей совѣсти мы не провѣряемъ, чужой не щадимъ; сами идемъ на все безъ разсужденія, другимъ подставляемъ всевозможные соблазны и обольщенія. Во имя неопредѣленнаго принципа вѣротерпимости въ настоящее время многіе дошли до того, что людей безъ всякой вѣры считаютъ просвѣщенными,—думаютъ, что и безъ мысли о Богѣ—Виновникѣ и Охранителѣ закона совѣсти, можетъ быть добрая совѣсть, высоконравственное направленіе общества и молодого поколѣнія. По склонности человѣка и общества къ заблужденіямъ и паденію въ религіозно-нравственномъ отношеніи, право на свободу неизбѣжно и благонамѣренно ограничивается со стороны закона, Церкви и правилъ воспитанія. Вѣками оправданные опыты и утвержденные законы даютъ церковно-гражданской власти разнообразныя основанія для опредѣленія ступеней паденія людей и примѣненія по отношенію къ нимъ мѣръ исправительныхъ и карательныхъ, отъ легкихъ до строгихъ. По сему всякая религія и христіанская особенно, какъ заключающая въ себѣ совокупность понятій о Богѣ, законовъ отъ Его имени изрекаемыхъ, и правилъ, опредѣляющихъ различные виды служенія Богу, тѣмъ глубже почитается и тѣмъ строже соблюдается, чѣмъ тверже совѣсть общества и народа. Направляя и охраняя свободу религіозной совѣсти, какъ высшій даръ и источникъ развитія, церковно-гражданское законодательство поступаетъ вполнѣ благоразумно и благотворно, привлекая приверженцевъ несовершенныхъ религій къ Православію, въ цѣляхъ истиннаго просвѣщенія и сближенія съ общей жизнью гражданъ, и пользуясь для сего дозволенными и одобренными способами и мѣрами, т. е. посредствомъ убѣжденія, кроткаго обращенія и вообще миссіонерскаго дѣла.

Хотя вопросъ о вѣротерпимости въ Россіи поставленъ былъ нормально, но онъ до послѣдняго времени (т. е. до указа отъ 17-го апрѣля 1905 г.) служилъ камнемъ преткновенія и раздраженія для людей либеральнаго образа мыслей, изъ русскихъ и иностранцевъ, желающихъ истинную свободу религіозной совѣсти превратить въ произволъ и разнузданность, не вдумываясь въ особыя условія исторической жизни русскихъ, какъ народа, развивающагося подъ вліяніемъ и руководствомъ церковныхъ началъ и примѣровъ.

Означенные радѣтели мнимой свободы упорно продолжали заявлять свои сѣтованія и печалованія по адресу Россіи въ упрекъ ей, не смотря на существующія по сему предмету удовлетворительныя объясненія со стороны заинтересованныхъ лицъ и учрежденій. Для ознакомленія со взглядами русскаго правительства на вопросъ о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости въ нашемъ отечествѣ, можно привести въ примѣръ отвѣтъ г. Оберъ-Прокурора Свят. Синода на „адресъ“ евангелическаго союза изъ Швейцаріи (въ 1888 г.), на имя Государя Императора Александра III-го, по поводу возстановленія въ остзейскихъ губерніяхъ закона о смѣшанныхъ бракахъ, пріостановленнаго въ предшествовавшее царствованіе (въ 1860-хъ годахъ).

„Мы знаемъ,—говорили представители союза,—что въ Россіи существуютъ законы, воспрещающіе членамъ православной Церкви переходить въ другія исповѣданія. Но, осмѣливаясь просить Ваше Величество объ отмѣнѣ этихъ законовъ, мы этой самой просьбой думаемъ воздать высочайшую хвалу тому чувству справедливости, коимъ одушевленъ Августѣйшій Сынъ Освободителя двадцати милліоновъ изъ рабства,—Сынъ Монарха, дозволившаго свободное распространеніе слова Божія во всей Имперіи. Ходатайствуя за религіозную свободу, мы нисколько не думаемъ нарушать начало церковнаго авторитета и никоимъ образомъ не выражаемъ той мысли, что всѣ мнѣнія (въ дѣлѣ вѣры) имѣютъ одинаковую цѣну. Наше завѣтное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы всякій, имѣющій преимущество быть подданнымъ Вашего Величества, могъ свободно чтить Бога по своей совѣсти, свободно воспитывать своихъ дѣтей въ вѣрѣ отцовъ, чтобы духовные пастыри христіанскихъ церквей могли безпрепятственно исполнять относительно своей паствы всѣ обязанности своего званія,—наконецъ, чтобы всѣ тѣ, кои, не давая себѣ отчета въ важности рѣшенія, записались въ списки православной Церкви, могли, безъ опасенія, возвратиться въ лоно прежней своей церкви, если изъявятъ свободное къ тому желаніе“.

„Россія хранитъ глубокое убѣжденіе,—читаемъ мы въ данномъ на адресъ отвѣтѣ Оберъ-Прокурора Св. Синода,—что нигдѣ въ Европѣ инославныя и даже нехристіанскія исповѣданія не пользуются столь широкой свободой, какъ посреди русскаго народа. Увы, въ Европѣ не хотятъ признать этой истины. Почему? Потому единственно, что тамъ къ понятію о свободѣ исповѣданія примѣшалось безусловное право пропаганды его. И вотъ—источникъ вашихъ сѣтованій на наши законы о совращеніяхъ изъ Православія и объ отпаденіяхъ отъ него. Въ этихъ законахъ, ограждающихъ господствующее въ Россіи исповѣданіе и устраняющихъ посягательство на спокойствіе его, Европа видитъ ограниченіе свободы для другихъ исповѣданій, даже преслѣдованіе ихъ“.

Не входя принципіально въ обсужденіе вопроса о связи между свободой вѣроисповѣданія и правомъ прозелитизма, авторъ отвѣта переходитъ на историческую почву и указываетъ на великія заслуги Россіи по охраненію Европы со стороны мусульманскаго міра. Источникомъ силы, необходимой для исполненія этой задачи, послужила для Россіи „твердая устойчивость въ собственныхъ началахъ, независимыхъ ни отъ Азіи, ни отъ Западной Европы. Что было бы съ Россіей, если бы она, окруженная съ Востока и Запада многими десятками народностей и исповѣданій и постепенно давая имъ пріютъ у себя, колебалась въ недоумѣніи между одними и другими. Что было бы и съ Западной Европой, если бы Россія стала ареной для соперничества этихъ народностей и исповѣданій, особенно въ тотъ періодъ, когда мусульманскій міръ сталъ твердой ногой на Босфорѣ, имѣя крѣпкіе опорные пункты въ царствахъ Казанскомъ, Астраханскомъ и Крымскомъ, а весь Западъ Европы запылалъ продолжительными религіозными войнами, то озаряясь кострами инквизиціи, то омрачаясь кровавыми ночами и вечернями? Только полная духовная самобытность спасала Россію среди этого коловорота религіозныхъ и политическихъ порывовъ на Востокѣ и на Западѣ“. Отсюда выводится заключеніе, что „охрана православной вѣры отъ колебаній и отъ покушеній на нее, съ какой бы то ни было стороны, составляетъ важнѣйшій историческій долгъ Россіи, потребность жизни ея“... Напомнивъ о нетерпимости, выказанной крестоносцами въ Византіи, о кровавыхъ войнахъ, „на знамени которыхъ была начертана свобода вѣры“, но настоящимъ содержаніемъ которыхъ служила „помѣсь религіозныхъ стремленій и мірскихъ вожделѣній“, авторъ отвѣта продолжаетъ: „въ этой то смѣси запад-

ныя исповѣданія одновременно появились и въ Россіи. Католицизмъ избралъ для себя ареной западныя русскія области, проникся здѣсь полонизмомъ, открылъ непримиримую вражду противъ Православія. Мы доселѣ не знаемъ въ этихъ областяхъ и въ цѣлой Россіи католичества, чуждаго духа вражды къ ней и старанія оторвать отъ нея исконныя ея западныя области. Увы, въ томъ же духѣ мірскихъ стремленій Россія узнала и лютеранство, въ лицѣ бывшихъ ливонскихъ рыцарей, залегшихъ ей дорогу къ Балтійскому морю... Со стороны потомковъ рыцарей доселѣ идетъ борьба за исключительное господство въ краѣ, и доселѣ лютеранство, подобно прежнему католичеству, прикрываетъ эту мірскую борьбу знаменемъ религіи, подавляя всякія попытки со стороны туземцевъ къ единенію съ Россіей. Православіе здѣсь не нападаетъ, а себя защищаетъ въ этой тяжелой для него борьбѣ съ лютеранствомъ. Да, къ прискорбію для христіанскаго чувства, еще не настало время для мирной встрѣчи христіанскихъ идей Востока и Запада; западныя исповѣданія у насъ еще не свободны отъ мірскихъ видовъ, отъ посягательства на могущество и даже цѣлость Россіи. Россія не можетъ дозволить имъ пропаганды отторженія единовѣрныхъ сыновъ своихъ въ религіозные станы, еще не сложившіе стараго своего оружія противъ нея". На Западѣ Европы, по словамъ Оберъ-Прокурора, полной свободой пользуется только переходъ отъ вѣры къ безвѣрію. „Нѣтъ въ Европѣ законовъ о совращеніяхъ и отпаденіяхъ отъ господствующей вѣры, но есть силы, гораздо болѣе широкія и глубокія, насквозь пропитанныя нетерпимостью къ другимъ исповѣданіямъ, въ особенности же къ православной вѣрѣ, при которыхъ ссылка на отсутствіе законовъ о совращеніяхъ и отпаденіяхъ—одни жалкія слова. Провозглашаютъ свободу для всѣхъ вѣроисповѣданій и для всякаго племени въ принципѣ, но когда коснется дѣло до примѣненія этого принципа, изъ него исключаются православные—илоты западной цивилизаціи" [1]).

Въ настоящее время желанія членовъ евангелическаго союза, равно какъ и русскихъ людей либеральнаго направленія, можно считать исполнившимися въ вопросѣ о свободѣ религіозной совѣсти. По состоявшимся въ законодательномъ порядкѣ рѣшеніямъ, отъ 17 апрѣля 1905 года, отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе не подлежитъ преслѣдованію и не должно влечь за

[1]) К. Арсеньевъ. Свобода совѣсти и вѣротерпимость. СПБ. 1905 г. 3—5.

собой какихъ либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій, причемъ, отпавшее отъ Православія, по достиженіи совершеннолѣтія, лицо признается принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію или вѣроученію, которое оно для себя избрало [1]).

Въ оправданіе сдѣланнаго измѣненія въ вопросѣ о свободѣ вѣроисповѣданія законодательство указываетъ на то, что измѣненіями этими не должно быть поколеблено устанавливаемое основными законами государства положеніе, признающее первенствующей и господствующей въ Россійской имперіи вѣру христіанскую православную каѳолическую восточнаго исповѣданія. Значеніе узъ, исторически скрѣпившихъ воедино судьбы государства русскаго и православной Церкви, отнюдь не должно быть умаляемо. Поэтому неизмѣнно подлежатъ сохраненію и на будущее время преимущества, главнымъ образомъ придающія православной Церкви значеніе господствующей: принадлежность къ ней Государя Императора, свобода привлеченія послѣдователей и полученіе денежныхъ средствъ для удовлетворенія нуждъ своихъ изъ общегосударственныхъ доходовъ. Но засимъ возникаетъ первостепенной для настоящаго дѣла важности вопросъ о томъ, связано ли съ охраненіемъ господствующаго положенія Церкви принудительное въ ней оставленіе тѣхъ, которые хотя внѣшнимъ образомъ въ ней числятся, но сердцемъ и совѣстью ей чужды. Разрѣшеніе вопроса, можетъ ли государство допустить отпаденіе въ иное исповѣданіе принадлежащихъ къ господствующей вѣрѣ лицъ, имѣетъ вообще неизмѣримое значеніе по глубинѣ затрагиваемыхъ имъ сторонъ духовной жизни человѣка; у насъ же оно имѣетъ и особливую практическую важность, такъ какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Имперіи существуютъ значительныя религіозныя группы, извѣстныя подъ именемъ „упорствующихъ“ или „отпавшихъ отъ Православія“, которыя образовались изъ присоединенныхъ когда-то къ Православію иновѣрцевъ, теперь тяготѣющихъ къ своимъ прежнимъ исповѣданіямъ, а также изъ раскольниковъ, оффиціально таковыми не признаваемыхъ. Наиболѣе крупныя и требующія по отношенію къ себѣ особаго вниманія четыре группы представляются въ слѣдующемъ порядкѣ: а) въ Прибалтійскомъ краѣ, преимущественно въ Лифляндской губерніи, латышей, отпавшихъ въ протестантство, числится свыше 30.000 человѣкъ,

---

[1]) См. «Извлеченіе изъ особаго журнала комитета министровъ о порядкѣ выполненія пункта шестого Высочайшаго указа 12 дек. 1904 г. Спб., 1905 г.».

б) въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Царства Польскаго насчитывается около 100.000 человѣкъ бывшихъ уніатовъ, упорствующихъ въ католицизмѣ, в) въ приволжскихъ губерніяхъ имѣется значительное количество крещеныхъ татаръ, отпавшихъ въ магометанство и, наконецъ, г) самую большую группу составляютъ раскольники и сектанты, отпавшіе отъ Православія, но оффиціально числящіеся православными. Кромѣ перечисленныхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи встрѣчаются незначительныя, сравнительно, группы отпавшихъ въ прежнее нехристіанское исповѣданіе иновѣрцевъ, напримѣръ, закавказскіе абхазцы, забайкальскіе буряты и т. д. Дѣйствующимъ закономъ этимъ лицамъ, православнымъ только по имени, запрещается открыто исповѣдывать свою настоящую религію, а духовенству той вѣры, которую они внутренно исповѣдуютъ, не разрѣшается отправлять для нихъ (какъ признаваемыхъ православными) никакихъ требъ, изъ чего вытекаетъ, что такіе упорствующіе и отпавшіе остаются совсѣмъ безъ религіи. Не говоря уже о нравственныхъ страданіяхъ, которыя испытываютъ люди, остающіеся безъ всякаго духовнаго утѣшенія въ трудныя минуты жизни, надлежитъ признать, что они являются лишенными существенныхъ гражданскихъ правъ: рожденія, браки и смерти этой части русскаго населенія большей частью остаются не записанными въ метрическія книги; они не имѣютъ законной семьи и посему лишены твердыхъ имущественныхъ правъ. Хотя дѣйствующее законодательство не устанавливаетъ дѣйствительно-карательныхъ мѣръ за отпаденіе отъ Православія, но оно отказывается признать самый фактъ перехода въ другое вѣроисповѣданіе, если таковой совершился, и предписываетъ отдать отпавшаго на увѣщаніе духовному начальству, впредь же до возсоединенія его съ Православіемъ имѣніе его взять въ опеку, а для охраненія малолѣтнихъ его дѣтей отъ совращенія принять мѣры. Отвѣта же о томъ, какія послѣдствія наступаютъ для совратившагося изъ Православія въ случаѣ, если увѣщанія не подѣйствуютъ, законъ не даетъ. Обсудивъ вопросъ объ отпаденіи отъ Православія въ другое вѣроисповѣданіе въ связи съ изложенными указаніями, Комитетъ находитъ, что, въ области вѣры, принужденіе не должно быть допускаемо и насильственное удержаніе кого либо въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи не можетъ почитаться явленіемъ нормальнымъ. Если, съ точки зрѣнія православной Церкви, не встрѣчается препятствій къ признанію лица, отпавшаго отъ Православія, принадлежащимъ къ той религіи, которую онъ дѣйствительно исповѣдуетъ, то

тѣмъ менѣе можно нынѣ противодѣйствовать сему съ точки зрѣнія государственной. По мнѣнію Комитета, едва ли можетъ быть болѣе нежелательный элементъ въ государствѣ, какъ подланные безъ религіи, этого главнаго устоя нравственности; такія лица всего легче могутъ явиться благодарной почвой для зарожденія всякаго рода смутъ и беззаконій. Не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ, гдѣ нѣтъ законной семьи, не можетъ быть правильнаго отношенія между родителями и дѣтьми и что сильно затрудняется нравственное воспитаніе подростающаго поколѣнія.

По всѣмъ изъясненнымъ соображеніямъ, признавая несправедливымъ подвергать то или другое лицо, хотя и впавшее въ заблужденіе, но не совершившее никакого уголовно-наказуемаго дѣянія, ограниченію въ гражданскихъ правахъ, связанному нынѣ съ отпаденіемъ отъ православной вѣры, Комитетъ полагаетъ необходимымъ, чтобы правительство, въ случаѣ подобнаго отпаденія, признавало значеніе происшедшаго и оффиціально считало такое лицо принадлежащимъ къ религіи, которая имъ для себя была избрана, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыло ему возможность удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ безъ риска для инославнаго духовенства быть привлеченнымъ за то къ какой либо отвѣтственности. Намѣчаемое мѣропріятіе должно послужить также къ вящшему возвеличенію православной Церкви и явиться могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ ея для борьбы съ религіозными заблужденіями; опираясь не на содѣйствіе свѣтскихъ властей, а на кроткое учительство своихъ пастырей, Церковь достигнетъ въ этомъ направленіи болѣе благихъ, чѣмъ когда либо, результатовъ“ [1]).

Изъ содержанія изложенныхъ новѣйшихъ узаконеній и объясненій Законодательнаго Комитета по вопросамъ вѣры можно видѣть, что эти узаконенія въ дѣлѣ предоставленія свободы русскимъ православнымъ гражданамъ достигли до такихъ крайнихъ предѣловъ, о которыхъ не мечтали многіе изъ свободомыслящихъ—духовныхъ и свѣтскихъ [2]). Дай Богъ, чтобы добрыя желанія и намѣренія законодателей исполнились; но въ успѣхѣ дѣла, при излишней вѣротерпимости, можно сомнѣваться, имѣя въ виду неосвѣдомленность простого нашего народа въ религіозной области, могущаго увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія и заблуждаться подъ вліяніемъ пропаганды

---

[1]) Ibid.

[2]) Церк. Вѣстн. 1905 г., № 16, стр. 491.

иновѣрія и безвѣрія. Опасенія на этотъ счетъ, давно предвидѣнныя серьезными государственными людьми и писателями духовнаго вѣдомства, ярко успѣли обнаружиться, между прочимъ, въ отношеніяхъ католическаго населенія къ Православію въ юго-западныхъ окраинахъ, какъ это извѣстно изъ приведенныхъ въ своемъ мѣстѣ фактовъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Въ связи съ вопросомъ о вѣротерпимости, объявленной въ Высочайшемъ указѣ 17 апрѣля, въ печати снова поднятъ вопросъ объ отлученіи графа Л. Толстого. Передается слухъ, идущій яко бы изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, что въ виду объявленія религіозной свободы, въ высшихъ духовныхъ сферахъ, по иниціативѣ высокопреосвященнѣйшаго митрополита Антонія, явилась будто бы мысль о снятіи съ графа церковнаго отлученія. Этотъ слухъ не заслуживаетъ никакого довѣрія. Снятіе церковнаго отлученія съ графа было бы равносильно присоединенію его къ Церкви, объявленію его вѣрнымъ сыномъ Православія, при явно-антицерковномъ направленіи его мыслей и убѣжденій. Кромѣ того, принимая на вѣру подобные слухи о снятіи отлученія, не нужно забывать, что свобода вѣроисповѣданія, объявленная въ указѣ 17 апрѣля, не предрѣшаетъ собой свободнаго безразличія со стороны господствующей Церкви въ дѣлахъ религіозныхъ. Различные иновѣрцы, раскольники, сектанты, католики, протестанты и т. д., даже послѣ уравненія ихъ гражданскихъ и общественныхъ правъ съ послѣдователями Православія, все равно съ церковно-канонической точки зрѣнія остаются внѣ ограды церковной, заблудшими овцами стада Христова. Да и обратное „закрѣпощеніе“ графа за Церковью, безъ всякаго съ его стороны желанія, не будетъ ли тогда актомъ насилія, нарушеніемъ только что объявленныхъ правъ религіозной свободы?...

По нашему мнѣнію, отношеніе Церкви къ Толстому, какъ отлученному и чуждому, не измѣняется до тѣхъ поръ, пока онъ не обратится къ ней съ чувствомъ раскаянія и желанія соединиться съ нею. Пока со стороны гр. Толстого незамѣтно никакого расположенія къ возсоединенію съ Церковью; но улучшить и облегчить положеніе графа, какъ отщепенца, желаютъ нѣкоторые почитатели его, ошибочно прилагая къ нему изданный 17 апрѣля указъ правительства о свободѣ вѣры или—вѣротерпимости (см. ниже въ X-мъ отдѣлѣ). По означенному указу отпаденіе отъ господствующей православной вѣры, не будучи преступленіемъ, не преслѣдуется закономъ и не сопровождается, какъ такое, никакими лишеніями или ограниченіями личными,

имущественными и—въ гражданскихъ правахъ. Со стороны государственнаго права гр. Толстой посему не подлежитъ за свое отпаденіе отъ Православія никакому взысканію и преслѣдованію, какъ не подвергался онъ, благодаря снисходительности власти, никакому лишенію и до указа (отъ 17 апрѣля) о свободѣ вѣры, но послѣдній указъ не касается предоставленныхъ Церкви правъ по отношенію къ еретикамъ и отлученнымъ въ смыслѣ ограниченія ихъ или отмѣны. Право Церкви подвергать еретиковъ и друг. вредныхъ членовъ, духовнымъ наказаніямъ —право принципіальное и каноническое, принадлежитъ ей непоколебимо и постоянно. Посему совершенно напрасно и ошибочно возбуждаютъ нѣкоторые органы печати вопросъ о снятіи съ гр. Л. Толстого отлученія, считая его какимъ то мученикомъ за вѣру, а мѣру Св. Синода противъ него—неосторожнымъ шагомъ. По мнѣнію одной газеты, сами іерархи сознаютъ будто бы свою ошибку, но до сихъ поръ у нихъ не было удобнаго повода приступить къ этому; по означенному мнѣнію, раздѣляемому и другими органами печати и отдѣльными лицами, „законъ 17 апрѣля, предоставляющій всѣмъ полную свободу вѣрованій по велѣніямъ ихъ совѣсти, даетъ Синоду случай съ честью выйти изъ того неудобнаго (?) положенія, въ которое онъ самъ себя нѣсколько неосторожно поставилъ . Посему немедленно нужно снять съ Л. Толстого отлученіе и стараться возвратить его въ лоно православной Церкви не проклятіями (?), а, какъ указано въ Высочайшемъ повелѣніи, благодатію Господнею, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами; признать свою оплошность не стыдно и не поздно никогда... Готовится же Синодъ снять со старообрядцевъ клятвы, неосторожно (?) наложенныя въ 1666 г.“. Мы привели мнѣніе сторонниковъ и почитателей гр. Толстого не для разбора и опроверженія его, чего оно не заслуживаетъ по своей несостоятельности и недоразумѣнію, а для указанія на то, какъ, въ угоду личности, легкомысленно и пристрастно относится свѣтское общество наше къ важнымъ церковнымъ вопросамъ. Вмѣсто того, чтобы посовѣтовать гр. Толстому исправиться въ своихъ заблужденіяхъ и отношеніяхъ къ христіанской Церкви, почитатели его упрекаютъ послѣднюю въ строгости и неуступчивости.

Изъ нижеслѣдующаго примѣра можно видѣть, до какихъ размѣровъ дошло въ настоящее время равнодушіе къ церковнымъ наказаніямъ и вообще къ церковнымъ запросамъ и интересамъ. Отбывающій наказаніе въ мѣстномъ арестномъ отдѣленіи, лишенный правъ Александръ Добряковъ, вошелъ къ митро-

политу Антонію съ прошеніемъ, въ которомъ излагаетъ, что, исполняя требованіе устава о содержащихся подъ стражей—„выводить заключенныхъ православнаго исповѣданія въ Церковь", тюремная администрація понуждаетъ, наряду съ прочими, и его, Добрякова, посѣщать богослуженія въ тюремной церкви и вообще исполнять обряды Православія; неподчиненіе же послѣднимъ требованіямъ влечетъ за собой заключеніе въ карцеръ, лишеніе пищи и проч. Отвергая значеніе молитвы по понужденію и не желая больше подвергаться наказаніямъ за несоблюденіе обрядовъ Церкви, къ которой онъ признаетъ себя принадлежащимъ лишь по рожденію, но не по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, Добряковъ проситъ митрополита, на основаніи объявленной свободы совѣсти, отлучить его отъ Церкви и тѣмъ самымъ поставить его въ такія же благопріятныя условія, въ какихъ находятся заключенные неправославные, которыхъ никто не заставляетъ исполнять обрядовъ исповѣдуемой ими религіи.

Обобщая все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ главнымъ заключеніямъ: въ вопросахъ о падшихъ и отлученныхъ, древнехристіанская церковная власть руководилась ясными и опредѣленными указаніями и примѣрами Священнаго Писанія и священнаго преданія, т. е. она со строгостью всегда соединяла снисхожденіе и добрыя цѣли исправленія и обращенія отпадшихъ и заблудшихъ своихъ членовъ. Подвергая наказанію отступниковъ отъ вѣры и отлучая вредныхъ и опасныхъ членовъ Церкви, церковная власть не только не злоупотребляла даннымъ ей правомъ, но даже не пользовалась имъ въ той полнотѣ и силѣ, въ какой было бы можно безъ превышенія своего права и безъ противорѣчія своей компетенціи. Такими же вѣрными началами и побужденіями въ данныхъ вопросахъ руководствовалась и Церковь Русская во все время своего почти тысячелѣтняго существованія (988—1906); случаи уклоненія отъ основныхъ нормъ, вытекавшіе изъ ревности частныхъ лицъ и господствовавшаго духа времени, исправлялись постепенно по мѣрѣ облагороженія и развитія христіанскаго общества. Ненормальное направленіе современнаго общества, характеризующееся духомъ равнодушія и отрицанія въ дѣлѣ вѣры, побуждаетъ церковную власть чаще прибѣгать къ духовнымъ наказаніямъ и отлученіямъ, какъ испытаннымъ уже средствамъ для вразумленія и исправленія отступниковъ отъ вѣры и благочестія.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР